и краеведческий журнал

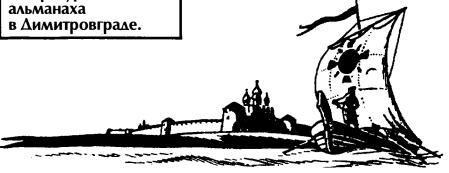
ЧЕРЕМШАН-«АЛЬТЕРНАТИВА» (ТОЛЬЯТТИ)

В номере:

«За милых дам!» - подборка на женскую тему.

«Быль и небыль» ульяновец Виктор ШЕПЕЛЕВ открытие «Черемшана».

«Альтернатива» - специальный выпуск тольяттинского литературного альманаха в Димитровграде.

HIND PRINCE 1911

март-апрель

2000

Литературно-художественный и краеведческий журнал Димитровградской горадминистрации и Димитровградского отделения Союза писателей России

посад

"МЕЛЕКЕОО"

B HOMEPE:

o nomer e.	
Евгений Ларин. «Две музы». Поэма.	3
Виктор Шепелев. «Быль и небыль». Рассказы. Стихи.	16
Гакиль Сагиров. Рецензия. Стихи. Рисунки.	36
Дебют. Римма Долодаренко. «Мототриллер».	
Путевые очерки.	46
Людмила Перикова. Цикл богородичных стихов.	70
В.Первушин. Переводы.	74
Детский уголок. Елизавета Парфенова.	
«Маму с праздником поздравим»	76
Антология одной публикации в «Черемшане»:	
Л.Артамонов, А.Шевченко, Э.Терентьева,	
В.Манохин. Стихи.	80
Специальный выпуск литературного альманаха	
«Альтернатива». В гостях у «Черемшана» тольяттинцы	
А.Степанов, В.Рябов, А.Залата и Ю.Оболонков.	84
Геннадий Генераленко. Рассказ.	150
Фотовернисаж «Черемшана»	155

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.Паршин, Глава Димитровграда

Н.Прохорова, директор краеведческого музея

В.Гордеев, член СП России, сопредседатель

писательского отделения

Е.Ларин, член СП России, сопредседатель писательского отделения

А.Никонов, член СП России, член Совета писательского отделения

С.Слюняев, член Совета писательского отделения

Л.Степанова, член Совета писательского отделения

В.Дюжий, член СЖ России, главный редактор газеты «Димитровград-панорама»

Главный редактор:

член Союза писателей России Валерий ГОРДЕЕВ.

Компьютерный дизайн: Т.Царева. Техническое оформление: А.Ефремов.

Редавция извещает о том, что с согласия авторов их произведения временно публикумися на безгонорарной основе.

Компьютерное обеспечение редакции официальной городской газеты «Димитровградпанорама». Главный редактор - член Союза журналистов России Владимир Дюжий.

© «Черемшан» 2000

Материалы журнала «Черемшан» размещены на страницах тольяттинского сервера в Интернете: «Toline».

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50. Сдано в набор 1.04.00. Подписано в печать 12.04.00.Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 10. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 10192.

Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортипографии, 433510, Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107

Евгений ЛАРИН ДВЕ МУЗЫ

Поэма

Пылало солнцем третье лето После чудовищной войны. И было в сердце море света От наступившей тишины. Я, бывший воин, с поля брани Вернулся к близким и родным. Двадцатилетний сельский парень, Я стал студентом городским Я шёл восторженно-весёлый, Бросая взор туда-сюда, И на углу девятой школы Остановился, как всегда. На месте людном и удобном, Здесь был торговый «пятачок», Где на тележке допотопной Стоял с мороженым бачок. Тогда прилавки пустовали, Не зная сладости сластей, А здесь мороженщица Галя Встречала взрослых и детей. Звенели мелкие монеты -И серебро, и медяки, И тётя Галя всем на это Вручала сладкие кружки.

Мы с ней уже друг друга знали.
Порой на лекции бегу,
Кричу ей:
- Здравствуй, тётя Галя!
- А угощаться?
- Не могу. Спешу к звонку.
- Ну, ну, понятно.
Всего хорошего тогда.
Когда пойдёшь домой обратно,
Добро пожаловать сюда.

2. Но вот и кончились уроки, Вздохнула свежестью душа, И снова я по той дороге Иду с друзьями не спеша. Мы очень весело шутили, Звенел и хохот, и галдёж. А тётю Галю окружили И детвора и молодёжь. Я возле них остановился И встал в тени под деревцо. И обомлел. И изумился, Увидя девичье лицо. И всё во мне затрепетало, А кровь прихлынула волной. Как солнце, девушка сияла В минуту эту предо мной. Всё было ярко в ней и броско: Глаза и губы, лоб и нос, Волнисто-пышная причёска Её роскошнейших волос. Они к плечам её стекали Темно-каштановой волной, И плечи густо укрывали И исчезали за спиной. И к ней тихонько приближаясь, Я был намерен без конца Смотреть в упор, не отрываясь, На красоту её лица. Но жаль, что встреча мало длилась И оттого в душе тоска: Девчонка эта быстро скрылась В толпе, текущей, как река.

3.
Ах, как томительно летели
В эпоху юности моей
И дни, и целые недели
Волнений, грусти и страстей.
Про это чудное мгновенье
Я днём и ночью вспоминал,
Но незнакомки, к сожоленью,
Нигде я больше не встречал.

Куда ж ты делась, - неизвестно? Где ты, прелестная, сейчас? Приди же снова на то место. Где тебя видел в первый раз! Приди, уйми мои волненья. Куда исчезла ты, куда? Мелькнула, будто в сновиденьи И не оставила следа. Как отыскать к тебе дорогу? Проездом что ль у нас была? Иль ты из города другого? Или какого-то села? Куда ты скрылась без огласки? Ну где сейчас ты можешь быть? Неужто принц из детской сказки Тебя сумел перехватить? Вопросов было много очень. И потому день ото дня Они с утра до поздней ночи Не отставали от меня. Но, признаваясь откровенно, Как ни печально сознавать, А незнакомку постепенно Я стал невольно забывать.

4. Однажды в ясный полдень мая, Покинув шумный стадион, Зачем, теперь и сам не знаю, Я заскочил в фотосалон. Передо мной - фотовитрина, И не свожу с нее я глаз. Девчота, женщины, мужчины Глядели в профиль и анфас. Стою смущённо, кепку скомкав, И прямо чуть не закричал: На фотоснимках - незнакомку Я неожиданно узнал. Топчусь почти у самой двери, На фотографии гляжу, Всё ещё верю и не верю И всё ещё не ухожу. Вот подхожу поближе к снимкам. Да, это именно - oнal Но - с моряком! Почти в обнимку Она - невеста иль жена? И то и это неприятно... А вот на карточке второй -Она с подругой, вероятно, А может быть, с родной сестрой? И вот фотографу-мужчине Решился я вопрос задать: - А вы не можете с витрины Мне пару карточек продать?

 Ну, если надо очень, - можно, -Фотограф мне не возразил, И фотоснимки осторожно Линейкой тонкой отлепил...

Готов я был плясать вприсядку, Покинув доброе крыльцо. Ведь за какую-то десятку Я приобрёл её лицо! Домой летеля, как на крыльях, И как же тут не ликовать?! Теперь лишь имя и фамилию Осталось только мне узнать. И лишь одно меня смущало: Кто сей таинственный моряк? И сердце грустно замирало, Ещё не зная, - что и как. И сердце ёкало сильнее. Ещё не зная ничего, Ещё и права не имея, Винить соперника того. Сидел я дома в комнатушке, Листая свой фотоальбом. Друзья, товарищи, подружки Сошлись, как в дом, в альбоме том. Листаю толстые страницы, Но вижу - места уже нет, Чтоб вставить новенькие лица И «прописать» на много лет. Вот начал делать я примерку, Местечко выискав одно, И в этот миг приятель Герка Стучит пронзительно в окно. Ему я двери открываю, Приветно руку подаю, И Герка, **тихо ковыляя,** Проходит в комнату мою.

6.
Он сел к столу, начать робея,
Потом с улыбкою сказал:
- Пришёл за помощью к тебе я,
Чтоб поздравленье написал.
- Какое ж надо поздравленье?
- Да пригласил меня дружок.
Иду к нему на день рожденья,
Так сочини десяток строк.
Он пробурчал невнятно что-то
И мой альбом увидел вдруг.
- Ух, ты! А это что за фото? И побледнел мгновенно друг.
Вскочил встревоженно со стула
И, покраснев, затрепетал.

В глазах, как молния сверкнула. - Кто фото дал? Где снимок взял?.. - Сейчас купил прямо с витрины, -Смеясь, ответил бодро я. - Ку-пил? Да это ж - м о я Нина! - Твоя? - я вздрогнул. - Да, моя I Хотя моя не в самом деле, -Прищурил Герка левый глаз. -Я с ней знаком две-три недели, А вот встречался только раз. - Но у неё у ж е есть кто-то, Кто до тебя ещё знаком. -И я показываю фото. Где она снята с моряком. - Я знаю этого матроса, -Сел Герка около меня. -Тут нет неясного вопроса: Не ухажёр он, а родня. О, как тогда я волновался -Досадно, как ни говори. - Ну вот что, Герка, - я поднялся, -На, обе карточки бери! Дарю тебе, не сожалея, И буду рад поздравить вас. Ты один раз встречался с нею, А я лишь видел один раз. - Не надо! Пусть лежат на месте, -Руками Герка замахал. -Их у меня уже штук десять, Я до тебя их переснял. Важней не снимки, а задачка, Какую надо нам решить. Ведь на двоих - одна землячка... Как её надвое делить?

7. Пока писал я поздравленье, То Герка хмурился, молчал, Потом поднялся и в смущеньи Он с дрожью в голосе сказал: - Друг, об одном тебя прошу я: Не подставляй мне к сердцу нож. Ты ещё влюбишься в другую, Но эту... Эту - не тревожь. А мне к другой стремиться - глупо, Мне трудно встретиться с другой. Тебе легко встречаться в клубе, А я куда с больной ногой? И эту вескую причину *Ты должен дружески учесть...* l Іостой, постой/ Да ведь у Нины Ещё милей сестрёнка есть!

Навряд ли видел ты такую В своём студенческом кругу. Вас познакомить не смогу я, А показать её - могу. Идёт? - обнял меня Георгий. - Илёті - Тогда, мой друг, пока. Уверен: будешь ты в восторге. Жду завтра в клубе «Главмука». Он жал мне руку на прощанье, Не торопясь ещё уйти. -- А можешь дать ты обещанье, Что мне не встанешь на пути? - Да, - я ответил, - о-бе-ща-ю. Не дам в душе гореть костру. Не наступал, но отступаю, Сестру, «меняя» на сестру...

Клуб мукомолов, вспоминаю, Был главным центром в те года, На вечер танцев, собирая, Почти полгорода тогда. Там молодёжь всегда общалась Без опасений и помех. Она знакомилась, влюблялась -Клуб местом встреч служил для всех. Мы больше часа с Геркой ждали Прихода нужных нам девчат И молчаливо наблюдали, Не отводя от двери взгляд. - Пришли, - вдруг тычет Герка в спину. И огляделся я вокруг, Узнав по памяти лишь Нину Среди пришедших с ней подруг. Я исподлобья наблюдаю, Душа волнения полна. И всё гадаю, всё гадаю: Ну да которая ж ... ОНА? A Герка к Нине устремился И мне кивнул, прищуря глаз. - Привет сестрёнкам! - и смутился: - Мы рады с другом видеть вас... И вот ОНА - передо мною Слегка глазами повела, Бела, как яблонька весною, Скромна и ангельски мила. И вот кружусь я в танце с нею И от смущения горю. И то бледнею, то краснею, То что-то робко говорю. Я в полном смысле закружился, И в тот же вечер, в тот же час, Я прямо по уши влюбился

В ту, кого видел в первый раз. Стихотворенья и поэмы Я вскоре стал ей посвящать... Но тут уже - другая тема, Пора рассказ и закруглять.

Да, я в ту пору не на шутку Увлёкся Нининой сестрой, И в мыслях каждую минутку Она тогда была со мной. Когда ж бывал я с нею рядом, То по десятку её слов Я ощущал душой и взглядом, Что между нами - длинный ров. Всё в дружбе нашей сложно было, Большого не было огня... Ох, она за нос поводила Да и помучила меня! Бывало, сердце, как разрубит, Уйдёт молчком, причину скрыв. Днём - любит, Вечером - разлюбит. Днём - вместе, Вечером - разрыв. Я попросил однажды Нину Поговорить с ее сестрой, Узнать: в чём всё-таки причина, Что так ведёт себя со мной? Но Нина кратеньким ответом Одно сумела сообщить, Что с ней сестра на тему эту Не захотела говорить. И вдруг она письмо прислала И, к удивленью моему, Она мне искренне писала: «Да, я тебя не понимала, Да и себя не понимала, Да, я тебя недолюбляла, Сама не знаю, почему»... Не упрекнёшь и не осудишь -Права по-своему она. Насильно, ясно, мил не будешь, Известно это издавна. Что ж, весть не очень-то приятна. Наверно, с ней мне - не судьба. Зато была вполне понятна Её душевная борьба. Зато уже яснее стали И каждый взгляд её и жест. Не зря молчаньем выражала Она души своей протест.

10. И потекли совсем уныло За часом час, за днями дни,

Но время медленно гасило В душе бенгальские огни. Уже моя подруга стала Меня нередко избегать, Что обижало, унижало И не могло не раздражать. Но вскоре лопнуло терпенье, И я ходить к ней перестал, И напоследок в утешенье Себе с улыбкою сказал: - Напрасно женщин мы голубим, Ведь Пушкин прав до наших дней: «Чем меньше женщину мы любим, Тем легче нравимся мы ей». Пораньше вспомнить бы об этом. Читая классиков своих. Нас учат мудрые поэты, А мы не учимся у них. Мы вопреки им поступаем, Когда душа горит в огне, И перед женщинами таем, Как снег последний по весне. Стихи поэты посвящают Своим любимым испокон. А живописцы возвышают Своих поклонниц до икон. Ну, а уж скульптор непременно Берёт то мрамор, то гранит -И высекает вдохновенно Своих Венер и Афродит. Да что там скульптор знаменитый! На что уж я - простой студент -Вознёс в душе Александриту На самый высший постамент. Не я ль стихи о ней влюблённо Рукой неопытной творил? И не её ли, как мадонну, Я день и ночь боготворил?! И я, в сердцах, стихотворенья Решил тогда обратно взять. Чтобы о наших отношеньях Своих следов не оставлять. Но она искренне просила Тетради эти ей вернуть. - Зачем зачёркивать что было? Ведь всё в душе не зачеркнуты

 11.
 Да, она верно рассудила -Всего в душе не зачеркнёшь.
 И не воротишь то, что было, А что угасло - не зажжёшь.
 С эпохи Евы и Адама
 Друг другу раним мы сердцо, И на душе рубцы и шрамы Не заживают до конца... Я ей вернул тетради снова И многозначаще сказал: - Как перепишешь слово в слово, То мне вернёшь оригинал. Она ответила с упрёком: - Зачем ведёшь напрасно речь? Ты посвятил мне эти строки? Так, значит, мне их и беречь! Тебе я честно обещаю: Перепишу - не обману. Оригиналы - оставляю, А тебе копии верну... И обещание сдержала, Чем я доволен был весьма. То, что она переписала, Всё принесла ко мне сама. И ей в глаза с улыбкой глядя, Я был тогда сказать готов: «Переписала три тетради По сорока восьми листов! И это лестно мне, ей-богу. Хоть ты капризна и строга, Но обо мне тебе немного, Выходит, память дорога?» Мы, как в кино, с ней расставались, По-человечески тепло. Не упрекали, не пытались Излить что души наши жгло. И было всё-таки отрадно, Что мы в прощальный этот час Расцеловались троекратно, Как это принято v нас.

12. С полгода, больше ль, миновало -И я уже семейным стал. Душа в покое отдыхала, В ней прежний шквал не бушевал. Валили день и ночь бураны -По пояс город занесён. И вдруг негаданно-нежданно Письмо принёс мне почтальон. Узнал я почерк ЕЕ сразу, Не торопясь конвертик вскрыл, А прочитавши две-три фразы, Письмо в сторонку отложил. Её ли голос сердце слышит? Её ли буквы встали в ряд? Она ли эти строки пишет? Её ль слова в глаза глядят? Немало я читал посланий И откровенных женских строк,

Но от неё таких признаний Представить мысленно не мог. Она была самолюбивой, И понимал я глубоко, Что этой деве горделивой Далось признанье нелегко. Вопросы роем лезли в душу. Вопросам не было числа. Ах. дорогая-дорогуша, Где ж ты до этого была? Чего ждала? Чего искала? Что не стучалась раньше в дверь? Что никогда ты не писала Так откровенно, как теперь? Зачем вела себя наивно, Чужих достоинств не ценя? Зачем порой демонстративно Ты уходила от меня? Таких признаний почему же Из твоих уст я не слыхал? Ведь я ни лучше и ни хуже За эти полгода не стал... Я на письмо ей не ответил. Чтобы души не растравлять, Но от неё - второе, третье Письмо пришло ко мне опять. Её пронзительное слово В меня вонзалось, не спеша. И защемило сердце снова, И взбудоражилась душа...

13. Я всё цитировать не стану О чём писала мне она. Словно Онегину Татьяна Открыла душеньку до дна: «... Да, я тебя недолюбляла, Когда со мною ты дружил. Теперь сама влюблённой стала, Как будто кто приворожил... ... Ох, да тебе ли не знакомо -Как боль разлуки тяжела!..» А дальше, видно, из альбома Четверостишье привела: «Мою любовь ты презираешь, Смотреть не хочешь на меня, Но, может, после ты узнаешь О том как я люблю тебя». Ну разве нежными словами Мужское сердце не пронзит? От слов таких - гранитный камень -И тот в момент заговорит. От жарких слов и лёд растает И с горных ринется вершин.

Такое слово покоряет И несгибаемых мужчин. И я не вынес испытанья. Как этот крест ни был тяжёл, Но к ней на тайное свиданье, Как на Голгофу, я пришёл. И всё во мне заполыхало, Как в опьянении хмельном... Был март. Весна души совпала С весной, бурлящей за окном. Мы были рады, что мы вместе, Скажу без ложного стыда. Но признаюсь: границы чести Не преступали никогда. Она была души опорой, Как в скозке аленький цветок. Сорвать безжалостно который Я даже мысленно не мог.

14. n...

Дни наших встреч недолги были, Мы не хотели их и длить, И разойтись опять решили, Чтоб «дальше в лес» не заходить. Уехал я к родным в деревню Недалеко от Малыклы... Когда вернулся, то деревья Стояли все голым-голы. Иду по улице знакомой, Волнуюсь всё-таки. И вдруг Невдалеке от е ё дома Встречаю двух её подруг. Одна из них мне сообщила: - Пока ты был в тиши села. Тебе подруга изменила И жениха себе нашла... Он то ли с юга, то ль с Алтая, Но не из русских её друг. Да и фамилия чудная: То ль Жеребчак, то ль Жеребчук... Услыша это, сердце сжалось, Глотаю горечи слюну. Досада, боль, обида, жалость Смешались сразу в грусть одну. И осознав душой утрату, Сказал я девушкам в ответ: - Нучто ж, спасибо вам, девчата, Передавайте ей привет. Знать, и её пора настала, Чтобы женой кому-то стать. С одним она уж опоздала, Как бы с другим не опоздать.

15

А вскоре, слышу, что супругом Она уже обзавелась, И вместе с ним куда-то к югу Из Мелекесса подалась. Муж, говорят, был очень резким. Всегда ужасно ревновал И «стихоплётом мелекесским» Её нередко укорял: «Зачем стихи ты сохранила? Ведь ты уже моя жена! Ты, значит, помнишь с кем дружила? И этой памяти верна? Да я сейчас твои тетрадки И изорвать могу и сжечы..» И тут он в яростном припадке Швырнул тетради эти в печь... Мне говорили: в те мгновенья На высоте она была, Хотя и слез, и возмущенья Сдержать от гнева не могла. С каким достоинством сказала Она ревнивцу-муженьку: «Да, я поэта вдохновляла, А вот досталась... дураку!» Жаль, оказалась дурь сильнее Неукротимого огня... А я всё, связанное с нею, Сберёг до нынешнего дня. Она когда-то говорила, О чём не грех напомянуть: «Зачем зачёркивать что было? Ведь всё в душе не зачеркнуть».

16. Порой, то в зале магазина, То на дороге иногда, Случайно я встречаю Нину -И этим встречам рад всегда. Она, как прежде, всё такая ж -Мила, приветлива, охромна. И мы невольно вспоминаем Про золотые времена, Когда и молоды мы были, Когда в душе был ярче свет, Когда и сами мы любили. И нас любили в двадцать лет, Когда совсем иные вздохи Из нашей слышались груди... Когда до рыночной эпохи Полвека было впереди. Да, полстолетья миновало Не без волнений и тревог.

И утекло воды немало, И много пройдено дорог. Но память сердца не тускнеет, - Она по-прежнему остра. В ней всё дымят ещё и тлеют Останки давнего костра. Никто в него уж не подбросит Теперь ни ветки, ни сучка. И ветер времени разносит Последний дым под облака. Но вряд ли дочиста развеют Ветра сгоревшее дотла... Как погорелище чернеет В душе и пепел, и зола.

17. Стрелой промчались наши годы, И всё же я не позабыл Дом, что напротив крупзавода, Куда я в юности ходил, Куда, волнуясь и робея, С мечтой пресветлой налегке, Входил, как в храм, благоговея, Кепчонку комкая в руке. Порой иду мимо крылечка То будто душу мне кольнёт -И заволнуется сердечко, И всё былое промелькиёт. Остановлюсь и поглазею В проём распахнутых дверей... Стою, как будто у музея Далёкой юности своей. И так становится тревожно, Что беспокойства не унять... Ах. если было бы возможно Своё былое исправлять! Но всё, увы, - неисправимо, Погасли давние костры... Лишь до сих пор неугасимы Две Музы - две родных сестры. Спасибо им за вдохновенье, За чистоту и милый взор. За солнце чудного мгновенья, Что незакатно до сих пор. Ах, как прекрасно, что в России, Во все земные времена. Есть ещё женщины такие. Чьи незабвенны имена!

Виктор ШЕПЕЛЕВ

Виктор Шепелев многие годы писал стихи, много общался с профессиональными поэтами, учился профессиональному подходу к литературе, но редко выставлял свои произведения на суд читателя. Первым серьезным размышлением поэта-симбирянина о времени, Родине, своем месте в обществе стал поэтический сборник «Тропинка к дому», недавно увидевший

Уроженец с.Первомайское Ульяновской области. поэт В.Шепелев сумел объехать всю территорию бывшего СССР: строил поселки и города в Сибири, на Чукотке, Камчатке, Дальнем Востоке, на Курилах... Путешествовал по всей западной Европе, был в Египте, Австралии. И эта его «география биографии» отражена в стихах, в его во многом необыкновенной книге-исповеди.

Автор живет в Ульяновске, очень любит наш город. Часто бывает здесь с деловыми и творческими поездками.

Подборка произведений Шепелева в «Черемшане» знакомство не только с поэтом, но и прозаиком.

РРІЧР и нерыль

УБИЙЦА

Холодный осенний ветер сильными порывами хлестал по стеклам окна комнаты нашего общежития прядями дождя.

В комнате было тепло, ярко горела электрическая лампочка, я сидел за столом и писал. В комнате было тихо, и эта тишина радовала меня.

Я люблю одиночество, у меня почти не бывает друзей, такаяжизнь меня очень устраивает. Дружба накладывает определенную ответственность за Оказанное вам внимание и отнимает время.

На кровати возле окна сидел парень восемнадцати лет и читал книгу. Неделю назад его поселили в комнату, где до того времени я жил один.

Кроме того, что его зовут Николай, он белорус, в Белоруссии у него живут мать и младшая сестренка, работает он в нашем строительном управлении учеником плотника, о нем я ничего не знал.

Он был высокого роста, не по годам серьезным, молчаливым и угрюмым. Друзей у него не было, на мои вопросы отвечал односложно. Откровенного разговора, чтобы сблизиться, у нас не получалось. После работы, если он не уходил в кинотеатр, то сидел на кровати и читал книгу, а я сидел за столом и писал, как и было в тот вечер.

Закипел электрический чайник, выключив его и поставив на стол, заварил цейлонский чай, аромат которого заполнил комнату.

Николай положил книгу на колени и молча смотрел в стену, как будто решая какую-то сложную задачу.

Я пригласил его к столу пить чай. Он молча подошел, налил кружку чая, положил в него сахар и сел на свободный стул напротив меня.

Мы долго молча сидели, наслаждаясь ароматом чая, слушая завывание ветра и шум дождя. Я его спросил, что привело его в столь далекую, холодную Сибирь из его прекрасной страны с мягким, теплым климатом.

Он улыбнулся какой-то неестественной, горькой улыбкой и, глядя мне прямо в глаза, как будто хотел заглянуть мне в душу и спросить меня: а стоит ли отвечать на мой банальный вопрос, ответил: «Я убийца».

Меня нисколько не смутил его ответ - на убийцу, в моем представлении, он вовсе не был похож, да и вряд ли такой человек, как он, мог убить человека.

Характер его был мягким, а сам он казался добрым. Как-то сам по себе за-

вязался наш разговор и он рассказал мне следующее...

Отец Николая в самом конце Великой Отечественной войны погиб на фронте. Мать работала в колхозе дояркой, материально обеспечены были очень пло-XO.

Родной брат матери пригласил Николая жить к себе. Он работал начальни-

ком монтажного участка. Участок тянул линию электропередач.

После окончания школы Николаю без особых проблем выдали в сельском совете справку с места жительства и он уехал на попутной подводе к своему дяде.

Дядя подписал Николаю заявление, что принимает его на участок учеником монтажника. В отделе кадров этот вопрос был оговорен раньше, и Николай без

особых проблем устроился на работу.

Всю зиму, прожив вдалеке от семьи, аккуратно ежемесячно высылал матери часть своей зарплаты. Семье стало жить легче. Мать и сестренка радовались . за своего Николку, что он уже стал взрослым, хорошо живет, коль высылает им каждый месяц деньги.

. Мать и сестренка писали ему ласковые, теплые письма. В письмах рассказывали о жизни села: их корова Зорька отелилась - принесла двойню, телочку и бычка - это непременно к счастью, ведь коровы редко одаривают таким образом своих хозяев.

Читал такие письма и сердце его сжималось от тоски по дому. Появилось непреодолимое желание посмотреть на родную деревню, близких и родных ему людей. Он сильно заскучал и однажды попросил дядю отпустить его на несколько дней в его деревню.

Заявление было подписано, Николай не захотел ждать попутного транспорта, дорогу, как ему казалось, он помнит хорошо. Плотно пообедав, он пошел домой.

Восемнадцать километров отделяли его от родительского дома, но он считал это небольшим расстоянием и намеревался к вечеру быть в деревне.

Приближалась весна, солнце поднималось высоко, ярко светило и ласково одаривало своим теплом все живое на земле. В лесу на ветвях деревьев снег подтаял и осыпался, пахло смолой, между ветвей порхали проворные пичужки. После зимней стужи лес казался светлым и приветливым, настроение было хорошее. Николай быстро шел лесной дорогой, радуясь тому, что скоро увидит родных и близких.

Лес был изрезан множеством дорог: по одним вывозили за зиму заготовленный лес, по другим - развозили металлические конструкции на ЛЭП, и все они были хорошо укатанные.

Скоро за лес опустилось солнце, птицы умолкли, в лесу стало быстро темнеть. По времени он должен был подходить к своей деревне, но его окружал

незнакомый, неприветливый, темный лес. Николай пошел быстрее, и вскоре лес отступил, на его смену пришли вырубки с молодой порослью. Из-за леса появилась большая красно-желтая луна и быстро начала подниматься, убавляясь в размерах и приобретая желтосветлый оттенок.

Пройдя километра два, он понял, что действительно сбился с пути и идет другой дорогой не в сторону своего дома. Вскоре почуял запах дыма и еле слышный лай собак.

Уже не было сомнений, что сбился с дороги, но возвращаться уже было поздно. Да разве он мог найти дорогу к дому в темном, незнакомом лесу?

Решил дойти до деревни, переночевать в ней, а утром, расспросив живущих в деревне людей, пойти домой.

Эти мысли его успокоили и огорчили, но он пошел еще быстрее и скоро увидел в большой лощине чужую деревню.

В стороне от дороги стояло несколько домов, а основная деревня стояла на другом берегу реки.

Пройдя через мост и поднявшись по склону, очутился в центре на широкой улице. Возле ворот крайнего дома злобно лаяла собака, в следующем доме не было света. Электричества в деревнях не было, а керосин был дорогой, да и не всегда был в лавке, поэтому люди «сумерничали» без света или рано ложились спать. А беспокоить людей он не захотел.

В следующем доме тускло горел свет, пройдя по тропинке к нему, открыв дощатую дверь и пройдя в темные сени, Николай нащупал ручку на входной двери в дом, а потом уже тихо постучал в дверь. И услышал голос в доме, открыл дверь и шагнул через порог.

В комнате была жарко натоплена печь, на кровати возле стены лежала беременная женщина. Она лежала на спине и большой живот возвышался над нею.

Расспросив Николая кто он и откуда, женщина предложила ему раздеться. н покушать. Женщина не поднималась с кровати, а сказала, чтобы Николай был как дома. За «голландкой» к стенке была прибита сделанная из досок полка, на ней лежал хлеб. На шестке печи в чугунке был сваренный, еще горячий, картофель, в большом блюде на столе стояла квашеная капуста.

- Бабушка Пелагея истопила печь и сварила картошку, а сама только что ушла, - рассказывала женщина.

Муж женщины работал на лесоповале, домой его не отпустили, а ей вот пришло время рожать. Но бабушка сказала, что сегодня она не родит. Соседний парень увез бабушку домой на санках, у нее больные ноги - сама-то не дойдет, а живет она на другом берегу реки.

После ужина Николай залез на русскую печь, от тепла и усталости быстро уснул.

Проснулся он от душераздирающего крика, сколько проспал, не знал, но быстро соскочил с печи. Женщина корчилась от боли и кричала, что скоро уже утро, и она начала рожать, а Николая попросила сходить за бабушкой Пелагеей.

Николай быстро оделся и вышел во двор, в лицо ударил свежий морозный

воздух, сон сразу улетучился. По тропке, как ему объяснила хозяйка, он быстро пошел к реке. На середине реки была прорублена длинная, широкая прорубь, в ней поили колхозный скот. Прорубь была затянута тонким ледком, лед отражал матовый блеск заходящей луны.

Обойдя прорубь, он поднялся по довольно крутому склону и пошел к дому бабушки. Постучав в окно, он вошел в избу и объяснил, что хозяйка рожает и

велела привести бабушку к ней.

Бабушка заохала, запричитала, встала со скрипучей кровати, которая стояла возле «голландки», и стала одеваться, когда вышли во двор, палкой приперла входную дверь, села на санки, приготовленные Николаем, и скрипучим голосом сказала: «А ты осторожно вези, сынок, а то уж дюже крутая у нас гора».

Николай потянул санки за веревку с места и они вскоре покатились сами, наезжая ему на ноги. Ему пришлось бежать сбоку и за веревку придерживать их. Но вдруг его нога провалила наст, он споткнулся и упал, веревка вырвалась из

его рук, и санки, набирая скорость помчались вниз.

Николай быстро вскочил и попытался догнать их, но ноги пробивали наст и он падал, не догоняя их. Услышав скрежет полозьев, треск льда и всплеск воды, Николай ринулся к проруби, увидел пробитый санками лед и колышущуюся в проруби воду. Он понял, что случилось, ужасная трагедия, и он не сможет предотвратить беду.

Бросившись к изгороди стоявшей на берегу реки, сорвав с нее верхнюю жердь и подбежав к проруби, стал шарить жердью, но так и ничего не нащупав, сунул жердь под лед, долго стоял в каком-то оцепенении возле проруби и медленно побрел к дому, в котором ночевал.

Возле дома долго стоял, не решаясь войти, а когда вошел, увидел - возле роженицы хлопотала пожилая женщина, зашедшая навестить беременную соседку, да и как раз к сроку. Помогла принять родившегося ребенка.

Николай понял, что его помощь не нужна, сказал, что он уходит, и вышел во двор. Страх гнал его от этого села, он быстро шел, изредка оглядываясь назад, боясь услышать позади себя погоню.

Ужебыло светло, когда он увидел вагончики своего участка, рубашка на нем была мокрая от пота, а когда снял шапку, от головы шел пар.

К счастью, как посчитал он, а может, к несчастью, начальника участка в вагончике не оказалось, а замещал его молодой прораб.

Николай написал заявление на увольнение. Прораб был занял производственными делами, давал какие-то указания мастерам, с кем-то разговаривал по телефону. Он знал, что Николай просился в отпуск, и его дядя обещал отпустить его. Прораб взял заявление и, едва взглянув,

подписал: «Не возражаю».

В поселок, где находилась ПМК, шла попутная машина. Забравшись в кузов, через час Николай был в конторе ПМК, а в три часа дня получил полный расчет и опять же на попутке доехал до железнодорожной станции, где купил билет на первый же поезд.

А потом поезд увозил его все дальше на восток. Он никак не мог осмыслить происшедшее и лишь закрывал глаза, видел катящиеся санки, а на них старую женщину. Слышал страшный скрежет льда и видел темный всплеск воды.

Поезд пришел на конечную станцию в большом сибирском городе.

На вокзале было мною людей, он впервые в своей жизни увидел лампы дневного света и очень был удивлен, когда, пройдя в полумраке сумерек, очутился в большом зале, где было светло, как днем.

Люди куда-то спешили, несли большие тюки и чемоданы, и все были заняты собой. Никому до него не было дела. Среди этой спешащей толпы Николай почувствовал пустоту и одиночество.

По залу шла полная женщина в белом фартуке с большой корзиной в руках и громко кричала: «Горячие пирожки с ливером! Горячие пирожки с ливером!»

Первый раз с того злополучного дня, когда санки с бабушкой укатились в прорубь, Николаю захотелось есть. Он подошел к женщине и подал деньги. Женщина, поставив на пол кошелку, свернула из старой газеты большой кулек и наложила в него порожков.

Найдя себе свободное место на диване, сделанном из толстых реек, покрытых желтым лаком, он сел и стал есть. К нему подошел парень лет двадцати пяти, сел рядом и попросил пирожок.

Они быстро познакомились, съели все пирожки. Парень оказался тоже приезжим, в городе живет целую неделю, но у него тоже нет жилья. И они решили ночевать на вокзале.

А когда наступило у́тро, новый знакомый Николая пригласил его в столовую. Рассчитывался за завтрак, конечно, Николай. После завтрака они пошли на товарную станцию.

В старом двухосном товарном вагоне была оборудована «теплушка», в ней по утрам собирались такие же бездомные люди. И ожидали, когда придет кладовщик и предложит работу: разгрузить вагон. Деньги выплачивали сразу после разгрузки.

Толпа собралась в бригаду, люди разного возраста, каждый откуда-то приехал и задержался на этой станции. У многих не было документов. Люди бежали из деревень от невыносимой жизни, их задерживала милиция, сажали в тюрьмы, после освобождения им выдавали справки, по этим справкам получали паспорта и становились жителями города.

Среди этой толпы были и преступники, скрывавшиеся от закона, алиментщики, которые не хотели платить своим чадам.

После разгрузки в складчину покупали водку, хлеб, селедку. Напившись, начинали какие-то разборки, у кого-то появлялась на кого-то какая-то обида, и часто такие разборки заканчивались дракой.

Николай держался возле своего приятеля, ни в разговоры, ни в драку не ввязывался, ночевали иногда на железнодорожном вокзале, иногда в каком-то подвале, в колодцах теплотрассы.

В Сибирь пришла весна - бурная, яркая, в городе снег быстро растаял и шумными, мутными ручьями сбежал в канализационные колодцы. По утрам еще стояли небольшие морозы, зато днем ярко светило солнце и ласково грело.

Николай понимал, что так жить нельзя, предложил своему приятелю уехать в Кузбасс и начать там новую жизнь. С пересадками на электричках они добрались до нашего города.

В первую же ночь на вокзале, где они остались ночевать, к ним подошёл милиционер и попросил для проверки документы. У попутчика Николая их не оказалось, на этом основании их забрали в участок, где они и проспали на полу в маленькой, душной каморке до самого утра.

Утром Николая отпустили, но лейтенант предупредил его, чтобы он устраивался на работу, а иначе посадят в тюрьму за бродяжничество.

Приятеля увезли в городскую милицию и больше они уже не встречались. Целый день проходив по незнакомому городу, Николай присел на лавочку в сквере отдохнуть и заснул. Под утро его разбудили, он открыл глаза, перед ним стояли два милиционера, велели предъявить документы для проверки, потом отвели его в отделение милиции.

В милиции помогли ему устроиться на работу. С новой работы его отправили сразу в командировку в пригородный совхоз, где он и проработал до самой осени, строя с бригадой коровник.

...Через несколько дней после нашего разговора с Николаем я уже уехал в командировку, где и пробыл до самой весны.

А когда вернулся назад, Николай уже на жил в нашем общежитии. Знакомые ребята мне сказали, что он зимой рассчитался и уехал домой к матери.

Как сложилась его дальнейшая судьба, я не знаю. Но после его признания, я ему советовал пойти в милицию и все, что с ним случилось в ту злосчастную ночь, рассказать. Иначе нельзя всегда носить в душе столь непомерно тяжелый груз.

Я не знаю, как он поступил, но, думаю, правильно.

СКАКОВАЯ ЛОШАДЬ

На железнодорожную станцию, для совхоза, в котором я работал, пришел ячмень. Вот за ним-то мы и поехали, на лошадях-тяжеловозах владимирской породы. Тяжеловозы - лошади крупные, красивые и сильные.

Впереди обоза, в легких санках ехал бригадир, завернувшись в большой овчинный тулуп. Свою лошадь он постоянно сдерживал, туго натягивая вожжи, не давая ей хода. Был сильный мороз, лошадь шла, приплясывая, как будто на пружинах. Увидев ее впервые, можно было подумать, что ей года четырелять. Действительно же, это была старая лошадь. Ее звали Смена

была она орловской породы, черной масти, с белым пятном на лбу и с такой же белой шерстью на всех четырех ногах ниже колен, словно обутых в белые чулки. Стройная, на тонких длинных ногах, с гордо поднятой головой, она никогда не жеребилась, поэтому и не располнела под старость, как лошади ее возраста. Уважая за бывшие заслуги, ее никогда не отдавали на хозяйственные работы, а держали ее для выезда.

Шла она легким шагом, искоса посматривая по сторонам, ревниво следя, чтобы другая лошадь не вздумала обогнать ее. Если такое иногда случалось, а ее вожжи были туго натянуты, она все равно старалась вытянуться всем туловищем вперед, ускоряла шаг, прижимала уши кголове и пыталась укусить обидчицу, но не уступала ей дороги.

21

Казалось, она появилась на свет, чтобы быть лидером; и все прожитые годы она была первой.

Еще трехлеткой, когда впервые ее стали обучать искусству рысистой лошади, она поняла, чего от нее хотят добиться, - желание своих хозяев, и она заразилась этим желанием - быть всегда первой, которое сохранила до последней минуты своей жизни.

Среди сверстников на бегах ей не было равных. О ней заговорили специалисты конного спорта, как о каком-то особенном явлении среди лошадей ее породы. Она вихрем мчалась на столичных ипподромах, в нее как будто вселялся дьявол, который давал ей силы и выносливость, в ней бушевала неиссякаемая энергия.

Но шли годы, они незаметно пролетали в громе оваций, и к ней подкралась старость. Она не понимала этого, она протестовала всем своим существом, когда впервые за много лет на скачках ее обошла молодая, энергичная и легкая, как весенний ветер, соперница. Она не понимала, что приближается к жизненному финишу. И вот она уже шла впереди обоза тяжеловозов, рабочих лошадей, но чувствовала себя лидером.

Обогнув пологую гору, наш обоз вышел на равнину и прямой дорогой потек к впередистоящему селу, до которого оставалось километра четыре. Проехали мы километров пять, от широких спин наших лошадей уже поднимался пар. Всю дорогу лошади прошли легкой рысцой, но они тяжело дышали и фыркали ноздрями, стряхивая из них иней.

И только Смена легко шла впереди, готовая мчаться вперед.

Из-за горы поднималось бордовое зимнее солнце, на восходе солнца мороз усиливался, пробирался в теплые валенки, пощипывал нос и щеки. Молодые извозчики спрыгивали с саней и бежали за ними, чтобы согреться.

Я смотрел на покрытую снегом равнину. Вдалеке темнел лес. Вонночью нашу дорогу пересек заяц, оставив узорчатую цепочку своих следов на свежем, вечером выпавшем снегу. И направился к лесу - поглодать слегка кору молодой осины.

Со стороны села, тоже ночью, прошла лиса. Ничем не поживившись возле села, она набрела на заячий след возле дороги, заячий запах защекотал нюх, возбуждая аппетит, стропив след, лиса пошла по нему. След лисы был широким, лапы крупные.

По всей вероятности, это был старый лис, матерый самец. Он знал запах горячей зайчатины, в молодые годы ему часто случалось лакомиться заячьим мясом. Это были или молодые зайчата, или «тяжелье» зайчихи. Но бывало и молодого сильного зайца хитрый лис, в расцвете сил зимой, загонял в глубокий снег и добывал его. Но он знал и хитрости зайца, но голод заставлял его пойти по следу.

Заяц тоже - «парень» не промах, он не только лису, но и опытного охотника иногда «обводил вокруг пальца».

Был со мной такой случай: пошел однажды на охоту, взял с собой старого опытного гончака по кличке Дружок. Недалеко от села Дружок поднял зайца и, азартно облаивая его, пошел по следу. Заяц пошел через поле к небольшому лесу. Снег был глубоким и рыхлым. Отталкиваясь своими широкими задыими лапами, заяц быстро стал уходить от собаки.

Много труднее было бежать старому, тяжелому псу. Но в его обязанности было - догнать зайца. Он скоро успокоился и, давая голос, шел по следу.

На широких охотничьих лыжах я побежал к лесу в противоположную сторону, намереваясь там встретить косого. Добежав до леса, я встал возле дуба, приготовился к встрече. Дружок обходил лес с противоположной стороны. По-22 том он замолчал. Изредка давая голос, стал кружить по лесу. Он явно сбился со следа, что с ним случалось крайне редко. Я очень удивился и пошел прямо через лес на его голос.

Подойдя к небольшой, но глубокой впадине на противоположной стороне леса, я увидел Дружка - он бегал вокруг впадины, не понимая, куда пропал заяц. Увидев меня, он виновато завилял хвостом...

Обойдя вокруг впадины, я не увидел выходного следа, значит, заяц оббежал

впадину, где-то спрятался.

Дружок терпеливо ходил за мной и ждал моей команды. Приготовив ружье, вытянув правую руку вперед, я указал собаке на корягу, под которой мог спрятаться заяц. Собака бросилась к коряге.

Услышав шум и мой резкий голос, косой не выдержал. Он вскочил из-под

коряги, и тогда мы его уже без особого труда взяли.

За этими воспоминаниями я не заметил, как мы проехали половину пути. Остановились на реке возле проруби, очистили ноздри лошадей от сосулек, напоили и поехали дальше.

Тяжеловозы - лошади сильные и выносливые, но скорость не их стихия. Во время пути они долго идут шагом, когда на их спинах появляется куржак, они принимаются бежать легкой рысью.

* * *

На элеваторе, в большом складе, пока мы затаривали ячмень в мешки, двое извозчиков кормили лошадей, прикрывали их спины тулупами.

Загрузив в сани мешки с ячменем, мы отправились в обратный путь. Бригадир, положив в свои сани три мешка ячменя, ехал впереди обоза.

С грузом наши лошади уже не могли идти рысью, они твердой поступью шли шагом. Смена, на которой ехал бригадир, не умела ходить шагом и уходила далеко вперед обоза. Остальные лошади старались от нее не отставать, но быстро уставали и останавливались, тяжело дышали. В таком темпе ехать было нельзя, мы могли погубить лошадей. Посовещавшись, извозчики решили поставить Смену в конец обоза. Смена будто взбесилась. Бригадир не мог удержать ее. Она была готова ступать на сани, катящиеся впереди нее и при этом сильно билась передними ногами о их перекладину. Она могла покалечить себе передние ноги. Обоз остановили и на сани бригадира положили еще два мешка ячменя с других возов. Для Смены это был очень тяжелый груз. Напрягая мышцы до предела, некоторое время она старалась не отстать от обоза, но вскоре отстала. Снова пришлось останавиваться и поджидать бригадира. Когда бригадир подъехал к обозу, на губах лошади висели клочья белой пены, она была мокрая от пота, вздрагивала всем телом. Опять сняли с саней бригадира добавочные мешки ячменя, обоз тронулся.

Через какое-то мгновение Смена бросилась с дороги в глубокий снег, пытаясь обогнать обоз, но, пробежавнесколько метров, остановилась, неестественно широко расставив ноги в стороны. Она тяжело дышала, от нее шел густой пар. Вдруг лошадь зашаталась и рухнула в снег. К ней подбежали извозчики и лежавшую распрягли, но она уже не встала, она была мертва. Сбросив мешки с саней молофой сильной лошади, на них положили Смену и отвезли в ветлечебницу, благо до нее было недалеко.

Векрыв труп лошади, ветврач увидел лопнувшую сердечную артерию, это было причиной ее гибели.

До последней минуты своей жизни она рвалась вперед, не уступая лидерство. До последнего вздоха, она оставалась чемпионом.

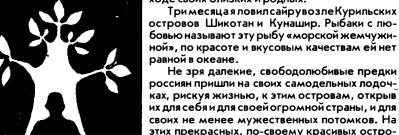
РОДИНА

День моего прибытия в самый крупный и самый красивый город нашего Дальнего Востока выдался теплым, солнечным - я бы сказал каким-то особенным, радостным и торжественным.

Бухта как будто разнежилась под теплыми, ласковыми лучами осеннего солнца и красиво блестела яркими бликами потревоженной поверхности буксиром, подошедшем к нашему теплоходу.

На пирсе играли духовые оркестры, сияли улыбки встречающих, лес рук, с букетами цветов тянулся ввысь, в каком-то неистовом восторге, люди что-то скандировали, махали букетами, приветствовали прибывших на нашем тепло-

ходе своих близких и родных.

Не зря далекие, свободолюбивые предки россиян пришли на своих самодельных лодочках, рискуя жизнью, к этим островам, открыв их для себя и для своей огромной страны, и для своих не менее мужественных потомков. На этих прекрасных, по-своему красивых островах, сейчас живут потомки первооткрывателейроссиян, сезонные рабочие, прибывшие на них однажды да и оставшиеся навсегда.

На этих островах рождаются их дети, внуки. Люди живут и умирают, - называют острова своей родиной. Они ловят рыбу, выращива-

ют овощи, держат домашний скот и считают, что их острова самые лучшие на планете.

Я сошел с теплохода, на душе было радостно и немного грустно. Радостно потому, что приближаюсь к своему родному дому, где родился, где ждут нашей встречи мои родные, друзья, а грустно потому, что они еще далеко, и меня никто не встречает. У каждого человека своя Родина. Пусть это будет самый неплодородный кусочек земли, но человек, считающий его своей Родиной, будет любить его и помнить всегда.

Несколько дней хотелось пожить в этом прекрасном портовом городе, сходить в театр, музей, погулять по его паркам, но ноги, против моей воли, как будто сговорившись, с какими-то внутренними силами, несли меня к железнодорожной кассе.

И вот я уже в вагоне скорого поезда, не могу оторвать взгляд от окна, не могу налюбоваться красотой картин, проплывающих за окном.

Россия, какая ты необъятная и красивая, нет в мире страны красивее тебя, но мои мысли уже там, где я родился и вырос, где живут мои родные и друзья, там моя Родина.

Быстро меняются картины природы за окном быстро идущего поезда, но медленно для меня идет время, оно как будто отдаляет и удерживает меня.

Но вот уже и Урал. В Н-ске должен сделать пересадку, и от этого города мне остаются всего сутки пути. Как я был огорчен, когда узнал, что поезд, на котором я должен ехать, уже ушел, и ждать мне придется еще сутки.

Весь день провел в Н-ске, ходил в краеведческий музей, цирк, сделал по-

купки, и уже поздно вечером возвращался из кинотеатра в гостиницу. По пустынным, темным переулкам холодный осенний ветер гнал опавшую листву. Город показался мне неуютным, холодным, неприветливым.

Недалеко от гостиницы стоял киоск, в нем ярко горел свет, в проеме открытой двери виден был человек, чистивший обувь. Я решил почистить свои туфли. Когда подошел к киоску, клиент встал, рассчитался и вышел. Там было тепло, включен электрический камин. Я поприветствовал чистильщика. Мужчина, чистивший обувь, мне ничего не ответил, продолжал сидеть с опущенной головой, потом взял в свои огромные, огрубевшие руки две большие обувные щетки и указал ими мне на стул. Я сел и поставил ногу на приступку для чистки.

Мужчина был преклонного возраста, грузный, и, как я определил по его чертам лица, кавказского происхождения. Щетки быстро мелькали в его огромных руках, но он не торопился, а делал работу аккуратно, до блеска полируя каждый кусочек поверхности туфель, как бы всматриваясь и любуясь своей работой. Я подумал, что эти сильные руки не могут работать плохо.

По радио передавали прогноз погоды: «... в Черном море вода +20 градусов...», услышал и, то ли с завистью, то ли с восхищением, вырвалось: «Нет, на юге жить все-таки лучше». Представил безоблачную жизнь во время отпуска, песчаный пляж, ласковое море и теплое солнце. Бархатный сезон.

Мужчина не сказал ни слова с тех пор, как я к нему вошел. Он как будто не слышал меня и был полностью поглощен работой, я для него не существовал.

Потом он медленно поднял свою большую, тяжелую голову, посмотрел на меня, улыбнувшись краешками глаз, и что-то сказал на ломаном русском языке, то ли насмешливо, то ли с укором, я не понял. И подумал, что своей глупой репликой обидел этого человека. Кому какое дело, мелькнула у меня мысль, где человеку нравится, там он и живет, обвинил я себя, и, извиняюще смотрел на него, готовый попросить прощения, если обидел его своими словами.

- Птичка такой ест, - членораздельно повторил он, - со-лё-вей.

Я понял его, и в знак согласия кивнул головой, а мужчина как будто только и ждал от меня согласия, а остальное его не интересовало. Нагнувшись, он принялся чистить мою вторую туфлю.

Сделав большую паузу, не поднимая головы, он начал свой рассказ:

- Давным-давно жил один богатый человек. У него был хороший дом, огромный сад возле дома, а в саду озеро. Возле озера жили дикие утки, лебеди.

Вечером человек выходил на балкон, любовался красотой озера и сада. А еще он любил слушать соловья и, случалось, до самого утра слушал божественную музыку соловьиной песни. Соловей жил за оградой сада, в кустах колючего, дикого терновника. «А что, если поймать соловья, - подумал человек. - Пусть поет для меня в моем доме». Утром он приказал слуге поймать соловья и посадить в золотую клетку. Слуга так и сделал.

День сидит соловей в золотой клетке, не ест и не пьет, два дня сидит, на третий день соловей запел. Человек услышал, что соловей запел, обрадовался, но, послушав соловьиную песнь, огорчился. Соловей не пел, а «выл», как голодный шакал. «Наверное, ему тесно в клетке, поэтому он воет, а не поет», - подумал человек, и выпустил соловья на веранду. На веранде было просторно, росли розы и много разных цветов. «Здесь ему понравится», - подумал человек.

Соловей стал летать по веранде, биться о стекла, стараясь вырваться из плена, но когда понял, что этого сделать не может, сел на куст розы, нахохлился да так и остался сидеть.

«Пусть сидит привыкает», - подумал человек.

День сидит соловей, два сидит, на третий день соловей запел. Слушает человек, соловей «воет», а не поет. Рассердился он и выпустил соловья в сад, пусть живет в саду, ему в нем нравится, подумал человек.

А соловей, как только очутился на свободе, порхнул за ограду, в колючки терновника и запел. О! Какая это была песнь, это была песнь радости и счастья.

Там была его Родина.

Мужчина замолчал, положил щетки, и после паузы добавил: «Где был мой дом, после войны установили новую границу, может, для того, чтобы легче было охранять границу, или по другой причине, я не знаю, только, мой дом оказался за границей, а мне предложили другой, а зачем мне другой, если я его не строил. И сейчас мне все равно, где умирать». Он замолчал и продолжал сидеть с опущенной головой. Может, он думал о своем доме, где родился, где прошло его детство, где похоронены его родители. Я этого не знаю. Тихо поблагодарил его, положил деньги в консервную банку, стоявшую на тумбочке. И вышел.

Моему сыну Андрею...

С наступлением зимы мои шестилетние сыновья Кирилл и Андрей стали просить меня, чтобы я им купил лыжи. Мага-

зин «Спорттовары» находился недалеко от моей работы. В обеденный перерыв я часто стал заходить в него, но лыж, какие я хотел купить, в продаже не было. Ивот однажды я их все-таки купил. Выйдя из магазина, я стал составлять план на вечер, решил отказаться от поездки в областную библиотеку, как раньше планировал, а решил ехать сразу домой, чтобы порадовать сыновей покупкой и покататься с ними с горки.

Моя семья в то время жила на Камчатке, в 20 километрах от областного центра. Жили мы в деревянном собственном доме.

Было тепло, медленно кружился легкий снежок и никаких изменений, вроде, на мой взгляд, не ожидалось.

После работы, нигде ни на минуту не задерживаясь, я пошел на фтобусную остановку. Небо заволокло тучами, и падал крупный снег. Автобуса ждал недолго, но все равно, когда приехал в наш маленький и уютный город, снег падал уже крупными хлопьями, и начиналась пурга. По улицам ходилитяжелые грейдеры с включенными фарами и очищали от снега.

Когда я добрался до нашего дома, погулять с детьми уже не было нижакой возможности. Пурга заметала, и двух шагах ничего не было видно.

Дети обрадовались покупке. В большом зале, прямо на паласе, стали примерять лыжи, пытались скользить по паласу и, после замечания матери, поставили их в угол за шифоньер, хотя я и предлагал лыжи вынести в коридор.

Договорились завтра с утра пойти на горку кататься.

Пурга продолжалась всю ночь и весь следующий день. День был субботний, а в субботу я не работал, и весь день мы провели дома. Дети выходили в коридор, открывали входную дверь и, убедившись, что погода не для прогулок, хмурые возвращались в дом. Пурга была сильной, и снег словно кипел вокруг дома.

В воскресенье мы спали долго, когда я проснулся и открыл глаза, через штору в спальню просачивался свет, и не было слышно тяжелых вздохов пурги. Дети еще спали, я встал, оделся и вышел в коридор, открыл входную дверь, дверной проем почти был засыпан снегом. Я взял деревянную широкую лопату, стоявшую в коридоре и стал убирать снег. Он был плотно спрессован. Лопатой резал я его на

квадраты и отбрасывал во двор.

Я так увлекся, что не заметил, как перекинул снег от двери и огромную кучу его перекидал со двора в огород. Погода была прекрасной, вокруг стояла тишина, и, сколько виделглаз, вокруг лежал чистый белый снег. Недалеко от дома пробегала река, и тогда она была тоже покрыта ослепительно белым снегом и только по ее обеим берегам виднелись полузасыпанные снегом ивовые кусты, вырисовывая ее контур.

В сорока километрах от города протянулся хребет с конусами вулканов. Изза них поднималось солнце, розовой каймой окрасив вершины.

На душе было радостно и спокойно.

Из дома вышел Андрей, его пальто было растегнуто, он остановился, облоко-

тился на стенку коридора и громко заплакал.

Поставив лопату в снег, я подошел к нему, встав на корточки, застегнул ему пуговицы пальто, обеими руками привлек его за талию к себе и тихо, заговорщически спросил:

- Андрюша, кто тебя обидел?

Обида его была настолько велика, что он не мог сказать мне и слова.

- Сынок, кто тебя обидел? переспросил я. Он пытался мне что-то сказать, но слезы и обида не давали ему говорить, и наконец-то выдавил из себя:
 - Ко-ко-кошка.

И опять громко заплакал.

- Она тебе царапнула руку? спросил я.
- Не-э, она-а съе-э-ла мышонка...
- Мышонка?! зачем-то переспросил я и чуть не рассмеялся. И серьезно добавил:
 - А где она его поймала?
- В шифоньере, он был такой маленький, у него были красненькие лапки и носик. Она его стала подкидывать лапами вверх, а когда я попытался у нее его отобрать, она его съела.

И Андрей опять заревел.

Чтобы успокоить его, я ему напомнил:

- Андрюша, помнишь, осенью в шифоньере мышка залезла в мамин новый, хромовый сапог и прогрызла в нем дырку? Она испортила совершенно новые сапоги, а сапоги очень дорогие, но их пришлось выбросить. А маме пришлось покупать новые сапоги. Ты представляешь, как много мы могли бы купить на те деньги конфер? Мыши делают людям только вред, мышей жалеть не надо, произнес я свою обвинительную речь мышам, защищая кошку.
- Вр-первых, ты выбросил один сапог, и то не полностью, а из голенища сшил чехол для охотничьего ножа, а, во-вторых, дырку в сапоге сделал не мышонок, а его мама, доказывал Андрей правоту мышонка.

У меня не было слов возражать и я примирительно сказал ему:

- Иди, бери лыжи и позови Кирилла, пойдем кататься с горки.

Не переставая плакать и шмыгать носом, он быстро пошел в дом. А уж через некоторое время мы были на горе.

27

Дети еще не умели стоять на лыжах, и если они быстро начинали катиться, падали, вставали и снова пытались прокатиться. Катались мы долго, пока нас не позвали обедать. Во время обеда дети, веселые и взволнованные, обсуждали, какони катались с горки. И о кошке Андрей как будто бы забыл.

После обеда детей уложили спать, а я лег на диван, взял газету и начал читать. Андрей очень любил кошку и никогда не упускал случая дать ей кусочек колбасы или мяса. Кошка понимала его доброту, забиралась на его постель, а он гладил ее мягкую, пушистую шерсть, а кошка мурлыкала, напевала ему свои кошачьи Песни.

После обеда кошка, как к тому привыкла, забралась к Андрею на кровать. Он

взялее, опустил на пол и сердито сказал:

- Иди отсюда, я с тобой больше не играю.

Кошка, не поняв его обиду, опять запрыгнула на кровать. Андрей опять ее опустил на пол. Чтобы прекратить их ссору, я позвал кошку к себе. Она прыгнула на диван, легла мне на живот, положила лапы на грудь, прикрыла глаза и замурлыкала.

Жена позвала нас на кухню делать фарш из мяса. И за нами побежала кошка. Оставшись на кухне без нашего внимания, она подошла к двери и попросилась во двор. Явыпустил ее, и мы приступили к изготовлению фарша.

Когда ужин был готов, и аромат жареных котлет заполнил кухню, **а в** кухн**е**

сделалось душно, я открыл форточку и мы сели за стол ужинать.

Учуяв запах жареного мяса, кошка запросилась в дом, я встал и открыл ей дверь. Все были заняты ужином и на кошку никто не обращал внимания. Она жалобно мяукала, просила есть. Я посмотрел на Андрея. Он низко наклонился над тарелкой, ел и о чем-то думал. Он всегда делился с кошкой, какой бы вкусной его пища ни была. Но в тот раз он он ее как будто не слышал.

Потом он взял нож, придерживая вилкой котлету, разрезал ее на две половины, одну половину поднес ко рту, долго дул на нее, охлаждая, зетем положил на

блюдце кошки и сердито сказал:

- На, ешь, нехорошая кошка.

Кошка не заставила себя долго уговаривать, быстренько принялась за ужин.

Я помню Кириллу и Андрею говорил, что кошкам и собакам нельзя давать горячую пищу, иначе у них пропадет чутье: собака перестанет охранять дом, а кошка перестанет ловить мышей.

О чем думал Андрей?

۸ДТЬ

После окончания учебы в горнопромышленной школе, я жил и работал в одном из городов Кузбасса. Декабрь в тех местах, на мой взгляд, самый холодный, суровый и злой месяц зимы. Столбик термометра в декабре опускается часто за 40 градусов ниже нуля. К полудню на темно-сером небе появляется красно-желтое пятно солнца. Повисев над вершинами сопок и чуть нежасаясь их, так и не пробившись яркими лучами через густую толщу тумана, оно скатывалось за ближайшие сопки, оставляя после себя огромное зарево заката.

Хозяйка, у которой я снимал комнату в ее доме, говорила по этому прводу: «У нас, в Сибири, в декабре день с гулькин нос». Это значит, очень корфткий,

как нос у голубя.

В один из таких декабрьских дней, ближе к вечеру, я возвращался с работы. Скрипя всеми узлами соединений и колесами, на жгучем морозе, на конечной остановке развернулся и остановился трамвай. Из его широких дверей выходили люди и быстро шли к автостанции, находившейся метрах в двухстах от трамвайной остановки. Тем, кто ехал дальше в поселки, предстояло дожидаться автобуса, пробиться в него и, если в пути машина не сломается, добраться до сво-28 его дома.

Рядом со мной шла молодая женщина, она несла перед собой, прижимая к груди, завернутого в ватное одеяло младенца. Ребенок плакал, из-под одеяла доносился его отчаянный, приглушенный крик. Женщина прижимала сверток к себе,

как бы пытаясь согреть ребенка своим телом.

Дверь в автовокзал была открыта. В зале под самым потолком тускло горела электрическая лампочка. В дверном проеме уже стояли люди, не в силах пробиться в зал. Зал был маленький и заполнен до отказа, а возле двери стояла та женщина с плачущим ребенком, отчаянно пытающаяся пробиться в зал, чтобы согреть ребенка. Из дверного проема, с самого его верха, клубами выходил пар, как из деревенской бани, и инеем оседал на стены и крышу здания. Я подошел к дверям и попросил пропустить в зал женщину, но никто не внял моей просьбе. Люди шумели, о чем-то говорили все сразу, кто-то ругался, стараясь перекричать всех. Ябыл молодым и сильным, но мне пришлось тяжестью своего тела пробить дорогу в вокзал женщине. Мне помог с этой задачей справиться молодой парень, стоявший рядом со мной. Он навалился сзади на меня всей тяжестью своего тела, у меня затрещал позвоночник, но люди продвинулись вперед и женщина с ребенком вошла в вокзал, встала возле стены и занялась младенцем. Я прикрыл дверь. И мы с парнем, довольные уже тем, что помогли женщине с ребенком, отошли в сторону от вокзала.

Как говорится в пословице «в такую погоду хороший хозяин собаку со двора не выгоняет». Мы, жители бывшего СССР, на таком страшном морозе даже еще и р**абота**ли. Люди верили в лучшее будущее, они не роптали, а делали свое дело в меру своих способностей и возможностей. Страшная, разрушительная война 1941-194**5 гг**. унесла десятки миллионов человеческих **ж**из**ней,** разрушила города и селения, а на нашу долю выпало залечивать раны войны, строить заводы и города.

Старенькие автобусы, всегда переполненные, ходили, нарушая все расписания, часто ломались, люди, чтобы попасть домой или на работу, часами ожидали

их на жгучем морозе.

Когда стыли пальцы рук, люди хлопали в ладоши, согревая их, переступая с ноги на ногу и приплясывая, они согревали застывающие ноги. Вот и сегодня, двое молодых парней, прыгая на одной ноге, плечами пытаясь сбить друг друга, чтобы «противник» встал на вторую ногу, и эта игра придумана, чтобы согреться. Тем временем заря ушедшего солнца догорала, и на смену ему с противоположной стороны поднималось огромная желто-красное пятно луны. Пятно быстро поднима**лось, у**меньшаясь в размерах, туман рассеивался, становилось светло, как днем. Мороз крепчал.

Я порядком продрог и решил идти пешком. Когда было чуть теплее, никогда не ждал автобуса и ходил пешком. Но сегодняшняя попытка сделать «приятное»

не уванчалась успехом.

Рядом с автостанцией проходила железная дорога, вот по той-то дороге и ходили люди, сокращая свой путь до дома, хотя это и было не всегда безопасно. Во**зле** железнодорожных путей была врытая в землю металлическая труба, метров четырех высотой. К ней был прикреплен металлический лист и на нем было написано белой краской: «Ходить по железнодорожным путям строго запрещается!» Люди не придавали значения этому объявлению, продолжали ходить. Между рельсами снег был утоптан, идти было легко, я быстро шел, приближаясь к пологому подъему, по которому мне надо было подняться, затем, попетляв по узким вереулкам, через дыру в дощатом заборе попасть во двор треста очистки. прой его, - с другой стороны забора стоял наш дом.

Дом был небольшой и невысокий, стены его сделаны из досок, засыпанных

шлаком, а снаружи обитые рубероидом.

В доме почти всегда зимой топилась печь «голландка» с чугунной плитой, благо, каменного угля всегда было достаточно, в доме было тепло и уютно.

Ябыстро шел, но мороз подгонял меня, пощипывал нос и щеки, поэтому часто приходилось выдергивать руку из теплой меховой рукавицы и согревать ею лицо. Метрах в шести от меня шли две женщины, а впереди их бежал мальчик лет 20 5-6, лицо его было завязано шерстяным шарфом, на голове была пушистая собачья шапка, одет он был в дубленочку из овечьих шкур, подпоясанную широким, может быть, отцовским ремнем. На ногах были теплые новые валенки. Мороз его абсолютно не беспокоил, напротив, мальчик, как мне показалось, был весел, валенками пинал ледяную кочку и, петляя, бежал за ней между рельсами, наверное, представляя себя хоккеистом.

Женщина лет тридцати, по всей вероятности, мать мальчика, шла быстро, а рядом, не отставая от нее, шла пожилая сгорбленная женщина, как я понял из доносившегося разговора, мать молодой женщины и бабушка впереди бегущего мальчика. Годы и тяжесть военных лет сгорбили ее, но она еще не думала

сдаваться. И старалась не отставать от дочери.

Сзади нас раздался хриплый гудок быстро приближающегося поезда. Я немедленно сделал шаг в сторону и отошел от рельсов на безопасное расстояние, остановился.

Недели две назад на переезде возле автостанции я видел лежавшую возле железнодорожных путей женщину, сбитую проходящим поездом, она хотела перебежать железнодорожную линию перед идущим поездом, но не успела.

Явспомнил слова старого рабочего, обращенные ко мне, сказанные по этому поводу: «Ты знаешь почему мы плохо живем?», - и отвечал на свой вопрос: «Потому что мы всегда торопимся, а надо все делать основательно».

Мать окликнула мальчика и пыталась поймать его, протянув руку, но он, не понимая опасности, стал убегать от нее, пытался вовлечь ее в свою игру. Мать бежала за мальчиком и не могла поймать его.

Вот уже меня обдало потоком морозного воздуха от проходившего мимо меня локомотива, а за ним, громыхая, мчались товарные вагоны. Я уже не видел ни мальчика, ни его матери, только бабушка еще бежала возле самых рельс. И поезд уже был готов в какой-то миг сбить ее и разорвать на куски.

В это самое время, из-под самых колес поезда, выскочила молодая женщина, а бабушка в этот же миг бросилась между рельсами, как в пасть страшного

чудовища.

Как мне показалось, я услышал лязг колес и хруст переломанных костей той несчастной пожилой женщины.

У меня на голове зашевелились волосы, а по спине побежали струйки холодного пота. А поезд шел и шел и, казалось, ему не будет конца. И только страшный хруст и стук колес стоял в моих ушах: та-та-та, та-та-та. А молодая женщи-

на, мать ребенка в последнюю, страшную минуту, бросив свое дитя, стояла в стороне от идущего поезда, согнувшись в какой-то неестественной позе.

Как ураган, промчался поезд, унося с собой те страшные звуки. Я не заметил, как очутился на месте происшествия. Метрах в трех от железнодорожного полотна, опершись спиной на засыпанный снегом бугор, полулежала пожилая женщина, прижимая обеими руками к себе испуганного мальчика.

Когда к ней подошла рыдающая дочь, с какойто страшной болью и упреком в голосе, как-будто из глубины души женщины-матери и бабушки вырвалось: «Как ты могла бросить его?»

Прошло много лет после того ужасного случая, вспоминая его, я удивляюсь, откуда взялось столько силы и энергии в той пожилой хрупкой женщине, чтобы вырвать из пасти страшной смерти своего

внука.

В тот страшный миг она не о чем не думала, спасти внука - была единственная цель.

БОГ СОЗДАЛ НАМ ДОРОГУ

Из книги В.Шепелева «Тропинка к дому»

Я мастер, несите заказы
На полочки, на табуретки...
Обмолвился только и сразу «Стихи напишите соседке!»
Умею, конечно, все резво я
И много стихов написал,
Но по заказу поэзию?
Клиента я прозой... послал!
Я мастер. Строгаю заказы,
А как со стихами-то быть?
Для этого надо не вазу,
А девушку вашу любить!
Смущенно сосед извинился.
И тихо сказал:

- Я спешу! Сам полочку делать пустился И крикнул:
- Стихи я еще напишу!

ОСЕНЬ

Курсом к югу улетают гуси, Унося с собой тоску о лете. И сентябрь в березовые гусли Заиграл сегодня на рассвете... Ветер тихо легкою рукою Закачал березок нежных кроны И порхнул над узкою тропою На вершины, где сидят вороны. На траву спустился легкий иней. В ожидании природы перемен Я хотел бы видеть небо синим, -Не хотел бы жизненных измен. Я хочу, чтоб не было измены На земле, - а только благодать... Пусть останутся природы перемены. Но измен в ней не хотел бы знать. Курсом к югу улет**а**ют гуси, Унося с собой тоску о лете. Мне сентябрь в березовые гусли Заиграл сегодня на рассвете.

Не могу и не хочу я жить спокойно, будет грустно мне даже в раю. Не могу, не буду жить довольным, Когда слышу снова про войну. Не могу и не хочу я жить спокойно, От обильной пищи ожиреть. Умереть хочу я птицей вольной... Или на костре сгореты!

Валерию Гордееву...

В поэзии попробуй разберись: Где бриллиант, а где - стекло бутылки! Мне повезло: минуя все бутырки, Мои слова из глотки полились... Я пел о счастье, о правах людей И словом нежным я ласкал природу. Но что я мог! Чем мог помочь народу В голодную годину, в суховей? Страна моя, ты как в кошмарном сне: Чернь пьянствует, а жулики воруют, Бахвалятся, кичатся и жируют, Но снится им, что мчатся на коне... Сей миг пройдет в истории страны. Кошмар уляжется, а смуту успокоят. И общество достойное построят Моей прекрасной Родины сыны!

НА ЧУЖБИНЎ

Почему-то сегодня не спится? За окошком не видно огня: Скорый поезд в ночи быстро мчится, Он увозит в себе и меня. И мелькают вдали перелески, Реки, заводи - еле видны... И над ними, как будто невестки, Ивы дремлют у самой воды. Приклонились все в низком поклоне -Не уйти от воды, от реки, Словно клонятся перед иконой Наши русские старики... Ну а я покидаю пределы Моей Родины, милый мой край, Хоть виски, как зимой, уже белые, И в душе, как в пустыне, печаль. Жизнь моя - это тоже пустыня. Заблудился я в жизни своей. Терпкий запах от горькой полыни Гонит следом колдун-суховей.

Уезжаю в чужие я страны, Там меня не желают, не ждут... Так печально звонят стаканы, В такт колесам на столике тут... А вокруг только грустные лица - Уезжает народ навсегда. На чужбине нам будет сниться Наша чудная сторона... Эх, Россия! Святая страна! Нету краше тебя в целом свете, Но за что же скрутил сатана, - Что бегут от тебя твои дети?

М.Исакову...

Я слышу песню В цоканье копыт, Я вижу: Стадо тундрою бежит, Оленей вспотевшие бока, Ветвистые. Красивые рога. Летит олень Над спящею рекой, Не зная, Что в карал - и на забой. И пьяная, И хмурая братва, Им срубит топорами там рога. Дal Черт возьми! Жизнь этакая штука! Зачем она дана, Мне как порука? Хватать оленей за ветвистые рога, Лишать их жизни. Бывает мне порою грустно. Грустно! И, может, оттого на сердце **п**усто... Я с легкостью выхватываю нож И слышу голоса: **"**Рога пришлешь?" Я высылаю Эти вам рога. **Не** сплю всю ночь до самого утра. А' слышу песню В цоканье копыт. И вижу: Стадо тундрою бежит, Оленей вспотевшие бока. Ветвистые. Красивые рога.

Как слезы катятся олени, -Вижу! Проклятие их тоже Слышу. Слышу! А жизнь идет. Она такая штука. Зачем она дана, Мне как порука?

ПРАЗНИК СОЛНЦА В ЗАПОЛЯРЬЕ

Из-за горы пожар зари Окрасил снег вокруг. И камни, словно снегири, Собой украсив верх горы, Вдали зардели вдруг. Снега горят на сотни верст. То в Заполярье день идет, Вот пуночка, вспорхнув, поет, А вон их целый хоровод, -Ну, точно к нам весна идет! Куда-то скрылась быстро тьма. И грусть ушла, - душа поет! И наш полярный ясный день, Словно сказочный олень, Нам свет и солнце принесет. И праздник будет в Заполярье. День Солнца будем отмечать. И старый чукча в день весенний, Как будто Русь, на новоселье, Все будет в бубен бить, плясать...

КАМНИ

Камни тоже могут говорить.
Камни могут пламенно гореть...
Словом-камнем можно зашибить.
Из камней мы выплавляем медь.
Из камней построим мы дороги,
В камень мы оденем города.
Славлю камень тот, что людям дорог!
Каменное сердце - никогда...

ЗАВИДУЮ ПТИЦАМ

Осень хмурою прохладой Не задержит стаи птиц. Вольным в небе - ни преграды, Ни таможен, ни границ! Все в картине этой мило, Ей любуюсь у ручья. Словно рыжая кобыла, Дремлет роща, как ничья: Без хозяина, без дома, -Вон спустилась под откос! Я смотрю, в нее влюбленный, И осенне мне до слез. Может, грустно мне немного: Ведь за осенью - зима, Словно дальняя дорога Все зовет, зовет меня. Я хотел бы без уздечки Мчать на быстром скакуне Или, как Иван на печке. -Лишь бы разрешили мне! Оцепили нас границей, Ржавой проволкой стальной... Только птицы вереницей Пролетают надо мной.

НЕ КАНУ...

Рой противоречий Окружил меня. Я ж совсем не вечный. -Они не для меня. Бог создал нам дорогу. И я по ней иду. Когда откажут ноги, Тогда и упаду... Пусть на моей могиле Лишь роза расцветет. В дороге путник милый Присядет, отдохнет. Не хочу, как камень Мохом обрастать. В небытие не кану. Продолжу я шагать, Иль по моей планете Рекою д**о**лго плыть, Исчезнет все на свете, -Ho BCE Нельзя забыть!

«ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН ВЕЛИКОЙ РОССИИ»

Так, в своем отклике на выставку рисунков в Самаре на книги нашего земляка Гакиля Сагирова, оценил подвиг писателя и художника Шамиль Джалимов из Мордовии.

И вот еще одним творческим отчетом, еще одной оценкой труда Сагирова стал выпуск в издательстве «Самарский Дом печати» его объемной, двуязычной и иллюстрированной книги «Неповторимая мелодия».

Сразу же следует отметить особый вклад в издание этой книги пятидесяти предпринимателей, организаций России, Самарской областной администрации, проявивших не только участие в судьбе поэта и художника, но и заинтересованность, полное понимание важности и особенности этого труда.

Теперь мудрое поэтическое слово Гакиля Сагирова «торит» путь к сердцам читателей не только на родном языке автора, но и посредством участия талантливых переводчиков М.Шакирова, Р.Шакирова, А.Ардатова, В.Шленского, - на языке межнационального общения - русском.

В девяти поэтических разделах сагировской «Мелодии» сосредоточены стихотворные строки разного возраста. Книга эта - многолетний и тяжелейший труд мужественного и талантливого человека.

«Пламень чувств во мне играет,

Как им место в песне дать?

Тьма вопросов возникает,

Что на них мне отвечать?»

Гакиль задается такими вопросами и всей своей жизнью, всей силой таланта и умением владеть словом, отвечает на них.

Недаром самые сильные его строки сосредоточены в разделах: «Человек - это звучит гордо» и «Все-таки побеждает жизнь». Буквально афористичны его высказывания о человеческом милосердии, взаимоотношениях:

«Помощь - это не сумма в конверте

И вручение денег взаймы.

Люди! Чувства свои вы проверьте

И задумайтесь: люди ли вы?»

И оттого, что все мировые и человеческие катаклизмы проходят через ранимое сердце поэта, - не знает оно покоя: «К рассвету шла телега ночи, Вновь не удастся мне поспать, И от печали нету мочи, Хоть на мгновенье убежать...» И поразительно то, что о всех нас, о спасении наших душ печется и сострадает человек, чей собственный мир ограничен замкнутым пространством дома, комнаты. Только общение с многочисленными друзьями, поклонниками, удивительное провидение, сила

ума, питающие его жизнь и творчество, позволяют Гакилю возвыситься над недугом, судьбой, условностями быта, над миром людей...

Кажется, что человек, приговоренный к неподвижности и ограничениям, живет только прошлым, примитивными ощущениями, простейшей лексикой речи. Но только не настоящий художник, кудесник слова. Такой, как Сагиров. В его произведениях - все разнообразие жизни, находящейся за рамками болезненной условности. Герои его - совершенно ощущаемые люди. Разные. Разнополые, разновозрастные. Живые, со своими характерами, яркой индивидуальностью. В стихах поэта - все оттенки окружающей нас действительности и природы; одушевленный и хорошо различимый животный мир; архитектурные особенности и краски урбанистической деятельности людей; своеобразие звуков, завидная осязаемость образов.

И не это ли - слагаемые таланта? Подтверждение тому - пять высоко оцененных профессиональной критикой книг члена Союза писателей Татарии, его персональные выставки живописных и графических работ. Работ, в которых поражает не только мысль, воплощение мастерства, - но и тончайшая проработка всех тысяч и тысяч мельчайших деталей, «неподъемная» даже для физически сильного человека, а ведь Гакиль держит свой мудреный инструмент (да и ручку с пером) только зубами...

«Никто, как я, не жил на свете И вряд ли кто-то будет жить... Нельзя родиться на планете, Себя чтоб снова повторить».

Именно эта неповторимость и отличает Г.Сагирова, как любого истинно талантливого и большого мастера. Мастера-профессионала его масштаба.

А ведь в искусстве и творчестве невозможно делать скидок даже на такую несправедливость судьбы, какая довлеет над нашим земляком. Никакое позерство, ни жалость, ни скидки - не действуют в мире искусства. Мерило одно - талант и полное самоотречение творца перед Создателем. И в этом Сагиров истинно совершает подвиг. Прежде всего перед самим собой. Над самим собой. Без скидок и снисхождения со стороны окружающих. Да, как и всякое творчество, имеющее фоноснову, наработки, черновики, наброски и, как венец этих наработок основное произведение, - так и в «полотнах» Гакиля, что естественно без профессиональной редакторской работы, есть стихи слабые, есть «проходные» строки, неточные рифмы. Но все это, вошедшее в книгу из «фона, черновиков», настолько немногочисленно, размыто большим, талантливым, что не портит впечатления от всего многопланового и объемного полотна произведения под названием «Неповторимая мелодия».

Мне, как русскому писателю, особенно импонирует то, что я не могу сделать скидки своему татарскому коллеге на его положение или луч-

шее владение языком родным. Не в чем мне упрекнуть и переводчиков книги, бережно и точно работавших со стихами Сагирова. Просто, в подтверждение их высокого профессионализма, хочу процитировать:

«Других красот земли я и не знаю, Родная сторона мне всех милей: У синих гор костер я наблюдаю, Луна в перине спит уже своей. Березы на ночь шляпами накрылись, Баюкал ветер свечи серебра. За лесом стрелы-молнии вонзились, И дождь пошел там, словно из ведра...»

Для настоящего поэта все равно, кем быть: русским или немцем, татарином или индусом, - все мы чувствуем, видим, воспринимаем природу, как разные и неожиданные по своим краскам образы. И это своеобразие, эта метафоричность - как печать на челе талантливого человека. Их не может испортить, принизить ни язык автора, ни язык переводчика. Но особенно ценны в иноязычной поэзии - философия мысли автора, многозначность его строки, размышлений:

«Над лесом тихо солнце всходит, И вспыхнули от счастья облака, И по горам огонь как будто бродит, Лучи-гонцы не всех нашли пока...»

Радость общения со стихами и гравюрами Г.Сагирова длится долго, книга очень объемна, книга заставляет смаковать ее строки, размышлять над ними и долгое время после прочтения последней страницы. Особенно оттого, что ее автор не только сильный, нежный, умный, одухотворенный человек, но и, как настоящий мастер, безжалостный к себе и своему делу:

«Кто из вас устал от жизни, От покоя, от забот, От полета здравой мысли, От обилия работ? ...Кто не рад дороге дальней И улыбкам новых встреч? Размещайтесь в моей спальне, Даже можете прилечь! Дайте мне лишь руки-ноги, И в мир вступит человек С сердцем любящим, нестрогим, Он украсит жизни бег. Всюду он цветы посадит, Все невзгоды отведет, Лица хмурые разгладит, Много дел для рук найдет!»

Гакиль САГИРОВ

Я ДЕЛИТЬСЯ РАД ЦВЕТАМИ...

ИЩУ ОТВЕТ

В руке держу я микрофон И с ним по улице шагаю. Не выключая диктофон, Я всех вопросами пытаю:
- Как вы трактуете любовь? Определенье ей дадите? Приходит ли она к вам вновь? Ответьте мне, не проходите!

Остановился старый дед:
- Сынок, давно все это было, Уж в памяти и слова нет, Душа мгновенья те забыла.

Гражданка мне дает ответ:
- Спиянье по судьбе бывает,
А после - свадебный обед,
Любовью это называют!

Малышки тянется рука, Мой микрофон вмиг забирая: - Любовь - как мама. Вот она! Люблю ее я, обожаю!

Навстречу парочка идет -Жена и муж? Иль чуть знакомы? Вот кто сейчас ответ найдет -Они все знают про влюбленных!

Увы! Ответ с туманом дружен:
- Любовь - что это? Кто же знает...
Когда влюблен, ответ не нужен,
Без слов огонь в душе пылает!

Вот ты скажи - меня ты любишь. А почему? Не знаю я! Как отвечать сама ты будешь? - Молчу, чтоб не было вранья! Но, позабыв свою беспечность, Определенье дать хотят: - Любовь... Пожалуй, это честность И дружбы, радости наряд.

А может, это уваженье, Тоска и светлые мечты. Иль душ двоих объединенье, Когда ты - я, а я - есть ты.

Румянец щеки им украсил, Стою я рядом, словно врос. Ответа поиск их прекрасен, Мне ж мой не нравится вопрос.

Ведь он без полного ответа -Я вспомнил: ты пришла ко мне, В глаза взглянула, но при этом Слов не звучало, я ж в огне

Как будто сразу оказался, И мы ушли - рука в руке. С тобой с тех пор не расставался, Хоть жил, бывало, вдалеке.

ЦВЕТЫ СИРЕНИ

У сирени ты кругами Больше, парень, не ходи. Я делиться рад цветами, Кому хочешь подари.

Рви букеты, не стесняйся, Ближним можешь их вручать. На окно не озирайся -Сон не буду прерывать.

Чувство коль в душе родилось, Гордой бабочкой присев, Не спугну я Божью милость - В сердце пусть взойдет посев.

Рви цветы, они красивы И пахучи - цвет зари. Той девчонке, что на диво Так прекрасна, подари.

Все раздай ты, улыбаясь, Пусть найдут людей цветы. Но поверь мне - я не каюсь, Ведь осталися кусты. На них глядя, вспоминаю Вас. А будущей весной Я сирени насажаю -Хватит на букет большой.

Как давно вручить мечтаю Сам букетик из цветов. Но засохнет он - я знаю, Путь далек к ней и суров.

Действуй, парень, напрямую -Сыпь на девушку цветы. Ведь красавицу такую Еще раз не встретишь ты.

МАТЬ

В душе ее хранится вера, Что сын вернется в отчий дом. Огню надежды есть ли мера? К ней сын приходит в каждый сон.

Войны то пламя уж погасло, И много пролетело лет. Но сына вспоминает часто: Когда готовит свой обед,

Когда с соседкой обсуждает Букет последних новостей, Когда рассаду поливает, Снимает яблоки с ветвей.

Надежда сразу нарастает И в те моменты, если вдруг Увидит, как паук спускает Себя по нити в миски круг.

Так сына ждет она родного, Всегда в улыбке видно грусть, Хоть ей известно - дорогого Сыночка больше не вернуть.

…Вдали опять орудья били, Сон прогоняя от людей. Какие ж матери родили Таких любителей смертей?! У матери душа страдает, Без раны в сердце нет ни дня, -Как будто сын ее шагает Все время в пламени огня.

В ПЛЕНУ СУДЬБЫ

Уж осень тихо приближалась, Стуча морозцем в окна, дверь. А в доме бабочка осталась: Стремится выбраться сквозь щель.

Давно она сюда влетела, Цветок красивый увидав. Его коснуться захотела И отдохнуть, чуть-чуть устав.

Здесь по лучам теперь вздыхает И по подружкам - им легко! Еще раз к свету подлетает И ударяется в окно.

Оно закрыто, как и двери. Везде тупик, в окне - заря. Так и умрет здесь неужели, Утратив жизнь свою зазря?

Вновь, не найдя в луга дорогу, . Она присела у стены. Да, очень многие не могут Разбить стекло своей судьбы.

МУЖСКИЕ СЛЕЗЫ

От кого скрывать мне слезы, Называясь бедолагой? В моих слезах нет угрозы, И жалеть меня не надо.

До сих дней мои ресницы Копли слез не ощущали. А в душе моей, как птицы, Мысли смелые летали.

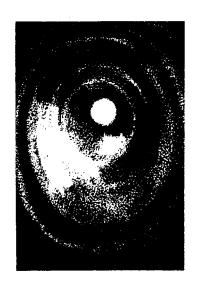
До сих дней я брал преграды, Все колени обдирая. В светлых днях не зрел отрады -Просто падал, уставая. Жизнь меня не пощодила -Грудь сдавило, как в вражде. Но и сердцем наградила Очень чутким к красоте.

Да, мужчины не рыдают, Спезы их - закон таков -Не бессилье означают, А разрыв рекой брегов.

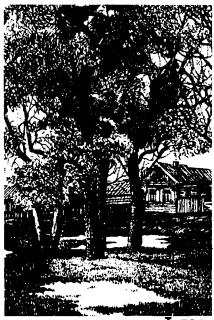
От кого скрывать мне слезы, Бедолагой называясь? В моих слезах нет угрозы, Просто жил, не прикасаясь

Я к огню. Его названье Не костер, хоть греет кровь, Не пожар, что рушит зданье, А короткое - любовь.

Есть слеза. Ну что ж - пролейся, Но во имя красоты! В сердце жар. Что ж - мощно бейся За любовь на свете ты!

Журавлиная песня

Тополя

НА ТЕРНИСТОЙ ТРОПЕ

Римма ДОЛОДАРЕНКО

Я родилась 6 февраля 1953 года в селе Падун Заводоуковского района Тюменской области. Отец - неквалифицированный рабочий, мужичок небольшого росточка, мать - высокая, статная женщина, главный ветврач огромного совхоза. Это и другие несоответствия не мешаод ккилопод, атидкл онрилто ми ил стоинства друг друга, скрашивая недостатки. После окончания школы поступила в Тюменский индустриальный институт, где познакомилась с моим, будущим мужем, и к получению диплома у нас был годовалый ребенок - дочь. В 1975 году мы переехали в Димитровград, где жили родители мужа. Устроилась на завод «Химмаш», здесь до настоящего времени и работаю инженером-конструктором. У нас двое взрослых детей и маленькая внучка.

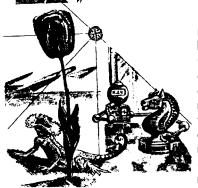
ного чего перебывало в нашем разделе "Записки хранителя", а вот этакого публицистического материала, как у Риммы Долодаренко, - еще не было. Жанр ее заметок можно обозначить и записками краеведа, и путевыми очерками, и дневником новеллиста, и т.д. Неоспоримо одно: взгляд талантливой женщины-путешественника, художника, очеркиста на родной край, нашу природу, наши, порой не замечаемые, ценности бытия, на красоты и необыкновенность других регионов, - очень своеобразен, интересен.

Право же, мы ценим описанное историками и естествоиспытателями, побывавшими в экспедициях. Нам любопытен материал, собранный литераторами в их поездках, полетах по местам негаданным. Мы верим свидетелям необыкновенных пейзажей и историй, увиденных из окна вагона. А здесь... Мир, открывающийся из седла мотоцикла, упорство в единении с природой, ее постижение самым доступным образом да не альпинистом "отпетым", а женщиной увлекающейся, освоившей многие "мужчинские" навыки и "специализацию". Человеком красивым духовно и физически, владеющим даром делиться с людьми своими чувствами, мыслями, наблюдения-MH.

Итак, перед вами "мототриллер" Риммы Долодаренко - удивительный и талантливо записанный гимн путешествиям...

«МОТОТРИЛЛЕР»

(с прологом и эпилогом) ПРОЛОГ

Все произошло именно в той последовательности, как описано. Нет никаких вымыслов, преувеличений и подтасовок событий под фабулу. Изложение, конечно, субъективно в силу различного восприятия мира разными людьми: там, где горюет один, другой просто огорчится, что одному в тягость, другому в радость, словом: «Что русскому - здорово, то немцу - смерть». Но халву с перцем еще никто не спутал! Верно?

1. Гримасы фортуны

Однажды, летним вечером, в пятницу мы с мужем подумали: «А не «прохватить» ли нам до Лесного Никольского? За земляникой?» Сейчас разве вспомнишь, кому первому явилась эта счастливая мысль.

Лесное Никольское любимое место паломничества всех окрестных грибников в радиусе двухсот километров. Летом здесь белые в изобилии, осенью - грузди: сухие, крепкие и сырые - лохматые с бахромой. Несмотря на нашествие любителей «тихой охоты» и начавшиеся вырубки, эти леса остаются диковатыми, но сказочно красивыми. Корабельные сосны тянутся к солнцу среди пышных мхов. Идешь - мох пружинит, нога утопает при каждом шаге то в пушистых серых лишайниках, то в ярко-зеленых мхах. Упавшие деревья, словно поверженные великаны, опутаны волосатыми лишайниками, как гнилыми веревками. Кустики брусники и черники отвлекают от главного занятия: поиска рыжиков и маслят. А березовые перелески с крепкими как на картинке боровичками - устоять невозможно! Ну, а землянику здесь собирают ведрами!

Итак, Жора пошел заводить мотоцикл, а я покидала на скорую руку вещички в рюкзак и сижу в предчувствии маленького приключения, предвкушаю что-то хорошее. Вскоре приходит

Жора. Оказывается, вчера он открыл погреб - проветрить, после чего подошел приятель и предложил ему метровой высоты бак под солярку, который Жора поставил в проходе перед погребом. Сегодня он, конечно, забыл, что яма открыта. Пошел включить свет, влез на бак и спрыгнул с него в яму, думая, что там пол... Колено и руку разбил здорово. Иронически оглядывая с вершин времени этот вечер, я думаю, что это было своего рода первое предупреждение судьбы.

Жора снисходительно позволил потрогать шишки, синяки и ссадины и сказал: «Поехали - не смертельно!» Я не спорила.

Едем по знакомым, приятным местам, вдруг на очередном, не особо крутом повороте, на сравнительно малой скорости, нас занесло на песочке, намытом на асфальт и - брык! Мы на боку! Вообще-то, все наши падения можно сосчитать на пальцах одной руки - Жора ездит аккуратно, но тут прямо дьявольщина какаято. Жора ушиб плечо, но при обследовании оказалось, что кости целы. В первой встречной деревушке я долго охлаждала ногу возле колонки холодной водой. Опухоль немного спала и я решила, что смогу ехать дальше. В одном ботинке (нога распухла - другой не надеть) мы потихоньку покатили вперед.

Итак, второе предупреждение судьбы мы тоже проигнорировали.

По памяти нам казалось, что карта этого района запечатлелась в наших головах лучше, чем у иных на бумаге. Вот проедем к реке и там заночуем - утро вечера мудренее! Однако дорога становилась все грязней и непролазней, а реки нет и нет. Смеркалось. Заботливая судьба припасла для нас в этот час аж два предупреждения об опасности дальнейших поисков приключений: во-первых, заметили начало обрыва тросика сцепления, во-вторых, на одной из крутых горок мы опять упали: мотоцикл с ревом, разбрызгивая жирную грязь, раза два перевернулся под уклон, но мы успели соскочить и рассыпаться по сторонам.

С нехорошим чувством нависшей опасности вытащили мотоцикл из грязи и попытались его завести. После того как он, наконец, затарахтел и мы тронулись, появились, откуда ни возьмись, две большие лохматые собаки неизвестной породы, то ли с какой-то близлежащей пасеки, то ли вообще дикие, и стали нас агрессивно облаивать, пытаясь схватить за ноги. Вскоре мне пришлось соскочить. Мы уткнулись в очередную лужу. Пока Жора газовал, проталкивая мотоцикл по грязи, я, устрашающе выкрикивая страшные ругательства и проклятия, пугала истошными воплями скорее себя и мужа, чем собак. Здоровенная палка, подвернувшаяся под руку, оказалась как нельзя кстати.

Я стала махать ею направо и налево, надеясь запугать псов.

После преодоления лужи, ни на секунду не прекращая упражнения с дубинкой, я взгромоздилась сзади мужа, неустанно тыкая палкой в слюнявые зубастые пасти. С трудом оторвались от этих исчадий ада, истекающих ненавистью. День догорал... Несчастья, так и сыплющиеся на нас, остудили необузданное желание полакомиться земляничкой.

Наконец, разум возобладал - решено было ехать домой, пока еще тросик не лопнул окончательно. Наши желания и возможности сегодня явно не сочетались. Когда на одном из перекрестков остановились перекусить (у меня уже желудок свело от голода и переживаний), я предложила: «Давай здесь заночуем, зачем ломиться впотьмах по такой отвратительной дороге, того и гляди, глаза на ветках оставишь. Да и какая разница - сегодня домой приедем или завтра?» Ходить я могла с трудом. Жора порыскал по окрестностям и обнаружил белые грибы, что и решило окончательно вопрос о ночевке. Он отвел мотоцикл подальше от дороги, и уже почти потемну, поставили палатку, натаскали хвороста. Побегали вокруг, изучая местность, вернее, Жора побегал, а я поковыляла, опираясь на палку - бывшее холодное оружие. Обнаружили еще грибы, но рвать не стали. Завтра. Спать, только спать.

Среди ночи нас разбудил дикий протяжный и тоскливый вой. Волки? Собаки? Если одичавшие собаки - это хуже. Эти твари не боятся ни человека, ни огня, от них можно ожидать самого худшего. Вечно голодные, рыскают они по лесам, истребляя все живое. Глаза сами стали искать тени от деревьев - повыше, понадежней, куда можно сигануть в случае опасности. Жора развел

костер и караулил мой сон до утра.

Утром моей ноге полегчало, его плечу - поплохело. Натерев плечо мужа «звездочкой» для успокоения совести, не надеясь, что это поможет, я похромала собирать грибы, опираясь на свое «холодное оружие», пока Жора спал, утомленный ночным бдением. Набрала грибов ведра два. Жора, проснувшись, тоже поучаствовал в этом увлекательном деле.

Пора домой. Стараясь не переключаться, тихонько поехали. С огорчением смотрю, как время от времени, при каждом необходимом переключении скоростей, лопаются проволочки тросика сцепления. Ну, вот и долгожданный асфальт! Мы почти дома. Можно без всяких переключений пилить на четвертой скорости...

...Тросик порвался на перекрестке за триста метров от гаража. Судьба, наверное, все же любит, когда умные люди понимают ее предостережения... Хотя бы с пятого раза. Она была очень долготерпелива и жалостлива к своим неразумным детям.

С тех пор Жора на мотоцикле проходит повороты по-женски - притормаживая...

2. Горим!!!

Погожим осенним деньком собрались мы как-то на дальние болота пострелять уток. Место это, в окрестностях небольшой речки Паромо, показал нам друг мужа - Гена Четкасов. Он метко назвал этот благословенный оазис дикой природы - «Дыра». Мало того, что ехать туда по асфальту около 60 км, но при съезде с него начинается самое главное (особенно, если осень дождливая). Сначала плохонькая заезженная дорога петляет среди полей и многочисленных болотин. Порой бывает легче продраться по пашне, чем по этой дороге, которая, в конце концов, плавно переходит в вечно залитую водой тропу. И каждый раз не знаешь: доедешь до сухого места или так и будешь сидеть ночь, по ступицу в болоте, ожидая рассвета, чтоб посмотреть - вытаскивать мотоцикл вперед или уж плюнуть на все и податься до дома.

Итак, солнечная погода не обещала обычных для этих мест дорожных неприятностей и вот - всего пару раз соскочив с заднего сиденья, чтобы Жора один преодолел очередной брод - мы поехали к нашей поляне на берегу лесного болотистого озера, которая была на удивление сухой.

Наскоро соорудив костерок из гнилушек, мы сытно поели, поставили палатку, расстелили спальники, чтобы не возиться потемну, прислонили к кустику ивы мотоцикл, побросали шлемы в палатку и, снарядив ружья (чехлы от них положили в изголовья), пошли на охоту. Костер залили водой из болота. Но нам не пришло в голову окопать его - ведь обычно и палатку поставить трудно - сыро. Гнилушки, затушенные только сверху, а в глубине продолжающие тлеть, и стали причиной очередного нашего несчастья.

По-женски консервативно, избегая трудностей, я пошла на старов, знакомое уже и удачливое место, метрах в трехстах от бивака, а Жора, как всякий мужчина, любитель новых и неизведанных мест, решил пройтись по окрестным болотам.

В ожидании вечернего пролета утки, я должна была бы умиротворенно любоваться пейзажем, но неясныя тоска и тревога внезапно охватили меня. Сознание отказывалось принять всерьез мое настроение - для печали не было причин. Над озером потянулся вечерний туман. Потом уже я поняла, что это был стелющийся над водой дым разгоравшегося костра. Но я все еще не чувствовала запаха дыма. Кругом все дышало спокойствием ранней осени. Вдруг у меня перед глазами мелькает ужасная картина: горит колесо мотоцикла, огонь охватывает бак, лижет его бока. Трещит и облетает краска, бак рвется и разносит на части нашего «коня»!

49

Я трясу головой, отгоняя глупые «глюки», и тут мои ноздри ловят запах дыма. Внезапно я понимаю, что не туман стелется над водой - дым! Сердце замирает и, бегом, на слабых, ватных от страха ногах, я бегу к месту стоянки. Картина, представшая перед моим взором, не забудется никогда!

Огромный круг бегущего во все стороны по сухой траве огня,

Огромный круг бегущего во все стороны по сухой траве огня, а в центре два больших костра: один - пылающая палатка и другой - мотоцикл, вернее, его переднее колесо, распространяя противный запах - уже занялось и разгорается на глазах. Бросаю (заряженное!) ружье далеко, как мне казалось за пределами огненного круга. Понимая, что тушить палатку бесполезно, кидаюсь спасать мотоцикл. Для этого его надо поставить на центральную подножку. В обычное время я никогда, даже в случае крайней необходимости, не в силах была самостоятельно это сделать. Обычно в случае поломки, искала к чему бы его прислонить: к дереву или столбу... Какая-то не парализованная еще часть сознания подсказывает, что надо подложить под подножку чтото жесткое. Судорожно ищу и нахожу, на мое счастье, банку изпод тушенки и без всякого усилия ставлю мотоцикл на подножку. Банка тонет в грунте, но мотоцикл стоит!

Срываю с себя ватник и, вращая колесо, тушу огонь. С подфарников капает плавящаяся пластмасса, но бак цел, он и не думает взрываться! Кидаю беглый взгляд на полыхающий костер палатки. Спасать там уже нечего: драгоценная шаль и пуховые спальники с таким трудом и любовью сшитые для нас с мужем, тают на глазах, охваченные жадными язычками пламени.

Два маленьких костерка - это шлемы. Все! Пора тушить разбегающийся круг огня. Вспоминаю, что заряженное ружье может быть и не так уж далеко от огня. Ищу его в траве и не могу, к моему ужасу, найти. Если огонь подберется к нему - жалко бездарно загубленное оружие. Да, кроме того, могут быть неконтролируемые выстрелы, а мне еще хочется пожить чуток.

Мечусь в траве около болота и, наконец, натыкаюсь на свою «Ижевку». Разряжая ее в воздух еще и еще, запоздало понимаю, что выстрелы не привлекут внимания - ведь мы на охоте. Громко до хрипоты, до потери голоса зову мужа.

Нет, он не откликается, видно самой придется тушить отонь. Затаптываю его ногами, хлопаю ватником, но круг огня все фольше и больше, вот-вот перекинется к лесу. Сердце, колотящеся где-то у горла, одышка, въедливый дым... Вся уже в пепле, время от времени притрагиваюсь к патронташу: не горячий ли он, а то вдруг начнут рваться патроны на поясе. Адреналин бьет ключом! Откуда-то берутся неистребимые силы. Наконец круг зам-

кнут, осталось метров десять непотушенного огня. Но кое-где он опять занимается.

Вижу бегущего со всех ног Жору (он, оказывается, немного заблудился). Ноги подкосились, обессилено падаю на черную от пепла землю, даю волю слезам. Мне жаль снаряжения рюкзака, шлемов и особенно - спальников. Убитые горем, порывшись в пожарище палатки, собрали кое-какие обгоревшие детальки от рюкзака, осмотрели колесо - кажется, на нем можно ехать. С тяжелым сердцем покинули жуткое место пожара.

Как автоматы, плохо соображая, выехали на асфальт. Еще не темно. Вид наш был, очевидно, страшен: черные от гари лица без шлемов, петушиные гребни грязных от пепла волос, ружья наперевес. Встречные шарахались от нас по обочинам дороги, пока не стемнело. Ехать по городу в таком виде поостереглись: объясняй потом в каталажке, что мы не террористы какие-нибудь.

Ночевали на даче.

Ласковое тепло печки, мечтательно-романтический дым костра и неукротимая стихия огня, вырвавшегося из-под контроля вот они образы сиамского единства двуликого Януса. Поэтому, к костру отношение с тех пор серьезно-почтительное. А уж маленькая лопаточка, чтобы окопать костер, - всегда под сиденьем!

3. На «Туле» - на Урал

Суровая проза жизни заставила меня освоить мопед для того, чтобы ездить на дачу, независимо от наличия у мужа времени и желания покопаться в земле. Потом его заменил мотоцикл «Тула», купленный для этой же цели, а так же для совместных с мужем поездок на охоту, рыбалку, по грибы и ягоды. Покупая машину повышенной проходимости, мы надеялись вдвоем, при рюкзаке и с ружьями, гонять по всякому бездорожью в дождь и снег. Однако и сухой деревенский проселок - это та дорога, по которой можно ездить с таким грузом. На полуспущенных шинах можно проехать и по вспаханному полю, но быстро ломается корд. Мелкий протектор на мокрой грунтовке забивается и пассажиру приходится бежать рядом, а «пилот», широко расставив ноги и, добавив «коню» этаким манером недостающие два копыта, может преодолевать самую страшную грязь не хуже любого мотоциклиста. Вибрация двигателя весьма велика и вызывает онемение ладоней при длительных поездках. Скорость мотоцикла мала, и при попытке увеличить ее выше 65 км в час двигатель работает натужно. Все это, однако, не заставило нас расстаться с «Тулой», и вот уже шестой год мы мотаем 22-ю тысячу верст...

После нескольких путешествий по области в пределах 400 км, мы начали мечтать о дальних дорогах, а ностальгия по горам, наверное, умрет вместе со мною. Итак, конечно, Урал - он ближе всего. Каких-то 700 км. Мой Жора - человек занятой и ответственный, ему сложно оставить свою работу хотя бы на неделю. И вот однажды вечером мы решили, что если завтра не выедем, то будет командировка, потом картошка, ягоды, огурцы-помидоры и - понеслось!

Жора навесил багажники, поставил дуги, все системы в порядке, только один амортизатор не работает, но подумали, что по асфальту - пойдет. Мы ведь еще не знали, что будет не только асфальт.

Я тем временем спешно собираю рюкзак, веду переговоры с соседями по даче о поливке, с трудом пристраиваю кошку Асю в хорошие руки, и вот утром мы выезжаем, несмотря на дождь, которому, кажется, нет конца.

Наше дождевое снаряжение оказалось функциональным, хотя мы напоминали в лучшем случае бомжей, водолазов или чеченцев на боевом марше. У меня ботинки закрытые «болоньей». У Жоры резиновые полусапожки. Брюки из «болоньи» и куртки из химзащиты. У меня лицевая маска. У обоих - плекс, закрывающий лицо, весь в грязных брызгах.

Сиденье «Тулы» представляет собой корыто, и если долго едешь под дождем, водитель снизу промокает, но пассажиру или «второму пилоту», как я называла себя для солидности, удается сохраниться сухим.

Наш путь лежит пока до Юрюзани, а там мы наметили несколько маршрутов, и только обстоятельства помогут нам выбрать один из них. ГАИ в Куйбышевской области не дремлет - у поворота на Кошки нас тормозят ранним утром для проверки документов. Больше нас не остановили нигде, только на обратном пути в том же месте вновь пришлось предъявить права.

Дождь прекратился, но стекла шлемов по-прежнему страдают от грязи встречных машин, приходится часто их протирать. К трассе Москва - Челябинск привыкли быстро, и на сметающие нас на обочину вихри от встречных фур перестали обращать внимание. Дорога не скучная: леса, перелески, реки и речушки, запах цветущих ландышей.

Время от времени даю мужу возможность отдохнуть, сажусь за руль. Хотя, как водитель я, конечно, не ахти, скорость держу плохо, однако ехать, хотя бы с такой сменой, Жоре все же пегче. Кроме того, сидеть за спиной надоедает, за рулем другое восприятие мира. В Оренбургской области густые, насыщен-

ные запахи цветущей степи морочат нам голову. Легкому постукиванию на кочках и неровностях мы поначалу не придали значения, и эта беспечность едва не стоила жизни канистре и амортизатору, который окончательно вытек, а канистра чудом оказалась не пробитой насквозь.

Их опасный контакт устранили, и снова наши глаза жадно пожирают пространство. Изредка останавливаемся перекусить пирожками и пряниками, запиваем водой из висящей сбоку пластиковой бутылки. В таких же, но меньших по объему бутылках у нас запас масла для добавки в бензин. Запасов еды почти нет, на трассе везде можно купить консервы и рис. С картошкой сложнее.

Первая ночевка возле Уфы была испытанием нашей решимости и желания пожить на колесах. Комары облепили нас толстым слоем, правда, мазь и накомарник позволили поставить палатку (летом она у нас марлевая с тентом из полиэтилена) и сварить ужин. Чувствовалась усталость, еще не ушло беспокойство на предмет: «Куда вас, сударь, к черту занесло, неужто, вам покой не по карману»... Но самое главное, то и дело нас принимался поливать дождь, и от земли поднимался противный запах. Очевидно, где-то рядом выход сопутствующих добыче нефти газов. При каждом шаге земля издавала аромат тухлых яиц и мертвечины, но возможности найти другое место не было, - быстро темнело.

Уснули как убитые, под писки-визги комаров, лишенных легкой добычи. Утром с чувством облегчения оставили вонючее место и в дальнейшем судьба более не испытывала нас, доставляя нам только радости.

Мы привыкли к дороге, и усталость более не сваливала нас как в первую ночь. Наконец увидели далекие горы. Наша дорога круто забирала вверх, к первому перевалу. Возле реки Сим, у ее притока - реки Баш, мы устроили первую большую остановку днем.

После первого перевала у города Сим вынули фотоаппарат. Здесь одно из замечательных мест предгорий Южного Урала, городок в окружении поросших елями гор. Очень жаль, что качество фотографий не позволило передать всю прелесть этого места, а впрочем, - и многих других мест нашего путешествия.

У самой Юрюзани обнаруживается, что в пути тихо умер второй амортизатор. Особенно это заметно пассажиру. Каждая мало-мальски заметная кочка чувствуется пятой точкой как большая гора.

В Юрюзани переждали страшный ливень в одном из подъездов, заодно и послушали разговоры женщин о том, что если хотим ехать дальше в горы, то одеты мы слишком легко - у них тут «погоды серьезные». Собираясь на Урал, мы взяли с собой дозиметр с солнечной батареей, но в самый ответственный момент оборвался проводок, а купить «Крону» нам удалось лишь на обратном пути. Уровень радиации был обычный - 14 миллирентген в час. Самый высокий уровень замерили возле одного из родников на трассе перед Октябрьским, где все набирали воду, - 19. Судя по карте, Юрюзань последний город в нашем путешествии и мы запасаемся бензином и продуктами. Я с удивлением гляжу на дряхлую бабку с внуком, - они копают свой огород, который уходит от обрыва вверх под углом не менее 35 градусов. Кажется, споткнись они и - улетят в пропасть. Заметно, что это уже не наша средняя полоса. У нас в огороде уже все растет и зеленеет, а здесь едва всходит, грядки - черные.

Без сожаления покинули грязноватую Юрюзань и едем через «Первуху», «Меседу» и «Тюлюк» к самой высокой точке Южного Урала - горе Большой Иремель. Интересно, сколько мы не дотянем до вершины? Дорога немного серпантинит, то там, то тут, сквозь обрывки облаков, просматриваются знакомые по карте хребты. Все - цивилизация кончилась!

Это мы поняли после долгих и безнадежных поисков пластиковой бутылки, нужной нам для изготовления воронки, чтобы залить бензин в бак. Какой-то час назад они валялись по обочинам кучами. Мы уже в горах.

Здесь много дождей, болот, а копны сена ставят по-особому, чтобы внутри были полости для лучшего проветривания. Здесь почти нет людей и место для ночевки можно выбирать недалеко от дороги и с меньшими предосторожностями. Достаточно, чтобы костер не был виден с «щебенки», по которой мы катим. Дорогам здесь уделяют много внимания, подсыпают и равняют щебенку, иначе глина и болота быстро уничтожат их. Здесь нет ни киосков, ни заправок, зато как звучат названия рек, хребтов и поселков: Нургуш, Тюлюк, Бакал!

Нашли чудесное место для ночевки. Огромная поляна с цветущими жарками и еще бог знает какими цветами, с видом на скрывающиеся за облаками хребты с гольцами, трава выше колена! Но нет в мире совершенства, - здесь нет воды. Решаем, что запаса ее в пластиковых бутылках нам хватит. Вечер проглядели на хребты, слушая щелканье и трели соловьев. Комаров мало. Прохладно. Съели похлебку, выпили весь чай, думали ночью на

тенте соберется вода к утреннему чаю, но хотя роса была обильной, наши надежды на литр воды с тента не оправдались...

Утром завтрак космонавтов - чуть-чуть чая с элеутеррококом, изюм и орехи, даже осталось еще немного шоколада. Только пить очень хочется! Я небезуспешно пыталась попить росы, резким взмахом кружки собирая ее с травы. Очень вкусно, но мало. Напоминает березовый сок. Вкус после каждого взмаха разный, но чудесный. Объем - 1-2 мл. Жора не захотел разделить со мной это удовольствие.

Снова щебенка, но здесь недавно прошел дождь, и на глине то и дело заносит заднее колесо. Пока обошлось без падений. Речка Юрюзань и хребет Зигальга долго сопровождают нас. На перевалах Зигальги еще лежат снега. Юрюзань достаточно глубока (местами по грудь) и очень быстра (перейти ее без спецсредств невозможно). На перекатах растут какие-то растения, их стебельки, преодолевая силу течения, держат листочки как ладошки над водой. Эффектно! Тут-то мы с сожалением и горечью обнаружили, что пленки осталось 6 кадров.

Промелькнули характерные для Урала поселки Меседа, Первуха. Воздух чистейший. В селе Тюлюк Жора решил побеседо-, вать с местными жителями «за жизнь», а главное, узнать дальнейшую дорогу. Нашей карты, чувствуем, - недостаточно. Старички порассказали о своем житье-бытье, рыбалке, видах на урожай. Напоследок они охотно поведали нам, сколько туристов замерзло на вершине, и как много медведей и волков развелось в округе. Узнав, как добраться до горы Большой Иремель, мы покинули прелестное село и его словоохотливых жителей. За околицей дорога резко взяла вверх и скоро кончилась щебенка. Дождливая погода сделала заброшенную лесовозную дорогу труднопреодолимой, мотор надсадно ревел, и я с удовольствием пошла пешком. Скоро нас стали раздирать сомнения о правильности этого пути. Так, сомневаясь, «пилили» мы все выше и выше среди вековых дерев. Пересекли реку и дорога кончилась. Осталась колея с ручьем, стекающим по ней, с валунами, лежневкой и упавшими деревьями. Жоре было нелегко, но мы к тому времени убедились в правильности пути: в просветах леса виднелись снега на горных склонах. Кроме окрестностей Иремеля это не могло быть чем-то другим. Наконец, мотоцикл заклинило между двух валунов. Дальше можно только идти пешком, перескакивая с камня на камень. Вернулись немного назад и остановились около пня диаметром с метр. Хотя Жора сильно устал, близость большой горы заставила его сходить по тропе вверх, посмотреть подходы. Я сушила вещи, кипятила чай.

Тучи разошлись. Мы были в середине девственного леса, где ели и пихты опутаны лишайниками. Здесь среди камней журчат многочисленные ручейки и речки с хрустально чистой водой. Даже в солнечную погоду выступающие из земли камни влажные, словно сочатся водой. Запах пихтовой смолы дурманит. А тишина после дикого рева двигателя - это что-то!

Через час-полтора, измотанный до болезненного состояния, Жора пришел, не найдя подходов к горе, но с рассказами обо всем увиденном. Мне тоже захотелось побегать по окрестностям до захода солнца. И я налегке, не взяв куска хлеба, в легкой рубашке, пустилась на ночь глядя, искать не знаю что, в незнакомой местности. Места, по которым я пробегала, завораживали меня и манили все дальше. Тропа повернула налево и, право же, никто, кроме внутреннего голоса не смог бы подсказать мне, что нужно сойти с тропы, пройти осыпь камней, заросших брусничником, под которыми журчал невидимый ручей, пересечь одно нагромождение камней, другое...

Вдруг лес кончился, крутой подъем по осыпи, и я вижу плато с чахлыми деревцами и дальше какая-то вершина, сильно похожая на господствующую. Я так рада, это конечно, Иремель. Но холодает, и я боюсь, что не выйду на тропу, и солнце сядет, и мне страшно... Я бегу с колотящимся сердцем: заблудиться в горах, хоть и игрушечных, ночью, в мокрых ботинках и без спичек...

Но все кончается хорошо, и вот я уже у костра, мы рады, сыты, вокруг нас все красиво. Середина июня, а весь вечер тянет вальдшнеп на фоне хребта Зигальги. Ложимся спать поздно, уже холодно. Все-таки пуховые спальники - это вещь! Утром закатили нашего конька-горбунка в кусты, включили скорость, с тяжелым сердцем забросали нашего красавца ветками. Сожалеем, что не сделали это вечером, роса скрыла бы его след. Непохоже, что здесь найдутся злоумышленники, но все-таки тревожно. При себе только необходимое. Налегке пошли зна-комиться с горой Большой Иремель. Основательно поспорив по поводу того, по какой тропе лучше идти и, выбрав одну из двух, - вперед и выше. Несколько раз отдыхали, плохо тренированные легкие и детские нагрузки переносят неважно. Думаю, мы не доехали до вершины километров шесть, не более. Тропа 🖦 шла на ровную, поросшую лишайником, ягодниками и цветими площадку. Мы назвали ее плато, потом оказалось (при встрече с биологами из Уфы), что это плато называется «Жеребчи». Нога по щиколотку проваливается в великолепие цветущих ягорников и цветов: белых, больших, похожих на жасмин, но круп-56 нее и опушенных, а так же, желтых - султанчиками. Жалко ступать и нарушать это творение природы. Снега остаются справа, мы идем к вершине. Она представляет собой курумники: нагромождение камней размером до восьми метров, покрытых яркозелеными, желтыми и черными лишайниками. На плато ветер, хотя светит солнце - холодно. Жора отдает мне свою куртку, я принимаю подарок, несмотря на укоряющий голос совести. Успокаиваю себя тем, что Жора более крепок для простуды, а если я заболею - ему лишние хлопоты. Двадцать пять минут скачем по камням, поднимаясь еще метров на двести, прежде чем достигаем вершины, которая обозначена металлическим флажком и надписями яркой краской на камнях: «Здесь были...»

Чувствуется, что мы на господствующей высоте. Ветер прямо завывает. Во все стороны открыты дали. Два раза щелкнули фотоаппаратом, посидели, созерцая. Конечно, не Гималаи, и даже не Кавказ, но величие присутствует, особенно рев ветра наводит на мысли о бренности всего живого и о величии хребтов, хотя и траченных «молью времени».

На обратном пути дошли до снегов, Жора умылся, а я ограничилась бросанием снежков. Плато по краям покрыто стлаником, и надо быть осторожными, шагая по нему. Нашли начало речки Карагайки (притока Тюлюка), попили из этой речушки и очень довольные собой, к обеду вернулись к месту своей стоянки.

Поговорили с туристами из Уфы, проходившими мимо, и стали собираться в дорогу. Жалко, что время не позволяет нам побыть здесь еще неделю, сходить на Малый Иремель, проехать по другим дорогам. Жора - оптимист, он говорит: «До свидания!», надеется вернуться сюда. Я говорю: «Прощай!», и сердце щемит и замирает. Мне жаль, что я больше не увижу этих мест, жизнь коротка для повторений.

Уже завтра мы хотели бы искупаться в горячих источниках Янган-тау. Но, увы, что было доступно нашим отцам, для нас невозможно. «Дикие купания» властями не допускаются, а лечиться по путевкам у нас нет ни необходимости, ни желания, ни времени, ни денег. Нам было бы за счастье составить контраст вчерашним снегам и окунуть свои уставшие тела в радоновые источники Янган-тау. Что-то плохо стал тянуть на подъемах наш «конек», но делать нечего - едем. Дома выяснилось, что краска с внутренней поверхности бака попала в карбюратор.

Ночуем далеко от дорог, в тихих местах, у речек. Пользующаяся дурной славой у туристов Башкирия ничем не огорчила нас. По сравнению с нищим Уралом - это богатая страна. Я то и дело оглядываюсь назад, туда, где остались горы, пока замечание Жоры: «Не вертись», не останавливает прощание с горами. 57

4. Симбирские трассы

«Текли дугою звезды - и до нас! В комочке праха сером, под ногою Ты раздавил сиявший юный глаз...» Омар Хайям.

Пятница. Собран рюкзак по затасканному списку. Загружен багажник мотоцикла. Судорожно проверяю: мясо кошке, сухой корм и вода - есть; балкон и холодильник - закрыты; свет, утюг, газ - выключены. Едем. Бытовые проблемы долго преследуют меня, надоедливые как мухи. «Отмахиваясь» от них, постепенно начинаю замечать окружающее.

Народ окучивает картошку, - а мы едем! Пастух гонит домой свое стадо, - а мы едем! Усталые люди спешат к телевизору, - а мы едем! Женщина собирает клубнику на обочине, - а мы едем, нам некогда полакомиться ягодкой, до темноты надо успеть подъехать к Волге, ведь выехали в шесть вечера. Постепенно исчезает суетливость в движениях и мыслях. Справа - Волга. Ее присутствие выдает густой пойменный лес. Наконец, отступает прошлое. С жалостливой симпатией смотрю на людей, копающихся в огородах, сидящих на лавочках, загоняющих во дворы скотину. Не проходит навязчивое ощущение, будто вижу себя в другом времени или параллельном мире.

Какое счастье, что мы можем переменить жизнь: убежать к своим лесам, рекам и туманам, но имеем, также и возможность вернуться к устроенности защищенного от стихии быта. Дорога уводит нас все дальше от дома.

Село Ундоры, завод минеральных вод. Убогий и серый фасад дома отдыха «Дубки». Здесь, пожалуй, спустимся к реке. Недавно прошли дожди, спуск только один, и на крутых глинистых поворотах видно, как недавно кто-то сильно смелый или шибко глупый выбирался из крутого оврага на «Жигулях».

Мы, ни о чем особо не задумываясь, просто скатились вниз, помогая ногами на скользкой дороге. На другую сторону оврага проезда нет, там дремучий нетронутый лес с густым подлеском. Дорога идет по краю болота, образованного бьющими в овраге минеральными источниками. Вода в болоте с осадком железа, минеральных солей, красноватого цвета, с довольно противным запахом от сероводорода. Тут и там торчат стволы умершик берез. Постепенно болото переходит в залив Волжского водокранилища. Здесь пляж санатория «Дубки», сплошь состоящий из останков аммонитов и белемнитов. Приятно, отдыхая от шума мотора, бродить по берегу, собирая «чертовы пальцы», пока муж

Вода в заливе мутная и грязноватая - купаться не тянет, да и не жарко. Рискуя в случае дождя вляпаться в синевато-серую глину, необычайно скользкую, словно мыло, все же проезжаем по прибойной полосе, минуя рыбацкий стан, останавливаемся на небольшой полянке, поросшей молочаем.

Рыбалка без успеха. Уха из ставриды, чай. Ярко горит плавник, мир спит, не кричат даже чайки, не плещется вода в заливе. Когда забрезжило утро, я решила обследовать окрестности, сходить на родник в дом отдыха. Приятно удивлена наличием плиток из мраморной крошки, крутых извилистых лестниц с перилами, площадок для отдыха, чистоте.

Отдыхающие еще спят, только «одна возлюбленная пара всю ночь гуляет до утра»... У них-то я и спросила дорогу к роднику. Напилась воды в домике, где бьет ключ. Прямо в теле сухого дуба чья-то талантливая рука изваяла мифический лик - Лешего. Но, несмотря на все это, остаться здесь еще не хотелось, - отпугивала скука и налет убожества.

Жора решает въехать вверх прежним путем один, а я снова поднимаюсь по лестнице, слыша надрывное рычание нашего мотоцикла. Вверху встречаю Жору. И он, и мотоцикл в грязи, ладно

еще рюкзак был в полиэтилене...

После «помывки» решили обследовать и попробовать на вкус все цивилизованные источники, заезжая во все дома отдыха. Самое приятное впечатление оставил дом отдыха «Серебряный ключ». Цветники, зелень, чистота, прекрасный пляж, где мы осмотрелись на предмет: куда же ехать дальше. Отдохнули, побродили по воде, собирая камушки и ископаемых, пообедали, а я сходила к роднику по живописной тенистой тропинке.

Залив отделяет дома отдыха от поселка Городище. Обогнув залив, мы оказались в одном из самых замечательных мест этого района на южной окраине Городища. На высоком берегу какойто хороший человек сделал скамейки, и мы посидели, глядя, как другой берег залива тонет в дымке. Как на ладони видны «Дубки», место нашей прежней стоянки. Маленькие кораблики неизвестного назначения и яхты дополняют изысканнейший пейзаж.

А дальше едем плохонькой дорогой вдоль берега. Мимо старых посадок. Иные деревья посажены так давно, что их стволы одному не охватить руками. Встречаются грибники с корзинками. Берег очень крут. Сбросы от трех до пяти метров. В одном месте Жора хотел спуститься вниз по гнилой веревке, оставленной кем-то, но я уговорила его не оставлять меня вдовой, а детей сиротами...

Березовые посадки сменяют неохватные замшелые лиственницы. Цветет земляника.

Наконец, спуститься к воде можно без риска для жизни. Водная гладь необозрима. Рядом в десяти метрах от обрывистого берега идеально круглое озеро неизвестного происхождения, диаметром 4-5 метров, затянутое по периметру цветущей ежевикой. Вблизи оказался родник минеральной воды, выбивающийся из пород обрыва. Он расчищен и облагорожен, хотя нет никаких следов присутствия человека, ни пластиковых бутылок, ни стекла, ни банок из-под тушенки. Здесь тоже глина, но совсем другая: черная и не такая скользкая.

Возле большой воды есть маленький промежуток времени на закате и рассвете, когда мир вокруг окрашивается в нежнорозовый. Вдали (до них - 70 км) банальные девятиэтажки Ульяновска отсвечивают всеми оттенками, сияют, словно сказочные Эмираты...

Хрустят под ногами корочки засохшей глины, скрипят белемниты. Охватывает чувство, что иду по живому, наступая на «блестящий юный глаз». Кому приходилось проходить торфяники, поймет меня, тут есть что-то общее: уплывающие из-под ног на крутизне подсохшие чешуйки глины, грязевые трясины, образованные озерами минеральных источников. Страх провалиться и быть поглощенной землей, ирреальность, мезозой...

Наконец, я наверху, здесь не страшно. Тишина достойная этих мест, звезды, огонь костра. Просыпаясь среди ночи, сквозь марлевый полог вижу Волгу, слышу легкий плеск воды. За два дня, проведенных здесь, видели только одного человека - парня с рюкзаком. Хорошо бы вернуться сюда, проехать берегом до Ульяновска...

Как ни странно, на пороге нас не встречает кошка Ася! Кискис! Кошки нет. Жуткие подозрения вихрем проносятся в голове. С ужасом в душе догадываюсь, что случайно, в спешке, закрыла ее на балконе. Смотрю вниз - кошки нет. Что с ней ставось на жаре 40-45 градусов, без воды и пищи? Не испарилась же фна! Выхожу на слабых ногах из подъезда, ищу ее трупик под балконом. О, счастье! Вот она, сидит в ямке, в тенечке. Обиженная и несчастная, но живая. Оскорбленно не реагирует на ласки, отворачивая мордочку. Ей трудно простить такое...

5. «Не пытайся дважды войти в одну реку»

... После того, как весенняя поездка на Урал прервалась олной разборкой движка и коробки передач в полевых условий, и позорным автостопом, - привести мотоцикл в рабочее состояние не так-то просто и его пригодность к «дальнобойным» приключениям требует перепроверки. Как раз и сын дома, на каникулах. Не показать ли ему Ундоры? Вдруг и ему удастся почувствовать поэтическое очарование миллионов лет, где, словно глаза неведомых чудовищ блестят вымытые минеральными ручейками кристаллы гипса? Невинной первозданностью веет от белорозовых и перламутровых аммонитов, а порою под корой каменистых наслоений притаится великолепие симберцита, раззолоченного кристаллическим пиритом!

Оседлав на излете лета два мотоцикла, без четких планов, разбрызгивая жирную грязь холмистого Городища, остановились на окраине села в поисках червей для рыбалки. Несмотря на то, что кругом загоны и сараи с повизгивающими розовыми поросятами и хрюшками, черви - это проблема. Видно, не судьба полакомиться свежей ушицей.

На наши поиски с любопытством поглядывает интеллигентного вида мужичок с аккуратно подстриженной бородкой. Он пасет коз. Наверное, городской чудак, занявшийся фермерством
в поисках лучшей доли, решаем мы. На наш вопрос о возможности накопать здесь червей, отвечает уклончиво-отрицательно, чем
возбуждает во мне подозрительное любопытство. Я, мельком
заглядывая в его глаза, не вижу простодушной искренности деревенских жителей, и чуть жалею бедолагу, занявшегося не своим делом. А зря - пожалеть-то надо было себя...

Пробираясь сквозь посадки, остановились на краю высокого обрыва, глаза тонут в безбрежной дали... Обнаружили дикую яблоню, усыпанную довольно вкусными плодами - есть из чего сварить компот на ужин. Побродили по берегу в поисках ископаемых. Все находки разложили на берегу. Так приятно осматривать их на закате солнца, пока мужчины разводят костер!

Мы с Жорой, поднявшись на наш обрывчик, неожиданно видим сына в компании «псевдофермера» и молодого, угрюмого вида парня. На боку «фермера», под штормовкой явно просматривается что-то недвусмысленно огнестрельное...

Предъявляя документы директора палеонтологического заповедника, он обвиняет нас в незаконном сборе окаменелостей, и спрашивает о каком-то «Заказчике».

Я, улыбаясь как можно глупее, посматриваю на них с видом несушки и молча предоставляю моим мужчинам решать эти проблемы. Жора резонно заявляет о том, что расположение заповедников всегда обозначается плакатами, стендами, стеллами, коих мы не видели...

Оказывается, как раз перед нашим приездом какие-то злоумышленники их все уничтожили. Саша ехидно пытается выяснить смысл слова «заказчики». О, «это, вернее всего, американские или немецкие коллекционеры-толстосумы»...

Нам инкриминируют связь с этими исчадиями мирового империализма! Да, высоко летаем...

Хозяин этих мест грозится вызвать наряд милиции из Городища, ежели мы не подпишем акт, и не заплатим штраф «за нарушение...». На что сын, зловредно подливая масла в огонь, улыбаясь, заявляет, - что вообще-то милиция не только не поедет к черту на куличики, в лес по грязи рвать резину, но и за угол участка увезти пьяного, за просто так, не метнется...

После этого у владельцев тутошних обрывов «...оружия ищет рука»! Мои мужчины тоже не лыком шиты и отнюдь не безоружны. Дело принимает серьезный оборот. Курицей быть уже совсем глупо.

Я, нежно касаясь рукой плеча оруженосного начальника, робко улыбаясь, тихо предлагаю.

- Если мы по глупости своей что-то здесь нарушили, извините нас. Мы ведь действительно не знали, что эти ракушки такие ценные и стоят по рублю за каждый год, что пролежали в земле. Возьмите их себе... для музея...

Бросив алчный взгляд на разложенные по берегу «сокровища», бородатый интеллигент трогательно-бережно берет маленький бело-розовый аммонитик, почти целый, и наши экспроприаторы удаляются, предоставив мне полную свободу рассыпаться в благодарностях по поводу их великодушия.

Жаль, конечно, найденного нами маленького шедевра, но надеемся, он действительно найдет место в музее, а не будет предметом гордости заморского коллекционера. Да пусть даже и так, хватит того, что мы имели честь созерцать его, держать в руках, любоваться. Возможно, бородатый интеллигент - прекрасный человек и большой ученый. Наша жизнь из кого угодно способна сделать монстра...

6. Этюд на белом фоне

Что такое Цемзавод? По правде сказать, надпись на қарте «Сенгилеевские горы» не будила в нас с мужем восторженных ожиданий чуда. Мы даже и не надеялись, что сможем обеспечить себе хоть какую-то тренировку перед осенней поездкой в Крым. Но на безрыбье и рак, как известно, рыба.

Мы огорчены, что один из мотоциклов не на ходу. Привынно едем на моем. После окажется, что это было просто замечательно, иначе я сама вряд ли взяла бы те высоты, повороты и крутые 62 подъемы, которые ждали нас впереди.

Дорога до Ульяновска знакома до последней кочки и скучна. Жора едет пассажиром: не «царское» это дело - крутить руль, объезжая выбоины на заезженной трассе. Час преодолеваем Ульяновск по дороге № 3. Здесь я за спиной мужа. Моя задача дублировать (действуя на слух) дорожные знаки и сигналы светофоров.

Дальше мелькают мимо, оставляя слабый отпечаток в памяти, степные села. Только поселок Тушна, расположенный у подножья Сенгилеевских гор, очаровывает нас, заставляя снижать скорость. Глаз не оторвать от холмов, белыми лбами нависающих над серенькими деревенскими домиками, словно окаменевшие лики добрых, призрачно-бледных гномов в зеленых колпаках травы. На окраине села родники, вытекающие из двух маленьких резных домиков, стол с верандой. Пейте, пользуйтесь. Конечно, какое-то существо уже сломало беседку, но это еще не полный разгром, и мы с благодарностью пьем чистую холодную воду, отдыхаем, наслаждаясь видом живописных холмов, сложенных из белоснежных известняков «верхнего мела», сияющих в оправе молодой изумрудной зелени.

В окрестностях Сенгилея, между Тушной и Цемзаводом, дорога петляет среди маленьких, но красивых, настоящих гор, с белыми осыпями. Запруды ручейков образуют прозрачные озера, по берегам заросших рогозом или ивами. Две особенно заметные вершинки призывно белеют среди лесистых холмов. Нам хочется добраться до них. Белая пыль тянется за нами как шлейф невесты, оседая на руках и лицах, покрывая толстым слоем одежду, «коня» и привязанные к нему баулы. Наконец-то начало нашего маршрута: поселок Цемзавод. Я в недоумении протираю засыпанные мелом глаза. Ветер - от нас. Там, куда мы собираемся держать путь, все скрыто необозримым облаком тяжелой белой пыли. Ее в несметных количествах изрыгает труба цемзавода. Жора остается бесстрастным, как японский болванчик: он этого ожидал, знает, что такое цемзавод по Ангарску. Яже-дар речи потеряла. Как здесь живут люди? В пяти метрах друг друга не увидишь!

7. На волжском берегу

Съехав с дороги, мы мчимся вскачь по ямам и буграм, вдоль волжских обрывов и осыпей в поисках места ночевки. После часовых скачек мои силы иссякли, и пока я перекусывала водой и пряниками, Жора усталый, осунувшийся, пыльный и упрямый, доводит мотор до рева, пока наконец, не находит овраг, врезающийся в обрыв берега. Здесь по осыпям можно добраться до воды 63

(метров сто высоты). По бездорожью, сквозь кусты и борозды посадок, мы продираемся поближе к воде. Прекрасное место! Над высокими кустами с почти белыми листьями, вроде облепихи, и душистыми маленькими желтыми цветочками, озабоченно гудят в несметных количествах пчелы, бабочки и жуки.

С другой стороны заросли акации, скрывающие нас от всего света. Поляна покрыта цветущей клубникой. Перед глазами открываются безбрежные просторы волжской воды. Это не самое широкое место на Волге, но дух захватывает, особенно если забыть, что это не море, а всего лишь «водогноилище», царство сине-зеленых. Вопреки нашим ожиданиям, мы не обнаружили здесь такого изобилия ископаемых как в Ундорах. Да, здешний «мел», не ундоровская «юра». Правда, Жора нашел кристалл гипса 15 см длины. Красавец! Просто огромный!

И, наконец-то, суп с тушенкой, душистый чай. От купленного позавчера примуса, мы просто в восторге. Только немного жаль ненужного теперь костра. Мимо медленно проплывают тяжелые черные баржи. Белый пароход, такой же странник, как и мы, оставляет за собой пелену грустной мелодии, легкого флирта.

На другой день, пока Жора обследовал окрестности, я загорала в полудреме. Жара, мозги плавятся. Уже дома узнали, что этот день был самый жаркий за последние двадцать лет, так передали в метеосводке. Даже маленькие тряпочки на теле кажутся лишними в этом пекле. Тем более, что пока спустишься к воде, искупатешься и, пыхтя как паровоз, залезешь обратно по осыпающейся под ногами глине, на высоту около ста метров, от воспоминаний о воде останутся лишь ручьи пота, текущие по позвоночнику. На выезде к дороге мой спутник, никогда не устающий искать новые пути-дороги, заехал в такой овражек, что мы вдвоем с большим трудом, кряхтя и задыхаясь, еле вытолкали ревущий на первой скорости мотоцикл вверх.

8. Заячье ухо

Ребром встает вопрос: куда же нам податься? Я усиленно нажимаю на второй заезд к цемзаводу. Жора нехотя уступает, и снова вчерашний серпантин, белоснежные вершинки опять притягательно маячат над ландшафтом. На спуске перед поселком двигатель глохнет, гаснет пульт: явно что-то с аккумулятором...

Да, отвалился контакт. К нашему радостному удивлению труба цемзавода еле дышит. Праздник сегодня! Не верится, что еще вчера все окрестности были скрыты белым смогом, словно киношники зажгли дымовую шашку. Поплутав по поселку, выехали на хорошо укатанную дорожку, которая столь круто брала вверх, что я

сочла за лучшее подняться по ней пешком, а Жора с грузом, газуя и отталкива-ясь ногами, исчез за белым облаком пыли. Да, по такой дороге я вряд ли поднялась бы - не хватает агрессивности вождения.

Усталые, отдыхаем на вершинке. Цветут травы. Белые скалы осыпающегося глыбами мела ослепляют нас не только красотой, но и буквально: на солнце белые камни кажутся еще светлее, чище и первозданней. Не проходит удивление, что мы неожиданно оказались в горах, невиданной ранее красоты: белое, зеленое, голубое, - никаких излишеств, простота, скрашенная только яркими мазками степных цветов, дапятнами пестрых коров.

С сожалением оставляем понравившееся нам место. Дорога ведет нас в гору. Только что мы были в степи и буквально мгновенно погружаемся в прохладу лесной тени. Дубовые рощи, березовые переляски.

Я часто бегу пешком из-за сложности дороги и редьефа. Неожиданно выскакиваем к 100-150-метровой, строго вертикальной скале твердого

диатомита, сияющего на солнце как кристалл. Похоже на заячье ухо, но заяц, наверное, был великаном. Внизу, среди разбросанных в беспорядке глыб белой породы, мужичок пасет черно-белых коз с козлятами. Он не посоветовал нам ехать в Шиловку этим путем. Но мы, самоуверенные, плутали еще часа полтора, пока хватило ума вернуться и искать другую дорогу. Вернуться пришлось аж к цемзаводу, ехать предстояло по берегу. Мы пересекли ручеек (родник), набрали воды, попили, умылись, и словно вновь рожденные, в полной уверенности в правильности выбранного пути поехали к Шиловке.

9. Сурки и «кентавры» Шиловской лесостепи

С этого места начались ландшафты, поражающие нас своей эффектностью и контрастами, хотя дорога к ним была сложной. Даже в Крыму нам не пришлось ездить по таким дорогам. Там если асфальт, то подъемы и спуски сглажены, а здесь - высокие холмы, заросшие деревьями овраги, сбегающие к Волге. Каменистая дорога с немыслимыми изгибами здорово размыта дождями. Наверное здесь ездят на каких-то «диких» машинах: колеи-то две, но нам изредка встречались только бесшабашные парни на «ижах» и «уралах» без шлемов и рубашек, только в брюках. Привстав на подножках, как на стременах, закусив губы, как удила, не отрывая напряженно-сосредоточенного взгляда от кочковатой дороги, бесстрашные «кентавры», лихо подскаживая на колдобинах, резко газовали на подъемах и набирали скорость на спусках, несмотря ни на какие дорожные препятствия.

Коровы, которые поначалу радовали наш взгляд, как дополнение к сентиментальному пейзажу, теперь стали нашим бедствием. Везде, где только можно подъехать к воде - калды, мухи и навоз. Поздно вечером мы выехали в Шиловскую лесостепь, замечательное когда-то место. Сегодня она обезображена все тем же крупнорогатым скотом. Что делать, мясо и молоко мы тоже любим и нас таких много.

Поиски места для ночевки долго были безуспешными. Мы хотели бы встать у воды, но везде одно и тоже - коровы, навоз и мухи всех цветов и размеров. Сурки, толстые как медведи сидят, любопытные, у подножья холмов с ленивым достоинством азиатов. Вытянувшись столбиками, свистят и убегают в свои норы при малейшей опасности. Их свист - высокий, птичий, трогатель-

ный, никак не ожидаешь такого звука от этих байбаков. При первом же знакомстве мы прониклись симпатией к потешным зверькам. Они оживляют и без того удивительный пейзаж уникального места, защищенного холмами от северных ветров. Поэтому, наверное, природа здесь, как нигде в округе, своеобразна. Растут дикие груши и яблони, а вишня и слива - как деревья - выше человеческого роста! Над всеми этими чудесами господствуют все те же бело-зеленые холмы.

Солнце садится, а мы все мечемся по берегу, заезжая в каждый симпатичный овражек в поисках уединенного местечка. Наконец отчаявшись, голодные как волки, остановились невдалеке от очередной калды. Зато в зарослях дикой розы, источающей неземной аромат, - заглушающий запах навоза. Из веточек шиповника и его цветков сварили чудесный чай - и сразу забыты все невзгоды. Нам хорошо. Глядим, как пастух и его умные собаки управляются со стадом, загоняя коров в калду. Пастух разжег костер, наверное, готовит ужин. Тихо шелестит волна. Ранним утром низкие свинцовые тучи укрыли все небо, и мы заспешили к асфальту. Незавидна наша участь, если на этих дорогах начнется дождь. Поговорили с парнем-пастухом. Он подтвердил, что деревья, которые мы приняли за дикие груши и яблони, - это действительно они и есть. Тут где-то в овраге растет превосходный сорт груши «бергамот». Почти в каждом овраге есть родничок. Парень показал нам, где бьет родник нашего оврага.

Пересекая гряды холмов, зачарованно поглядывая по сторонам, мы торопимся добраться до Шиловки. Сурки живут здесь большими семьями и благоденствуют. С приближением мотоцикла отцы семейств свистом загоняют малышей в норы. А старые «аксакалы» сидят до последней возможности.

Они уже не такие прыткие, как жирная, но подвижная молодежь. Возможно, любовь к жизни уже угасает в них, глуша чувство самосохранения, а может они настолько мудры, что адекватно оценивают степень опасности двухколесного зверя с двумя восторженными ротозеями.

Резкий поворот, подъем, - впереди Шиловка, пристань, асфальт! Прощайте, белые горы!

Так уж бывает, что усталость, дождь, ветер, зной и гнус часто отупляют путешественника, снижают остроту восприятия мира. Природа вообще неохотно открывает красоту, ее расположение надо заслужить. Но иногда она бывает неоправданно щедрой. Нам повезло, мы вытянули именно такой билетик...

ЭПИЛОГ

На фоне современной российской действительности все описанное смотрится детской «страшилкой», которую можно выслушать со снисходительной улыбкой взрослого, познавшего мир без прикрас, для которого мотоцикл - это двухколесное транспортное средство для перевозки пяти мешков картошки зараз. Да-да! Сами видали! И сами же нечто подобное не раз совершали, изуверски эксплуатируя своего «коня». Что делать, и нас используют круто...

Но мотоцикл может быть и средством для украшения жизни. Он способен самое убогое существование превратить в праздничную феерию! Даже неприятности, имеющие трагический характер, испытанные с ним, под ним, благодаря ему, - спустя какое-то время вспоминаются с улыбкой. Они придают нашей жизни остроту новизны. С высоты мотоциклетного седла - необычный ракурс видения мира.

Но где грань между преодолением и самоистреблением? Порой стихия борьбы затягивает. Бесконтрольное желание испытать себя, пощекотать нервы - игра увлекательная, но опасная. Этим азбучным истинам научили меня и нас наши неудавшиеся поездки.

Окончание следует.

Людмила ПЕРИКОВА

БОГОРОДИЦА ЛЕГКОЙ ПОСТУПЬЮ, НЕ КАСАЯСЬ ЗЕМЛИ, ПЛЫВЕТ...

Унеси меня ветер, В далёкие дали. Осени меня, Истина, Светом Грааля! Изумрудных скрижалей Гермесовых Мудрость, Дай забыть страсть земную, Гордыню и глупость Руки дай распахнуть Словно мощные крылья Обернуться заоблачной Высью, как пылью, Засмеяться, заплакать и снова смеяться -С озарённою далью не в силах **расст**аться!

В первозданном потоке Вселенной, Где гармония - суть естества, Наблюдаю единство пространства Растворяясь в пустотности я...

Там, где хаос лелеял надежду Поглотить окончательно свет, Черных мантий полощутся дыры, Нагнетая безумия бред... Но вселенная наша Праматерь В океане горящих святил Зажигает всё новые свечи, Не жалея космических сил.

Очнись, пожалуйста, очнись от зябкой суеты ПРОКЛЯТЬЯ. Взор устреми свой на Распятье И на Того, кто духом нищ. Не создавай себе кумира И время к чёрту пусть летит. Все прелести земного мира Отбрось! К ним страсть благоволит. Зло - немощной души обман сетями спутывает нервы. Обременительный, не первый зов страха в сердце не пускай. Гони распущенные слухи, как ветренные небылицы. Брось вызов пошлой суете -Погаснут маяки Денницы, а ты дерзай свободной птицей И мчись вперёд к своей мечте. Да будет так! Скорей очнись!

Алая гвоздика на снегу Огонь! Голыми руками пламени не тронь. Обожжёшься жаром, л**ихоро**дкой д**ней**. Сердие будет биться в пламени сильней. Лихор**одк**а муч**и**т, проклиная зря Знойн**ые** метели, ветры **фе**враля. Ломота в суставах призраком хандры -И напрасный саван вышит для Весны. Что молчишь, приятель, что стоишь вдали?

Дай воды напиться, руку протяни! Не боюсь метели, **з**нойный водопад, лишь бы прилетели ласточки в мой сад. Искрами пылает синий небосвод, Иней покрывает мой горячий рот. И слова несутся в пропасть пустоты. Смерть благоухает в жестах немоты. Судорогой сводит смертоносный яд: Чёрные метели, белый снегопад. **ГВОЗДИКО** Алая на снегу Огонь! Душу светозарную, ключница, не тронь! Ух**одите, в**ьюги ледяные, в ночь, Смерть зимою стылою прогоняю прочь! **Утро** тонкострунным сердцем пробудив, бл**аго**стными рунами выльется мотив, возрожденной зеленью, **арф**ами Весны, испариться зелье власти Сатаны. **И**стекает кровью в се**р**дце сладкий мёд. Я с постели встану, Баробан мой бьёт! Сарафан достану сполохом Весны -Пу**с**ть напрасный саван расстворяют сны.

Голову украсит праздничный венок. Пусть сковала стужа алый огонёк, Пусть метели кружат, Но растопит лёд алая гвоздика на снегу Огоны! Солнцеликий Всадник, Белокрылый Коны!

В какое лихолетье мы живем! И время мучает сознание стократно. Феерией несбывшихся надежд Уходят дни, уходят безвозвратно... А жизнь - спектакль бездарный для невежд... Пусть болью вспыхнет раскаленное пространство И громом выплеснется через край небес! Живительной слезою дождь прольется, Прорвав слои меланхолических завес. Молитва будет чудом из чудес! Я верю, что воспрянет вновь из пепла, Предвосхищая солнечный восход, Заветный феникс - исстрадавшийся народ, Улыбкой, как надеждой озарится Печальный лик <u>Бо.</u> уставший от невзгод!..

Апокалипсис... Разрушение... Испытание проходит страна... Да, монахиням из Дивеево несравненная сила дана! В храме духом Любви наполненны, Все иконы творят чудеса. Серафимом Саровским окропленны, Здесь традиции монастыря. Над обителью голубь белый -Дух Святой - Утешитель взлетел! Душу русскую, православную сохранить в испытаньи велел. Богородица легкой поступью, не касаясь земли, плывет, В дивный плат обернув Русь Великую, как младенца в руках несет...

Ян АНДЕРСОН

Ян Андерсон - поэт, музыкант, философ. Лидер фолк-группы «Джетро Талл» (Шотландия). Один из самых ярких продолжателей народных шотландских традиций в литературе и музыке последних десятилетий.

МЕНЕСТРЕЛЬ В ГАЛЕРЕЕ*

В полной старинных и странных видений Шел Манестрель Галереей Былого. Взгляда скользящего лучик - и снова Тени в улыбках. Улыбки и тени. Все то же безвременье старых и брошенных, Из космоса их наблюдай иль из пропасти, Бормочущих что-то. Он шел, как подкошенный, И песню запел о любви и жестокости.

Он ждал проявлений... И вот: он, сияющий, Тыкв поедатель во время Хэллоуина, Статично-подвижный, тюрьмою воняющий. Он бьет подсудимых - израненных воинов...

Вот свеженький, будто росинка на розе Палящего зноя завода обманщиков. (Здесь каждый, хоть карлик в шарфе волосатом, Как надо и в срок получает зарплату).

Вот он же, но, Боже! Мужчина развязный, Крутой. Возбужденный. С пылающим брюхом. Ручонками лезет туда, где старухи... Но... это ни петь, ни писать не показано.

А вот Миролюбец в зеркальном тумане В подгузник спускает страдания ваши... Мычащий младенец - ведущий в экране - Король новостей, недокушавший каши. (Похож он, крути - не крути, на одно: Зажравшийся босс похоронных бюро).

И все так, как надо, ни бурь, ни авралов, С воскресною почтой прибудет газетка С игрою в трик-трак-терапией скандалов Семейных и прочих... Ну, хватит! Достало! …Покинул Поэт эту комнату смеха, Крошил это зеркало пальцами грязными. И только далекое горное эхо Шептало: Ты в нем, в нем они… неразлучны и связны…

ПЕСНИ ЛЕСА

А послушай-ка песни лесные, мой брат, Ты почувствуешь лучше себя, чем всегда, Я тебе покажу прорастающий сад. Ты стряхни пыль с носка своего сапога.

Не спеши, оставайся. Мы хором споем, Я такой же простой, честный парень, как ты. Я тебя познакомлю с любовью полей. Маки с розами, полные летних дождей

Исцелят твои раны больших городов
И прогонят химеры отчаянья снов
Пусть грозят они снова и снова
В переулках любви... Что не ново.
Жизнь здесь - праздник без края, сомневаться не смей!
Тост и выпивка, что интересней?
Опрокинут и галльярд, и лютня все песни
В охлажденный (каким же он должен быть?) эль.

Так давай же отпразднуем встречу, мой брат! Крикни: «Хайл!»** ветру, бьющему в парус!.. Что с тобой? Ты, я вижу, как будто не рад?.. Что за глупость: «А сколько осталось?»

Сколько есть у певца еще кухонной прозы? Рифм, проточенных в мозге изгибами змей?.. Можешь злиться, но только весенние грозы Песен леса помогут, ты станешь светлей.

Перевод с английского.

^{*} Галерея - в данном случае - комната смеха на сельской ярмарке.

Елизавета ПАРФЕНОВА МАМУ С ПРАЗДНИКОМ ПОЗДРАВИМ...

Тише, тише, Васька спит И усами шевелит. Снится, снится ему сон, Будто мышку ловит он. Во сне лапкою трясет, Тихо песенку поет. Тише, тише, тише, коту Ваське снятся мыши.

Васька в доме мышь поймал. С мышкой целый час играл. Мышка плакала, рыдала, Но от Васьки убежала.

Я на день Восьмого Марта Разбужу пораньше брата. Мы с братишкою вдвоем Все в квартире приберем. Пусть поспит подольше мама: Наша мамочка устала, Ну, а мы на стол накроем, Вкусный завтрак приготовим. А еще цветы поставим - Маму с праздником поздравим!

...

А мой папа лучше всех: Любит шутки, любит смех. Мне кроватку починил, К зиме валенки подшил. Помогает всегда маме, Он купает меня в ванне. Все умеет папа мой. Вот хороший он какой.

* * *

Мама платье мне купила, В нем пошла купаться. Его в речке утопила, Боюсь возвращаться. Что-то мама скажет? Она меня накажет.

В Черемшане я купалась И лягушки испугалась. В камышах она сидела, На одну меня глядела. Я сказала:
- Уходи, На меня так не гляди! Головой она кивнула, И скорей в реку нырнула.

Муха в комнате летала, К паученку в сеть попала. Хоть я с нею не дружил, -Все равно освободил.

А я мальчик маленький, Чуть повыше валенка. Чтобы в школу мне пойти, Надо сильно подрасти.

Я в саду гуляла, яблоки рвала. ...Самое красивое сорока отняла!

Антология одной публикации в «Черемшане»

Леонид АРТАМОНОВ

ПИСЬМО ЖЕНЩИНЕ

Как назвать тебя, не знаю. В том и нет греха за мной. Но за все тебе, родная, Низкий мой поклон земной.

Ты красна в любой одежде. Да, поверь, не хмуря бровь, Ты живешь всегда в надежде -Встретить счастье и любовь

Наш очаг семейный греет Лишь огонь души твоей. День и ночь любовью веет Образ твой в душе моей.

Если ты грустишь порою, Тихо, кротко, как дитя, Чую сердцем я - не скрою, Лишь от скромности житья.

Я сравнил тебя с звездою, Той, что светится, как ты: Ты в семью несешь с собою Свет и радость, как цветы.

Я сравню тебя с мимозой. Ты же клад бесценный мой! Пусть цветут тебе все розы, Всюду, летом и зимой.

Но поэт нигде не сыщет Лучших слов тебя назвать: Нет на свете чище, выше Слова «Женщина» И -«Мать»

Александра ШЕВЧЕНКО

ЧЕРЕМУХА

Что призадумалась, черемуха, О чем тоскуешь на ветру? Стоишь печальная и черная У дома -стражем на посту. Лишь воробьишек стайка шумная Тревожит часто твой покой. А на дворе погода хмурая И прелого листа настой... Ты не печалься, это временно, Еще придет твой звездный час! Когда пьяняще и уверенно Хмельной волной закружишь нас. Когда наденешь платье белое Веселой, песенной порой, Жемчужное, что море пенное, -Вновь залюбуюсь я тобой. А вечерком весенним, радостным Ко мне в окошко постучишь И ароматом нежным, сладостным Мой дом и сердце напоишь.

Осень отыграла половину.
Ветер разошелся, не шутя:
То качает алую рябину,
То шумит, осины теребя.
Тонкие исчезли паутинки,
Что цеплялись за руки, лицо.
Изменились осени картинки Бабье лето рыжее ушло.
Позади осталось бабье лето,
Раздается только плач дождя.
Спезы льются днем и ночью - это
Навевает грусть, лишает сна.

Эмма ТЕРЕНТЬЕВА

ПОСВЯЩЕНИЕ ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ

Каждым нервом он пел, Каждым нервом кричал, А из сердца по капле Кровь источал... Боль Земли, боль людей, Дружбы боль и любви -Нес в душе он своей, В песни нес он свои. И, мелькнувший короткий, Отпущенный век -Выпел песенно-хлестко Он - мудрец-человек. И, обнявши гитару,-Подругу свою, Он промолвил устало: «Постою на краю...» Будто ведал и знал, Будто чуял душой, Что сгорает запал, Словно порох сухой. И последние искры, Сверкнув, упадут. Но к нему поклониться Потомки придут.

Валентин МАНОХИН

ПОРА

«Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить...» Ф.Тютчев.

Опять ждем лучших перемен, Как в засуху дождей, Спешим затягивать ремень Под басенки вождей... Спокон веков привыкли ждать, Как в той стране чудес, Где - вот настанет благодать, Опустится с небес... И клянчим деньги у господ Заморских государств, А свой пустеет огород, Хоть в недрах столь богатств! Умом Россию не понять: Улит был кровью путь, -Ан нет, трубим - назад опять, До Сталина б вернуть... И вновь - даешь эксперимент! Так быстро все забыть? Прошло еще две тыщи лет -Пора б как людям жить... Пора мерилом сделать труд И уважать народ. Тогда нас все везде поймут И будет путь - вперед!

Литературный альманах (Тольятти)

АЛЬТЕРНАТИВА

Специальный выпуск в Димитровграде

Наши города нельзя даже назвать побратимами, ибо сама история давно уже сделала нас «родственниками». Сначала был Ставрополь-на-Волге, а за ним, на волжском притоке Черемшане, возник и наш Мелекесс. Многие пути, многие судьбы, многие родственные связи скрепляли нас в наших двух небольших приволжских городках...

Административно, как старший брат, Ставрополь-на-Волге до июня 1918 года всегда был нашей малой столицей - уездным городом. Но в кровавые времена гражданской войны, ког да Ставрополь-на-Волге был освобожден войсками Народной армии Комуча от большевистской заразы, те же большевики, предводимые Куйбышевым и Подвойским, отступив в посад Мелекесс, организовали здесь и новую малую столицу уезда, которая на долгие годы так и осталась новым административным центром в Причеремшанье.

Наш Мелекесс в годы неу держной индустриализации страны, когда в Жигулевске и Ставрополе-на-Волге возводивись гигантские промышленные производства, велась отсыпка в русле великой русской реки и поднималась стена плотины, перегораживая воды, - принял многие семьи ставропольцев, а наши земляки помогали переносить старинный волжский город на новое место поселения, впоследствии названное Тольятти...

А когда возник вазовский автогигант, а в Мелекессе - наш ДААЗ, мы «автопороднились» теперь уже с Тольятти в очередной раз.

Сегодня мы опять же обращаемся к своим «родственникам» - писателям Тольятти, чье слово, мысли, произведения очень близки димитровградцам, ибо мы дети одной самарско-поволжской семьи. При тольяттинском КИЦ «Альтериатива» несколько лет активно работает Литературная гостиная, в которой собраны лучшие писательские силы этого города. Просветитель и подвижник гостиной - Николай Тараканков давно вынашивает мечту выпускать свой литературный альманах, но это требует как определенных затрат, так и особого, разумного понимания властями духовного возрождения Роф сии силами провинции...

По-родственному, понимая нужды тольяттинцев и войдя о ними во свреобразное литературное содружество, Димитровградское писательское отделение приняло решение предоставлять страницы журнала «Черемшан» коллегам из Толлиятти, знакомить наших читателей с творчеством «родствении-KOB».

...Хотя бы до той поры, пока альманах «Альтернатива» 🚻 е сможет выйти в самостоятельное плавание. А мы не сможем 84 сказать им: «В добрый путь!»,

3HAKOMbTECb: T

The state of the s

исательская организация, которая действует в Тольятти, состоит из более полусотни местных литераторов. А одна группа объединилась на базе Культурно-информационного центра «Альтернатива», руководит которым Николай Тараканков. Собравшиеся под этим «крылом» литераторы не только издают здесь своикниги, но открыли свой сайт в Интернете: «Toline».

Сегодня четыре поэта из гостиной «Альтернативы» перед нами.

О них проще сказать, что их различает. Если Александру Степанову присуща мягкая лиричность, то Валентин Рябов более всего ироничен, у Аллы Залаты «поднебесная философия», а Юрий Оболонков уже знаком димитровградским читателям.

У первого издано шесть поэтических сборников, второй готовит к изданию третью книгу стихов. Несколько книг вышло у Залаты. В качестве издателя

давно активно работает Оболонков.

Степанов по первой профессии - педагог, по второй - журналист, работает в городской газете «Площадь Свободы», носит звание «Заслуженный работных культуры Российской Федерации».

А Валентин Рябов, так сказать, технарь - он доктор экономических наук и возглавляет химико-тех-

нологический колледж.

Алла Залата плодотворно работает и как бизнесмей, и как поэтесса. Юрий Оболонков также совмещает бизнес с руководством фестивально-концертным центром.

И все-таки объединяет их многое. Они или выходцы из крестьянской среды, или первостроители Тольятти, или в прошлом работники ВАЗа. А главное все страстно увлечены поэзией.

Александр СТЕПАНОВ

...а во дворе трава качалась. Права качали мужики -Им до сих пор ещё казалось. Земле вредят меньшевики. Земля подсохшая осела И серым сделался массив Настало, в общем, время сева, Да нету сверху директив. И намекнул нескладный конюх (Не лгал ни разу на веку!), Что не туда, слыхал он, клонит Один товарищ наверху. А поздно ночью, как за вором, И так же крадучись, как вор, В село приехал «черные ворон» И подрулил на конный двор. А утром долго ждали кони, Когда наступит водопой, Хлестали гривами о колья, Тревожно ржали вперебой...

Я не верю в золото молчанья... Да и есть ли, вообще, оно?! Драгоценным качеством звучанья В мире нашем всё наделено. Всё звучит - то весело, то трубно, Серебром ли, медью - всё звенит... Горячится небо: Солнца - рупор, Ясным днём взлетевшее в зени Не молчат задумчивые горы -На слова по-старчески скупы, Мудрые заводят разговоры, Вспоминая что-то, морщат лбы, Лес гудит - могучие аккорды. Добрые лес. О, как высок и прям! Вечно юный, неизменно гордый, Он грозит сорвавшимся ветрамя К морю, к морю - широко и вольно

На свиданье катится река, Светлых слов серебряные волны В дар ему несёт издалека.

Кто придумал, что безмолвны рыбы?!

Кто сказал - обижены судьбой?! Даже рыбы, извлекая скрипы, Нарушают голубой покой. ...Не ищите золото молчанья -И тревожа нас и веселя, По орбите вечного звучанья Гулким гонгом катится Земля.

Мы все себя находим в математике: Живую многогранность уважая, Строги к её законам и внимательны -Спагаем,

делим,

множим,

вычитаем...

Счастливый миг дробим с друзьями верными -К полученному частному прилежны. А поделясь мечтами сокровенными, Мы возвышаем в степени надежды. Упорно извлекаем корни истины. Слепых сомнений скобки раскрываем. Не ждём ответов - ищем их неистово, На полпути себя не обрываем. Решаем жизнь. Идём путём намеченным. Но иногда, не уяснив задачу, Размениваем важное на мелочи, А принимаем это за удачу. Но иногда на стадии решающей, Предавшись в плен коварному успеху, Мы отнимаем радость у товарища, Мы прибавляем горе человеку. Но иногда, забыв об осторожности, Не наведя в решениях порядка И не оценив своих возможностей, Дробимся в нуль, дробимся без остатка... Решаю жизнь. Раздумчиво внимателен. Придерживаясь формул и советов, Я сам ищу в нелёгкой математике Как можно больше правильных ответов.

Лидии Ивановне Тарасовой...

Вслед уходящей женщине гляжу, Я с ней в одном работаю в отделе. И что я в ней нашел на самом деле?! И что со мной? -Ума не приложу... Живу, как прежде: Хмурый, по утрам Спешу к автобусу я... И не успеваю. Иду пешком -Как в кадрах проплывает Мой скучный профиль Вдоль оконных рам. Шагаю. Говорю. Смеюсь. Лежу. Что мне грозит Внезапным оборотом?! Вслед уходящей Женщине гляжу. Пока не скрылась там. За поворотом...

1968 г., г Отрадный.

ПРОШЛОЙ ОСЕНЬЮ

Светлане...

3

В осеннем лесу, преисполненном грусти, У самых подножий берёз и осин С тобой собирали мы белые грузди, Клали на донышки наших корзин. Неба водица - пить, не напиться - Тихо струилась меж тонких ветвей, И трепатала испуганной птицей Синяя жулка на шее твоей...

ОСИНКИ. 58-ой...

И солнце ласково касалось Волос и глаз, и губ твоих, И платье легкое плескалось, К ногам стекая с плеч худых. Что говорил, я сам не знаю, И до сих пор не вспомню я, Но только помню: неземная, Ты не могла понять меня.

Я только помню платья лепет, Тепло прильнувшего к ногам... Тебя, моя царевна-лебедь, Из этой сказки не отдам.

Блуждает сон по твоему лицу... Тревожно вздрогнут, изогнутся брови... Что видишь ты? В каком ещё лесу в глухой ночи, растерянная бродишь? Но вдруг румянец полыхнёт в щеках бессильную. тебя прекрасный витязь выносит из чащобы на руках, а витязь тот соседский мальчик Витя. «Не надо, - говоришь, теперь сама, сама...» Вот улыбнулась. На губах - истома. На стёклах - иней. Во дворе - зима. В степи - метель. К утру прохладно дома. Согрелся чайник, на плите сипя. Мне - на работу. Так вот ежедневно: всё мучаюсь да как же я тебя одну оставлю, спящую царевну?!

Что может быть надежнее и проще просящего о помощи «ау»?! Моя родная заблудилась в роще, Когда роса упала на траву. Деревьев гомон становился глуше, Когда над рощей колдовала ночь.

Мир сгладил тени, выходы обрушил, Кто мог, скажите, женщине помочь?! Мир сгладил тени выходы запутал. Но вот я слышу долгое «Ау-у-у». А вдруг она когда-нибудь забудет не позовет, хоть рядом с ней живу...

OHA

Пока любим, я, кажется, живу. Но посудите, как мне жить придется, Когда ее «Родная» позову -Она не вздрогнет И не обернется?!

ГЛУБИНЫ

Не воркованьем голубиным, Не ярким росплеском красы -Людей к себе влекут глубины В невыносимые часы. Когда беда грозой находит, Когда тревожит и гнетет, То человек не к мелководью -К речному омуту идет. Беседа катится немая. А синий омут в тишине Беду чужую понимает И, разделяя, принимает, Как будто топит в глубине. Туман, прибрежных **кру**ч касаясь, Легко всплывает над водой, -Все, что бедою показалось, Теперь не **кож**ется б**едо**й. От этих бед куда мне деться, Когда идут они, грозя?! ...Родн**ая! Дай м**не наглядеться В твои глубокие глаза.

НЕФТЕГОРСК

Рему Вяхиреву...
В степи за Волгою неброско
Его дома собрались горсткой.
Вокруг - полей домашний холст,
Вокруг - дороги вперехлест.

Здесь бродят краски буревые -Степь неохватна и светла, И громыхают буровые -Грядущего колокола.

ОРЕНБУРГСКАЯ ОСЕНЬ

Он только что вернулся с испытания ядерной установки и, слегка захмелев, повторял: «Жить хочу... Я хочу жить...»

Незатейливо, не бурно И таинственно, как миф, Входит осень Оренбурга В непреклонный этот мир. Убаюканное хлебом, Отбеленное жарой Занавесилось все небо Туч тяжелой бахромой. Лишь порой тепло, но жутко В небе высветит заря, Словно в памяти бесшумно Вспыхнет ядерный заряд. Жить хочу! Светло и крупно -Каждый день и каждый миг... Входит осень Оренбурга В неспокойный этот мир... 20 октября 1983г., поезд Ташкент-Москва.

Гроза... На улице - гроза...
В ней и решимость, и тревога...
Мужчина прятал светлые глаза Он ждал прощенья, стоя у порога...
Он думал, можно всё прощать Утраты, огорченья, спезы.
С промокшего его плаща
Дождинки падали, как слезы.
И он ушёл, прощенья не найдя.
Ушла гроза - всю злобу растеряла,
И женщина спеды дождя
Ладонью долго-долго растирала...

На промышленном здании на самой верхотуре кто-то огромными буквами намалевал: «ЛАРИСА,Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!»

«Мне нужен сон глубокого наплива, Мне нужен ритм высокой частоты...» Владимир Луговской.

Да чья же вознеслась душа На уровень шестого этажа И вскрикнула, нескладная, трубя: «ЛАРИСА,Я ЛКОБЛЮ ТЕБЯ!»?.. По физике тупого кирпича Влепила оплеухой сгоряча, Хмельного откровенья пригубя: «ЛАРИСА,Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» Ни голову, ни сердца не сломив, В такую высь взметнула древний миф. Решила спор, возможно, меж тремя: «ЛАРИСА,Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» Ужели не видал того прораб?! А, увидав, грозил, в коленках слаб, Бездельнику - лишить его рубля... «ЛАРИСА,Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» Другой бы свесил нежности соплю: «Лариса, я тебя люблю...» А этот, словно вырубил, хрипя: «ЛАРИСА.Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» Единственная в тысячах ларис, Поймёшь ли, не проявишь ли каприз; Увидишь **л**и, как в зеркале, себя: «ЛАРИ**СА,Я** ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» Куда же ты торопишься, народ, Сжимая в озобоченности рот?! Вот божеская правда бытия: «ЛАРИСА,Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» Странтель, депутат, поэт и вор, Боган и нищий, зэк и прокурор -Все-все мы в этом с головы до пят: «ЛАРИСА,Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» Как нас ни принуждали мыслить без «Да здравствует ЦК КПСС!», Мы всё же ощетинились, глупя: «ЛАРИСА,Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯІ». Давно ль меня райкомовская блядь Учила, как любовью управлять?! А я орал на всех углах, грубя: «СВЕТЛАНА,Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯІ»

Пусть Бог мне дал не много красоты, Пусть я боюсь весь век свой высоты. Я вновь рифмую, страхи притупя: «СВЕТЛАНА,Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!»

КАЗАНЬ - СКАЗАНЬЕ

Александру Пичужкину...

В Казани - утренний вокзал С настороженными глазами... Ну, здравствуй, старая Казань -Черноволосое сказанье! Еще седые Жигули Стоят в моих глазах влюбленных -Их вытесняет новый лик. В вагоне плачущий ребенок, Малыш проснулся, зазвенел -Как будто солнышка полоска... Вагон проснулся, занемел... Мать не найдет ребенку соску... Да что же делает она?! Новорожденный день погубит! Но соска - прочь, и луч-струна Звенит опять и сердце будит... Малыш суется невпопад, Он мать и сердит, и щекочет. И у нее смущенный взгляд -Она груди давать не хочет... Решилась... Как ее корить За этот вид простой и мудрый?! Решилась мать-земля кормить Проголодавшееся утро... ...В Казани выйду - разберусь, В чём жизни смысл. И дам названье: То нараспев - «Родная Русь»... То взбормочу -«Казань-сказанье...»

РАБОТА

Владимиру Шикунову...

Женщина мнет саман, Дерзкая, как обман. Ходит по кругу бодро, Руки в крутые бедра, Юбка выше колен, Груди не терпят плен. Взглянет прохожий некто, Скажет обидное что-то, А женщине просто некогда, Просто она - Работа 1961 г., с. Большая Черниговка.

Светлой памяти В.Т. За деревней Кинель-речонка, За деревней густа трава, Ожидает меня не девчонка -Ожидает меня вдова. Под ногами шуршит осока, Одиноко поёт сверчок. Мы встречаемся с ней у стога, Потому что в избе -внучок... Ветерок с речки веет слабый, И меня, от тоски, поди, -Несвятая крестьянская баба К материнской кладёт груди... Спал к ногам полушалок старый -Мнём до свету на нем траву... Мне бы звать ее «тетей Варей» -Я «Варюхой-горюхой» зову... На холодные груди речонки Телом пламенным я ложусь -Застыдилась заря-девчонка... И пусть...

ПОДРАЖАНИЕ ЕВГЕНИЮ ВИНОКУРОВУ

Хочу я знать: добро ли, худо ли Все, что в душе своей ношу. То подражаю чьей-то удали, То чью-то речь произношу. Бывает, сам того не ведая, Чужих привычек хлам коплю. Дурным советом слепо следую. Жену по-книжному люблю. Мой друг с похвальным прилежанием Порой пытался убедить, Что угрожают подражания Меня в бесцветность превратить. Я опасенья эти взвешивал, И было истиной самой:, Ни разу друг меня не смешивал Ни с кем И никого - со мной...

1965 г., г. Джамбул.

КОГДА-НИБУДЬ

Сестре Лидии Монаховой...

Он спросит
- Как живешь?
Она ответит:
- Да ничего...
И весь их разговор...
А кто-то в той холодности
Заметит,
Что он любил
И любит до сих пор...

ВИКТОРУ БОКОВУ...

Начитаешься Бокова, Загрустится о том, Что поехать неплохо бы В свой родительский дом. А в том доме покуда, Что ни встреча, то чудо, Что ни шаг до крылечка - Золотое колечко. Золотое кольцо - Дорогое лицо... Молвит бабушка Леса: - Вишь ты, ведрому быть... Осуши горьки спезы, Виктор Фёдорович... 1969г., г. Отрадный.

НИКОЛАЮ МИЛОВУ...

Опять постигло невезенье...
Пришёл домой - грызёт тоска...
В соседней комнате - веселье,
А стенка смежная тонка.
Должно быть, у соседей гости...
Вот пляшут - слышу каблуки.
Как в косяки вбивают гвозди Удары весело легки.
Потом поют, и песни нижут,
Как бусы - за строкой строку.
...Как хорошо, что не услышат
Мою короткую тоску!

БОРИСУ СИРОТИНУ...

Наша память - это берега
Той реки, что пронеслась, минула...
Истекает год - моя река;
Капля в ней - последняя минута...
Новый проявляется родник,
Ищет неизведанное русло...
Бейся, ток счастливых дней моих,
Разливайся радостно и грустно.
Собирайся в море-океан
И волной своей вздымайся крепкой...
Я одним желаньем обуян.
Чтоб не оказаться в жизни щепкой...

БЕРЕЗОВЫЙ СКАЗ

Не до ягод было, не до белок, Что резвились в молодом лесу -Три девчонки в сарафанах белых Собирали на лугу росу. В ожерелья снизывали росы, В жилах кровь металась, горяча... Увидали парни три березы В сарафанах белых у ручья...

КОВРИЖКИНА ЖЕНА

(Рассказ шофера попутчику)

- У Коврижки Сергея Такая жена!... Рассказать - нету спов, Кто собою такая: Раз увидел, и ахнул - Ну прямо княжна! И коса золотая На плечи стекает.... Доводилось потом Обменяться словцом - Говорю и, поверишь ли, Сбиться рискую. Пригляделся тайком: Конопата лицом -

Успокоился с виду, А сердцем тоскую... ...На работу не ходит -Дома хлебы печёт, Да такие духмяные -Потчевай друга! От нее и Сереге На деревне почет, А такой же, как все, Как и я, шоферюга. Я с Коврижкой-то этим Вишь, по школе родня. Был он смирным, а я... Никому не давал я потачки. Он, бывало, диктанты Слизывал у меня, Ну а я у него На контрольных - задачки. Нас развел военком: Я попал на Байкал, А Ковригин в ракетных Служил на Урале... Подтянулся он круто -Прямо есть генерал. А с собой приволок Эту рыжую кралю. От нее одурел И напарник Егор -Говорит: - Как взгляну, Всё внутри так и тает... Бабы только о ней И ведут разговор, Да туда ж и моя пресвят**а**я... Всё о ней, да о ней... Надоело! Ко псам! Но как вспомню её, Всё равно, как отрава... - Поманить, говоришь?.. Попытался бы сам! А детишки куда? Их у рыжей - орава! Из-за этой чумы Налетел на прокол: Размечтался о ней -Проскочил на запретный...

И, поверишь, читаю Штрафной протокол, А сам вижу платок её, Синий, приметный... Как бы мне от того Не рехнуться в уме... Уж моя подмечает: - Чтой-то больно рассеян... Пропечатай-ка в книжке Ты о рыжей чуме... Из меня-то, как видишь, Не важнецкий Есенин...

Ольге Егоровой...
Поднимаются реки,
Опускаются руки,
И душа умирает
От любви и тоски,
Разрывается сердце
От близкой разлуки На куски!

14.11.99г., дорога из Услады вТольятти.

Валентин РЯБОВ

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Безвременной смертью Шрамы на сердце Нам оставляют друзья. Нельзя же так делать, нельзя! Закон бутерброда, Бог и природа Выдумали для людей. Земпей, друг, отныне владей.

СТАРАЯ ДОРОГА

По Сызранской дороге Пленённых фашистов вели. Печалился месяц двурогий, А дикие вишни цвели. Усталые красноармейцы Жевали паёк на ходу, Молчали голодные немцы, А ветер играл в чехарду. В ночной тишине напряжённой Окопный послышался мат... И немец свалился сражённый, Вишнёвый глотнув аромат. На западе в это же время Доившая фрау козу Сломала вдруг ветку сирени, Смахнувши с ресницы слезу.

БЫВШИЙ

Бывший начальник пенсионер В малых расходах поднаторел. Ходит в обносках, но дорогих: Пенсия ныне как у других. Вытертый бобрик, ветхий бостон. В плешинах шапка старый мутон. Лоска и шика, гонора нет, Он же не барин, не баронет. Если не лысый длинноволос, Стричься в салоне, ну, не пришлось. Каждый день бриться, тоже - не грош, А для старухи всякий хорош.

ВОСПОМИНАНИЕ

Что сказать мне про отца Друга школьного, вдовца? Как газеты не читал, На диване не лежал, **Ради**о не **слуша**л, Сладости не кушал, Телевизор не смотрел, Да и каши мало ел. Как молился на лампаду . И р**абота**л до упаду, А курил махорку злую, Дым пуская, как Везувий. Щеголял зимой в бушлате, Спать ложился на полатях. Лезвия с стакане правил, Водку пил без всяких правил -Сколько, где и с кем попало. Это в память мне запало, A вот всё хорошее· Занесло порошею.

ПРОСЁЛОК

Попылили мои ноги По просёлочной дороге Вдоль пшеницы золотой, Колосистой, налитой. Васильки синьковые, Вмятости альковые. Верещат кузнечики Про «златы колечики». Вьётся жаворонок в небе И поёт о новом хлебе, Удивляясь с высоты На ковёрные цветы -Радужные, рдяные, Пряные, медвяные; На узоры чудные, Травы изумрудные. Пчёлы, бабочки и мухи Ползают в цветках на брюхе, Собирая божий дар -Аромат, пыльцу, нектар. Бабочки пугливые, Пчёлы хлопотливые: В общем насекомые. Частью незнакомые.

Показались у опушки Деревенские избушки. Там мелькнули у плетня Тени инопланетян, Или кошки местные - Скромницы известные. Солнышко закатное Крыши жжёт двухскатные.

ИЗЖОГА

Отчего изжога вдруг Докучает мне, мой друг? Съел всего-то пирожок, Со сметаной творожок, Небольшое блюдо щей, Сковородочку лещей, Расстегай с ботвиньей, Студень с холодильни, Кулебяку, пшенник, Курник да лапшевник.

МЕТЕЛЬ

Снежной королеве в платье подвенечном Подарил Морозец белого коня. Мчится конь метельный степью бесконечной. Мчит меня дорога, бубенцом звеня. Намело сугробы вдоль лесной щетины, Небу лечь на землю не даёт пурга. За стеклом мелькают зимние картины; Выпил бы я пива, съел бы пирога.

ЦВЕТЫ

Глаза раскрывшихся бутонов Слезятся каплями росы. Не видно ран, не слышно стонов В букетах срезанной красы. За деньги не бывают живы Скотина, люди, а цветы Не только режут для наживы, А чаще ради красоты. Как странно: люди их лелеют, Чуть что, от горести ревут. От запаха и цвета млеют И тут же режут, как траву. По мне, так лучше жить на поле Об**ы**чным полевым цветком, Чем радоваться дачной доле И кончить уличным лотком.

ПОЖАР

Я встал сегодня рано, Душа мне говорит: «Попей воды из крана - Твоя душа горит!» Душе не потакая, Мужик не молодой, Сказал: «Болезнь такая Не лечится водой».

В стакан налив «перцовку», Чтоб нос ей утереть, Ошпарил я плутовку, Чтоб не горела впредь.

РЕВЕРСИВНОЕ СЕРДЦЕ

Реверсивное сердце То смеётся, то плачет. У него же две дверцы, Разве можно иначе? Ходят радость и горе По сердцам без доклада -Радость драпает вскоре, Горе просит оклада. Были настежь все двери У соседей в квартире -Стали дикие звери Писать в ихнем сортире. Я недавно в подъезде Дверь железную вставил, Если буду в отъезде -Не стучите мне в ставни.

ЮБИЛЕЙ

Элипсная дата -Пятьдесят пять лет: Д**ал**ьше от квадрата, А от круга - нет. Летом я на даче, Зелено кругом. Пьяницы судачат, Лавка за углом. Спряталась за баню Сводница-луна. Нынче я гужбаню , Рюмочка полна. Кваканье лягушек, Комариный ор Ублажают душу, Как цыганский хор. Посмотрел в окошко -Шесть часов утра. Лижет лапу кошка, Завтракать пора. Солнце парит спину, Пот течет с бровей. Выполю малину -Буду здоровей.

ОБИДА

Меня обидели, горько обидели. Я думал - любили, они ж - ненавидели. Словно по лицу рукой ударили: Ну, не сволочи ли, не твари ли...

РОССИЯ

Велика Россия-мать: Ей ума не занимать! Понастроить бы дорог И - масонов за порог!

ГЛЮКИ И БЗИКИ

Мы с приятелем вчера наклюкались, Померещились нам бзики с глюками: Будто я лежу с его матанею, Ну, а он живет с моею Манею. А проснулись вдруг, соблюдя режим, То увидели - вчетвером лежим.

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ

Он мне кореш и кирюха, Брат, друган и корефан -**Ми**ром мазанный Андрюха, Преподобный Феофан. Он из новых обновленцев, Ли**бе**ралов-лизунов, Шаркунов, приспособленцев, Натуральных пацанов. Он из бывших комсомольцев, Активистов-вожаков, Молокан, народовольцев, Староверских кержаков. По-славянски и «по фене» В храме может ворожить, А без женщин и портвейна Дня не может он прожить.

НА ДАЧЕ

Я люблю свой домик дачный, Получился он удачный. Ночью квакают лягушки Непристойные частушки. Лают на луну собаки -Мушкетёры, забияки. Умирают под окошком От любви коты и кошки. Комары пищат над ухом Диско-шоу-нескладуху. Утром - гиканье пастушье, Кукареканье петушье. Днём поют другие птицы: Дятлы, зяблики, синицы. По субботам, после бани, Хорошо поют славяне. Где поют, там спи спокойно, Кто поёт - народ достойный.

СЕСТРЫ

Злость и обида кровные сестры Точат о нервы ножичек острый, К сердцу приставить нож норовят. Раны на сердце саднят и кровят. Если не злиться, не обижаться, Если свалили, сразу отжаться -Сколько же силы надо иметь, Сердце упрятав в красную медь. Часто обида ранит глубоко. «Зубы за зубик, очи за око», -Злость предлагает правую месть. Мы же спасаем, якобы, честь!

ЯБЛОНЬКА

Яблонька. осинка, Бусинка, росинка. Прелести и формы Выше всякой нормы. Бархатистый ronoc, *Белоснежный* валос, Карих гл**аз** Пучина -Вот вами причина, Чтоб в **любв**и признаться Этой даме, братцы. Ну, а куда *деваться?* Буду признаваться!

СУДЬБА

Мотылек в ночной тиши На свидание спешил -У любовного костра Срок тусовки до утра. Вылез в люди червячок -Бодрячок, здоровячок. Мимо прыгал воробей И склевал его, злодей. В гости к щуке окунек Заглянул на огонек, Но отмерил ему рок На гостины малый срок. Положил однажды глаз На акулу водолаз, А она, открывши рот, Перекрыла кислород. Встретил «Волгу» как-то раз На углу знакомый «КрАЗ». Был недолгим разговор -Спать ушли в соседний двор.

КОРАБЛИ

Тебя давно по-чёрному люблю, И в мыслях не могу с тобой расстаться. Ты мне нужна, что гавань кораблю, И я к тебе причалю, может статься. Ну, а пока мы разный держим курс В житейном бурном океане-море. Меня не ждёшь, и как же я вернусь? **У** нас свои и радости, и горе. **Ве**дём свои мы в жизни корабли И в каждом хватит места пассажирам, У моего заклинило рули -Выходит, в кон цыганка ворожила. Не повернёт безжизненный штурвал Обросшую ракушками махину. Я так хотел успеть на карнавал, Теперь последним палубу покину.

Алла ЗАЛАТА

В мой дом повадились в ночи две черных птицы -Скорби и печали. Терзают дух мой эти палачи и ночи, словно дни, пустыми стали... И душу рвет на части мне тоска СВОИМИ ЗАСКОРУЗЛЫМИ КОГТЯМИ... И кружат над страной не облака, а эти птицы с черными крылами. То коршуны, то вороны кружат и с каждым кругом опускаются все ниже. Бегу от них куда-то наугад и в этот миг себя я ненавижу. Чего я жду? Так призрачно и жутко... Пож**а**луй, и не нужен мне ответ -Спасает мысль, что в черном промежутке Печаль и Скорбь в стихох оставят след.

ЖАР-ПТИЦА

Любовь не теряют, она превращается в птицу дрожащий комочек в холодном гнезде, ей впору упасть и о землю разбиться, но сердце ее на далекой звезде оно в ясном небе ГОВИТ И ИСКРИТСЯ... Н**а** М**ле**чном пути лунезарном крыльце, священным обрядом Любовь обручится ведь суть не в кольце, не в церковном венце... Заденет крылом на рассвете Жар-птица, вмиг вспыхнет душа семицветным лучом, отпустишь из теплых ладоней синицу... И улетишь... В небеса... Журавлем.

ЗЕРКАЛО

Охватывает внутренняя дрожь, когда на встречу сам к себе идешь. Затягивают зеркала глубины они мгновенной жизни властелины. Ты в Зазеркалье... Кажется: один, но там открыта выставка картин там длится бесконечный вернисаж, клубится заколдованный мираж. Там прошлое тускней день ото дня, грядущее мелькает, вдаль маня, туда давно прорублено окно, но заглянуть в него не всем дано... Загадочно сверкает, суть тая, зеркальная поверхность бытия... Двойник мой опускает грустный взгляд... Мы в фокусе... Дороги нет назад...

Я к зеркалу невольно подхожу и пристально в глаза себе гляжу, спрошу: «Кто я?..» Безмолвствует оно... Искать ответ самой мне суждено.

Себе я строила тюрьму, В мозолях руки онемели. Запру ее, с собой возьму Тах мыслей зерна, что созрели. Возьму я посох и суму, свои опору и пожитки, - доверюсь сердцу своему и захвачу перо и свитки. И душу выпущу из тьмы, не выронив суму и посох... Но тень незыблемой тюрьмы тьмой отразится в ранних росах.

Средь вольных степей, близ Азовского моря. впервые ворвался на Землю мой крик... Жила, до шестнадцати, с Ангелом споря дух Аллы или Анны на Землю проник. Я - Алла, кружилась по пляшущим лужам, по льдинам плывущим скользила шутя, я - Анна, грустила, предчувствуя стужи, в себя уходила - печали дитя. Беспечное детство вприпрыжку бежало, двумя именами судьбу искушало... Я мир постигала и истин начало в таинственном коде имен осознала: что имя от Бога - в нем суть человека, что Алла уйдет, не оставив следа, а Анну по вехам жестокого века ведет испытаний, потерь череда... Под куполом древней Руси окрестили. Я - Анна. Я - благо во все времена. Мне крест одиночества Боги вручили. Я - Анна. Мне Вечность судьбою дана.

Юрий ОБОЛОНКОВ

ЖЕНЩИНА

Белого пуха веселый полет, Белые кудри и платье вразлет. Белое облако, как одуванчик, Юная женщина мальчика нянчит. Край мой бескрайний, костер голубой, Голуби, голуби над головой! Вьется дорога и ласточка в поле. Женщина ждет мальчугана из школы. Тополь, как щеголь, глядит на бульвар. Листья у тополя, как календарь. Ветер листву, как страницы, листает, Женщина сына в дорогу сбирает. Осень догнал у рябины декабрь. Солнце опутала снежная марь. Нет белой мгле черной ночью конца. Женщина с проседью ждет письмеца.

СТРАННАЯ ЛЮБОВЬ

И эта странная любовь -Семь телефонных цифр в наборе -Без горьких и прощальных слов Умчалась в ночь в таксомоторе.

И это терпкое вино Тобой оставлено в стакане. И нам обоим все равно, Чья правда выпита в обмане.

И нам обоим наплевать На кодекс чувств и на потери. Когда мы встретимся опять, Закроем добродушно двери.

И эту странную любовь Мы вспомним в суете движенья -Как бы фрагмент забытых снов, Как бы абзац стихотворенья. ***

Осенний дождь плывет над городком. Он пристает от скуки к горожанам -Не только к трезвым, но и в меру пьяным, И нет желанья шляться под дождем.

Осенний ветер залезает под плащи. Осенний ветер бьет в ладоши листьям И воронье гоняет в небе мглистом. Он весь иголками-дождинками прошит.

И лампочку не гасишь даже днем. Но солнца луч прорвется сквозь блокаду Туч бесконечных, а душа уж рада, И тянет прогуляться под дождем.

Запутавшись в текущем дне Как птица в бесконечных тучах, Я рад капели и весне -Поре природы наилучшей.

И в ледоход, когда круша, Река торопится на волю, Моя славянская душа Рванет в башкирское раздолье.

Там кони ходят без седла, Там влажный ветер в грудь сочится, Там одинока и светла Моя звезда в зенит стремится.

Но даже там я сам с собой Не нахожу подчас согласья. Какие тучи над судьбой! Какие пропасти под счастьем...

Сон, безнадежность, душевная лень, Чахлого тополя тощая тень, Школа, бараки, безлюдный базар, Тусклое солнце, фабричная гарь. Пыльный плакат из застойных времен, Бюст Ильича у парадных колонн. Садик. Собака. «Москвич» и гараж - Средней России типичный пейзаж. Речка, где лилии и голавли,

Роща, где ночью поют соловьи, Где осыпаются молча листы На неказистые с виду кресты. Может, за святость родных мне могил Я этот край всей душой полюбил? Ведь и за этот глухой уголок Жизнь в сорок первом отдал паренек. Этих поселков и городков, Белых берез и неярких цветов, Этих проселков и рыжих полей Нет бесприютней и нету родней.

КОРНИ И КРОНЫ

Как корни деревьев, сплелись наши судьбы, И соком одним нас питает земля. Любимые лица, любимые люди, Нам жить друг без друга на свете нельзя. Разлука основ нашей дружбы не тронет, Нам выпало счастье друг друга любить. Как переплетенные корни и кроны, Нельзя наши судьбы разъединить.

Привет,

кого давно не видел, соскучиться успел. Привет, кого предал, обидел,

кого предал, обидел, кого не захотел...

Молчат,

насупились, забыли, не надо ворошить. Молчат

фигурками из пыли, из междометий нить.

Прощай,

слетают мысли с шляпы, как листья, в грязь. Прощай, и тополь тянет лапу,

и тополь тянет лапу, и тянет лапу вяз. Позабудь навсегда и навеки... Все же вспомни, всхлипни, встрепенись...[‡] Мы грешили, но мы - человеки. Сверху Бог, снизу Ад - это жизнь.

BECEHHEE

Я поставил веточку в бутылку, жду, когда появятся ростки. Я любил тебя не очень пылко и за это, милая, прости.

Ты меня простишь, я это знаю. И опять ночами до зари я тебя не пылко лобызаю, и за это, милая, прости.

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Ÿ

Не насилуя, не убивая, не досадуя и не любя, я вспугнул журавлиную стаю и увидел нагую тебя. Ты стояла у края обрыва. Образ твой меня остановил. Хотя шел я за воблой и пивом, но тебя в тот же миг полюбил.

Описать это просто и трудно. Вечер крался к тебе, сизокрыл. Я увидел раскосые груди и с волненьем слюну проглотил.

Ты молчала, а спезы катились по колючей заросшей щеке. Комары тучей в небе роились, и курился туман по реке.

Она сумрачно мне улыбнулась, и я понял, что это любовь. Интуиция не обманула - я повел ее в лес через ров.

В шалаше мы уютно и мило проводили беспечные дни.

Наше счастье, как солнце светилось, хоть рождались девчонки одни.

Я таскал ей напитки и пищу. Жизнь катилась легка и проста. Это было лет, может быть, с тыщу до рожденья Исуса Христа.

Белые голуби, красные розы, зелень травы и сиреневый пруд. Это стихи. Что касается прозы: белая немочь, житейская жуть.

YTP:O

Какое сегодня утро!
Нежное, как девушка с любимым, светлое, как твои волосы, чистое, как первый поцелуй.
И даже ворона на антенне соседнего дома своим гнусавым «кар» не может разрушить его очарованья. Я стою на балконе, и двор в сизоватой утренней дымке похож на прозрачный пруд, в котором отразилась вся моя непутевая жизнь.

ПЯ**ТК**А

В желтой прохладной тени пятки твоей песчаной вдруг соловьем зазвенит нота лесного молчанья...

Пятка зарылась в песок. Бабочкой платье мелькнуло. Шмелем мохнатым в висок мчит сладострастная пуля.

МУЗЫКА

Минорный ряд багровых роз остался там, где ночь и горе. И звук бежит, как стайка коз копытца звонкие мажора.

Мажор-минор, минор-мажор, пожара жаркое дыханье, и поцелуй, и детский хор, и свеч, сердец благоуханье.

Налейте вина темно-синих озер, туманами трубку набейте. Пусть осень зажжет погребальный костер. Пусть ветер играет на флейте.

Я спушаю шелест осеннего дня и птиц за моря провожаю, и снова растут, как опята на пнях, стихи моего урожая.

Мы, споткнувшись, ушли сорок первом в мир травы, в ту иную страну, под которой лишь корни и черви, над которой лишь небо в дыму. А над нами мелькали стрекозы, мы смотрели со дна пустоты на алмазные блестки березы, на зеленые всплески листвы.

300ПАРК

Живи усатый таракан, я не убью тебя. Налита водочка в стакан, в кармане три рубля.

Живи веселая блоха. Резвись, меня любя. Я не убью тебя пока, я не убью себя.

Живи невзрачный красный клоп, клоповник свой любя. Я поцелую тебя в лоб, я обниму тебя. Чтоб обозреть всю эту тварь, к себе зову тебя. За вход в мой личный зоопарк взимаю три рубля.

ЛОВЕЛАС

В саду на скомейке пикантно и томно сидели в обнимку мы с девушкой Томой.

Потом пересел я с улыбочкой скромной к красавице Рае от девушки Томы.

А вечером в темном загадочном сквере беседовал нежно с прелестницей Верой.

Но мы не поладили. И я в досаде искал утешенья у Любы и Нади.

Но Надя прискучила к полночи мне, я с Любой остался наедине.

Любаша устала и спать захотела. Покинув ее я подался к Анжеле.

Анжела была в этот вечер не в духе. Пришлось постучаться к соседке Варюхе.

У Вари товар был конечно не тот, зато нос с горбинкой и чувственный рот.

Но Варя серьезно мечтает о сыне, - пришлось перебраться к волшебнице Нине.

Нинуля богата деньгами и бюстом, жаль только в головке уныло и пусто.

Под занавес ночи уединился я с Леной, и спадко вкусил и напился.

Но утро забрезжило в темном окне.
Пришлось постучаться к законной жене.

ПОЧТИ ПО-ВЫСОЦКОМУ

Куда там! Далеко еще до края! Моя натура выдалась такая, что ей хоть мир дари, все будет мало! Столб в землю вбит, а на столбу - мочало."

А что там позади? Леса да степи, где слабый ветер с каждым шагом крепнет. А ныне - лишь убогая квартира является мечтой и смыслом мира.

Какие лики и какие морды мечтали о кораллах и фиордах! Осталась в лучшем случае рыбалка... Ах, как мечталось, даже вспомнить жалко!

Любовь, как женщина, прошла куда-то мимо, женою став другого господина. Моей желанной госпожой не стала. Хотелось - много, получилось - мало.

А может это блажь и недовольство? Душа тесна, как в океане остров. Уплыть стараемся от собственного бденья, но не хватает ветру вдохновенья. Живой пират, какое это чудо! И блядь заморская, дешевая паскуда, Знакомы только по листкам газетным, но эта тема для меня запретна.

Кто запретил орангутанга на Гвинее мне встретить от восторга соловея? Хотя б слетать мне на Гвинею в отпуск, но не дают мне за границу пропуск.

Как надоели пошлые раздоры, пустые банки и пустые разговоры. Сожрут пусть лучше дикари, как Кука, чем сдохнуть от портвейна иль от скуки.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Я познакомился с актрисой: страстей и чувств девятый вал! Ей отослал тайком записку, где я свиданье назначал.

Не пролетело получаса, как обозначился ответ, в котором получил согласье о нашей встрече tet-a-tet.

И, сладкой негою согретый, купил я роз букет большой, но по привычке многолетней зашел поужинать домой.

Напрасно ждет меня певичка. Заменит приключений рой необоримая привычка делить постель с одной, Женой.

СУМЕРКИ

Готов прорваться был рассвет гноящимся нарывом. Сквозь сизый смог струился свет огней кулинарии.

И жидкий снег блестел у стен как жареное сало.
И - на запястье контур вен - деревья в парке спали.

Звучал собачий пустобрех под сумеречной чашей. А под ногами хлюпал снег иссиня-рыжей кашей.

И тушь стекала по лицу, мешоясь со спезами. Еще вчера вели к венцу, очнулась -Под венками.

И, убежав, брела дрожа, жалея, злясь и плача, ко рту уж винному прижав окоченевший пальчик.

Черные мысли в темноте маячат, как черные кошки бродят неспешно. Светлые мысли - глаза кошачыи, мерцают в темноте кромешной.

Ах, эти праздники по вторникам! В неповторимости затей, смешались с вечерами темными в калейдоскоп минувших дней.

Свободны в мироощущении, свободны в выборе подруг, мы под слова стихотворения фужеры замыкали в круг.

Во мгле, сиренево прокуренной, стоял веселый тарарам. То благодушно, то нахмуренно мы охмуряли наших дам.

И лучших дней, поверьте, стоили те дамы «голубых» кровей, и голубые глазки строили из-под изогнутых бровей.

И мы просили Их величества любви: Семь бед - один ответ! И ночь гасила электричество и зажигала звездный свет.

Июньские сумерки, поздние встречи... Как ночь коротка! И стройные ноги, и теплые свечи, и чья-то рука...

И чем непонятней, чем сладостней речи, тем глуше тоска... А утром лишь вздрогнут испуганно плечи: - До встречи. Пока.

ЧЕРНО-КРАСНЫЙ ЭТЮД

Черный фонарь на ветке красного дерева черным светом красную стену темнит. Черная ночь с красными длинными червями в черной земле красную тайну хранит.

Мне в сорок лет - давно пора забыть и вспомнить, что вчера последний белый школьный бал отбушевал, оттанцевал. Среди забот и болтовни мы коротаем наши дни: работа, дом, очаг, семья, вот это можно, то - нельзя! Условимся играть с тобой в нетерпеливость и покой, в крик тишины, в молчанье слов, в мою последнюю любовь к тебе (за смелость извини), в стихи, что в нас заключены, в улыбку милого лица, в любовь, которой нет конца. Условимся? И жизнь легка. как в детстве в небе облака...

МУЗА

Вчера меня почтила муза. Внесла сначала свое пузо, над ним, под лифом - дза орбуза. Ждет не дождется карапуза... За нею выводок детишек прекрасных дочек и сынишек. Сказала, голос сделав тише: - Ну что, поэт, сидишь как прыщик? В большом долгу ты у народа, зачаты, видно, в пьянстве оды, раз родились одни уроды? Готовься, примешь мои роды. Не быть тебе, поэт, к примеру, Шекспиром, Гете и Бодлером, Не быть Петраркой и Гомером, а быть хорошим акушером.

РУПЬ И ЧЕРВОНЕЦ

Словно мятый рупь бумажный я скитаюсь по стране. Не лежу червонцем важным в сундуке на самом дне.

И как рупь кому-то дорог, а другому - пшик, пустяк. Пусть не прост мой путь и долог, но я нужен. Это так.

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

Будет день, и будет пищо, будет ночь, и будешь ты. Тыщу способов отыщем, чтоб любить средь темноты.

Чтоб любить на сеновале, на диване и в стогу, чтоб любилось и в подвале, и на липе - на суку.

Загляну в родные очи, жилка дрогнет на щеке. С милой свет и темной ночью, с милой рай и в шалаше. Говорят не форма кормит содержаньем пищи сыт, но в своей любимой форме не забыть. И не забыт.

ОН все боялся не успеть.
ОН все боялся не взлететь.
В пересеченье не попасть.
Забрать не целое, а часть.
Найти не золото, а медь.
Свободу поменять на клеть.
Пойти не в козырную масть.
Не погулять на свете всласть.

Теперь запросы уж не те: Не раствориться в суете, Не позабыть, кого любил. Сберечь останки прежних сил. Сдать в стирку старое белье. Проделать то, а может, - сё. Вопрос стоит среди могил: Зачем ты жил и кем ты был?

Грубая сила животная, тихая робость в движении... Нежность, как фея, бесплотная, как ветерка дуновение.

Мальчики в море простынное будут бросаться без устали. Девочки лягут невестами, встанут на утро бабусями.

Жизнь сверху - булочка сдобная, годы несут огорчения. Акт сотворенья подобного - высшая форма движения.

Жизнь непонятна и сладостна чувств и явлений феерия. Вечны, безмолвны, загадочны Время. Пространство. Материя. Наш дом укутан в синий сумрак. По коридорам бродит утро. Из раковины по-пластунски ползет немытая посуда.

Открыта настежь дверь балкона. Пир отзвенел, грядет похмелье. Бокал вина, кусок батона напоминают о веселье.

В пустой коробке из-под яблок лежат ненужные подарки. Где горло драл веселый зяблик, возможно в полдень ворон каркнет.

Полночь на Кремлевской башне смачно бьет. По Москве-реке гуляет пьяный ледоход. За рекой Полташкин Ваня жутко пьет. Год уже в семью получку не несет.

Не доносит он получку, вот дела. До чего ж ты, водка, Ваню довела! Как улыбочка ванюшина была светла! ...А теперь лохмат и грязен, как метла.

А жена у Вани ходит уж шестым. Взял ее Ванюша в жены молодым. А теперь посмотришь в харю - «барададым»! Понимаем, умолкаем и молчим.

Серый промозглый вечер. Дождь по окну стекает. И воробьи на ветках, словно кусочки грязи. Грязные желтые листья. Грустные тусклые фразы. На подоконнике чисто. Водка стоит в стакане.

Тихо, в замедленном темпе, движутся кровь в сосудах, тучные тучи в небе и пешеходы по пужам. Ищешь чего-то в мыслях: деньги, подругу, мужа? На подоконнике чисто. Рядом стакан и блюдо.

В эту тоскливую пору хочется выпить водки. Хочется в грязных ботинках под белоснежную простынь, не сочинять песен, не задавать вопросов. На подоконнике чисто. В блюде лежит селедка. Вспомнятся школьные годы - методы проб и ошибок, Молодость в пьяном угаре, годы любви и желаний. Зрелость и сласть винограда, горечь разочарований. На подоконнике водка выпита. Съел я и рыбу...

Смотри, человек там в конце коридора стоит одиноко, как ждет приговора, как черная нота печального вальса, как будто преступник с надеждой расстался.

Смотри: он уходит, не оглянувшись, услышь его боль, растопырь свои уши. Он загнан, как лошадь, общественным мненьем. Узри его горе, имеющий зренье.

Смотри: он все дальше уходит отсюда. Дай Бог ему силы, дай Бог ему чуда! Пусть будет ему не кровава дорога. И кто бы он ни был, дай счастья немного.

> Синеглазая тоска повела на сторону. Златоглавая Москва, а над нею - вороны.

Путь извилисто скользит меж бутылок с пробками. Еще не было возни, - за углом пить стопками!

Свет ли, темень, все одно тучи ходят грозово. Край мой милый и родной свет души березовый.

Не жалейте прошлое, отправляясь в путь. Лживое и пошлое стоит зачеркнуть.

Если сердце доброе, пожалей кота. Даже между кобрами в почете доброта Если жизнь изломана, как сирень весной, и под маской клоуна смеется над тобой,

если в кущах райские яблоки плохи, - знать на ветках выросли горькие стихи.

СЕРЕБРЯНЫЙ КЛУБОК

Серебряный клубок. Серебряная нить над жизнью вьется тонкой паутинкой, и мы за ней бежим, как дети во всю прыть, по длинной и извилистой тропинке.

Минуты и года, как нити из клубка, сплетаются в узоры наших судеб. Дороги нить длинна, и пыль, над нёй клубясь, серебряным туманом виться будет.

Опутана душа. Серебряную вязь, разматывают нить серебряные бесы, а кончится клубок, душа, освободясь, рванется в золотое поднебесье.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Родноя женщина ворчит, корит, ругает. Случайных промахов и связей не прощает. А ночью, безмятежна и мудра, спокойно спит до самого утра.

Чужая женщина прощая, не злословит, его слова и взгляды жадно ловит. А ночью у кровати безответно - горит ее бессониц сигарета.

BETEP

Витает ветер над заборами и снами, спешит на случку с аппетитной тучкой над фабрикой, что кожей провоняла, над одинокой и безродной сучкой. И ветер вдаль уносит ворох ржавых листьев, обрывки умных или толстых диссертаций. Какой-то бывший член, больной и лысый, в нем слышит шквал обрушенных оваций.

А ветер рвет белье на голых ветках: трусы и светло-желтые рейтузы. Простуженная склочная соседка в нем слышит глас своей осипшей музы.

Она в столовой подает супы и кашу, как подавала ранее - надежды. А ветер рвет на клочья бытность нашу, срывая яркие, парадные одежды.

И ветер гонит прочь больную сучку, и наплевать ему на нашу серость быта. Он уже начал случку с белой тучкой и семя льет на землю деловито.

ТАРАКАНЫ

Не люблю я бесчинств и глумления, надругательств и зла не люблю, но когда я в плохом настроении тараканов наотмашь луплю.

А они на меня обижаются и скрываются в темной норе, но прощают и вновь возвращаются, лишь оставлю сухарь на столе.

Так и мы иногда замыкаемся от обид и бестактных речей, но отходим и как-то смягчаемся от улыбок и добрых вестей.

МОЛИТВА

Молюсь на тебя, о святая мадонна, Дай грешнику силу любви превозмочь! Что делать в разлуке несчастным влюбленным, Чем можешь, прекрасная, горю помочь?

Где прежний покой и души безмятежность? Пусты мои дни и не родует жизнь. И только печальная, грустная нежность бескрайно, как небо, на сердце лежит.

Мадонна, безмерно и горько страданье, и некому душу больную излить. Будь проклят навек тяжкий миг расставанья, ведь нам друг без друга на свете не жить.

Что делать, как жить, - научи меня, дева, смысл жизни потерян, надежда слаба... Ах, что же ты, Бог бессердечный, наделал, Кто сможет сказать утешенья слова?

Но ты не любила, безгрешная, верно? Что делать, как быть, ты не знаешь сама. Любовь, как песчинка, в пространстве безмерном. Схожу постепенно в разлуке с ума.

Разлука-мадонна, любовница злая. Святая, на мой слабый крик отзовись! И тихо ответ мне донесся: «Вселяет Надежду страдающим сила любви».

Любовь - это пропасть и снежные горы, любовь - это ласка несказанных слов. Как только исчезнут страданье и горе, то значит окончилась ваша любовь.

Молюсь на тебя, о святая мадонна, Дай грешнику силу любви превозмочь! Что делать в разлуке несчастн**ым влю**бленным, Чем можешь, прекрасная, горю помочь?

ДОРОГА

По зябкому снежному голому склону стекает дорога за край горизонта. И я с ней стекаю, как капля в воронку, хоть нету охоты и нету резона.

И нет ни огня, ни столба верстового. Назад обернусь - тоже пусто, уныло. И нет перекрестка - прямая дорога от края до края мне путь начертила.

Лишь вьются вороны, гундосят картаво. Клочками трава из-под льда вылезает. Не сунуться влево, не прыгнуть направо, дорога прямую стезю соблюдает. Иду к горизонту по чертову склону, но он не становится дальше иль ближе. И нету мне церкви, креста и иконы - дорога немым языком ноги лижет.

Дорога ведет, как конвой по этапу. Себя утешаю: осталось немного. Дорогу не купишь, не дашь ей на «лапу». Устал я, дорога, - но нету иного.

Эта осень гравкой пряной распласталась по поляне. Эта осень девкой пьяной развалилась на диване.

Эта осень желтым глазом, словно кошка, не моргая, смотрит хризантемой в вазе, ветерком хмельным зевая.

Эта осень - пониманье простоты очарованья, с близким другом расставанье: взмах руки и - До свиданья.

Мелодия ночная, как бабочка, порхает. Не знаю, что случилось, стряслась беда какая? Ленивый лист устало на облако ложится. Как бабочка на свечке душа испепелится.

БАЛКА

Балка упала и в луже валяется, как человек, опустившийся донельзя. - Как низко пала, - одни опечалились, -Другие на балку мочились из принципа.

Балку на прежнее место поставили, Даже начальство приехало главное, Но только это, поверьте, не главное. ГЛАВНОЕ в том, что это - НЕ ГЛАВНОЕ. В черном провале ночи, там, где живут желанья, С адово-красной кошкой, с черной змеей в груди, Желтый фонарик легкий, полный очарованья, Манит меня, маяча, как лепесток, впереди.

Желтый фонарик розы - маленький лепесточек, как путеводный символ - вздохом на вздох ответ, Богом открытый в розе, плавающий огонечек, Плачущий клоун в цирке - это слезинки свет.

БОТИНОК

Грязная грядка и грубый ботинок, ввязнувший в сор лепестков и тычинок. Все преходящее движется мимо, где твой порог,

гуталина корзина?

Славно пинал ты бродягу и бомжа, Бил и уродовал пьяницу тоже. Гнусно насиловал туфельку в поле, Вспомни, больной, о душившей их боли!

Стоптанный жизнью, изломанный в пятке, Бедный ботинок рыдает на грядке и вспоминает былое невольно - жить было сладко, быть брошенным - больно.

БЛИН

٤, ١

Блин мерзопакостный, блин отсыревший, блин - шизофреник, в психушке осевший, что, блин, задумался, знаешь чего? Блин отвечает:
- Я блин, о-го-го! Я знаю много, но не впопад, и в моей психике полный разлад.

Ах, стихи мои, стихи, вы в полынной горечи. Ах, шаги ее легки, а глазищи - сволочьи.

Может снится что-то мне или что привиделось: Лик святой в ее в окне, Рожи, может, идолов? Мне б покоя или хоть чего-нибудь домашнего. Проплывает старый плот мимо счастья нашего.

Беспощадна и легка жизнь рекою движется. Не дописана пока моей жизни книжица.

День сиреневый цветет, вечер к лесу тянется, а от жизни пух, налет на земле останется.

Эх, Сережа, серый ты Ceperal Была у нас с тобой одна дорога, а теперь путь на два развалился, ты не до ручки, до руки допился. С какого хрена ты не топал мимо. зачем обидел ночью гражданина, зачем рука ему очки сломала? Теперь ты в КПЗ - и шансов мало. Что за слюнтяй, кабан такой попался? Хотя б ударил раз, а то б и отмахался. Как бык, которого ведут на бойню, его ногами быот, а он мычит довольный. А все из-за него? Двадцатый век проклятый, все строек громадье, все «жигули», «фиаты», А надо отдохнуть - культурная программа, и мордобитие, и вот такая драма. Все стресс, бег, крик, и химия в придачу, но химию судья пошлет, а не на дачу. Все эти НЛО, душа страдать устала. Уже двенадиать бьет, ты, верно, спишь на нарах?

Стояли дни веселого загула, летел пушок с июльских тополей, а я работал от прогула до прогула, и ежедневно спышалось: «Налей!»

И утро каждое -еще на небе месяц трусцой бежал к заветному ларьку, где пиво дринькал с корешами вместе и заглушал похмельную тоску. Потом с друзьями собирал копейки, копейки - живо плавились в рубли, и снова божий глас гремел: «Налей-ка! Замри душа, и грусть свою уйми».

Откуда-то бралась еще бутылка, потом еще, и даже не одна... И кильку в рот руками, а не вилкой я отправлял. И влагу пил до дна.

Страдая от похмелья и рыгая, я вермут пил, «синюху» и т.п. Теперь не пью, но все-таки страдаю, от трезвости страдаю. В ЛТП.

СЛУЧАЙ

Свеч полутени и дым сигареты соединили тебя и меня. Случай нежданный и розы в букете впишут в историю жизни тебя. Взорванный мир, мрак, пронзенный лучиной, капля, упавшая в жадный песок, к дубу прижавшая грозди рябина, и... непредвиденный счастья глоток.

ХОЧЕТСЯ

Хочется писать стихи, пока легкие легки, жизнь пока, как легкий ялик, пляж... мельканье алых маек...

Хочется бродить по свету, из весны идти по лету, как подснежники беспечно собирать улыбки встречных.

Хочется в парную, в баню, лист березовый пристанет к телу, к розовой спине к жаром пышущей стене.

Хочется любви и ласки, заглянуть в родные глазки, слушать сердцем голос милой в тишине амурокрылой. Хочется детей и внуков: чтоб ко мне тянули руки, чтоб в кроватке сын качался, чтобы путь мой не кончался.

Хочется так много сделать, как нам Родина велела. Чтобы добрыми делами на земле оставить память!

Я завидую вечно поддатым ханыгам.
Для них жизнь пронесется единственным, сладостным мигом.
А с утра похмелиться - чудесное из наслаждений.
Пусть ругают ханыгу, ханыгам дано откровенье:
Им открылись окраины райского сада,
Где вся жизнь сквозь вино, а работать не надо.
Как у бога за пазухой в мире наземном живется.
Пей с похмелья вино, пока горькое с радостью пьется.
Что есть жизнь? Пух, летящий с обломанной вербы.
Если не было б нас, вряд ли мир оскудел бы.

Бледный сумрак. Перекресток прошлогодних телеграмм: мне бы счастья хоть с наперсток, мне любви бы миллиграмм.

По утрам боюсь проснуться: с кем опять горю в аду? Взять и снова разогнуться вишней белою в саду.

Облетели вишен перья, спадких ягод нет и нет, только голые деревья машут ветками в ответ.

Только гроздьями мужчины в окна пальцами стучат. Вспоминает ветвь рябины свой осенний листопад.

Перекресток дымных улиц, «Мальборо», «Казбек» и «Ту». Без улик влетевши пулей выбираю: ту иль ту.

Выбираю майский улей, отвергаю яблонь цвет. Вопрошаю в винном гуле: - Ты пойдешь со мной иль нет?

В джинсах, фирменной рубахе повернулась ты анфас.
- Ни к чему нам вздохи-ахи, я готова хоть сейчас...

И стоит, откинув челку, (слой помады на губах) деревенская девчонка с сигаретою в зубах.

Родители меня учили строго. Кнута и пряника жива метода. Но до обидного впитал немного я знаний от родительского слова.

Мои друзья - мошенники и плуты, мои подруги - проститутки и калеки. Но их люблю до гробовой минуты, когда замрут навеки мои веки.

Они ведут неверный образ жизни, а иногда и лечатся в больнице. Но есть у них один хороший признак: они просты, как дети и как птицы.

Пусть я зарос щетиной и от водки опух, что мать родная не узнает. Но вы прислушайтесь: из кадыка и глатки глаголет матом «простота святая».

Наверное, мечтали раньше эти мадамы в кайфе, пьяные мужчины, что имена их напечатают в газете и не под рубрикой «Не проходите мимо».

Бывает, не везет и все тут, - баста. Бывает, в чем-то крупно провинился. И наступает череда несчастий: напился раз, потом другой напился... И понеслась по кочкам жизнь шальная, и сквозь вино летят года впустую. И если их никто не понимает, - то я скорблю, любя и протестуя.

ABIYCT

Август лету финиш чертит млечным соком темной ночью. Август, август - виночерпий, август счастье мне пророчит.

Август щедро плод подносит. Август - это время года, когда к лету жмется осень, как котенок в непогоду.

Август лету у вокзала тополями шлет поклоны. Август - это взмах прощальный лета с южного перрона.

Он плывет осенней тенью над лесами, городами. Август - чувств сердцебиенье перед словом «до свиданья».

УЖИН В ВЕНЕ

Маргарет Тетчер лясы точит с красавцем Адамом из Амстердама, а девочке-бабочке хочется очень в постельке послушать сердечко Адама.

Шахиня-гусыня кивает налево наследному принцу из Суринама и произносит восточно-напевно: - На Вас изумительнейшая панама.

А гость из Америки ей отвечает:
- Я рад, что в порядке у Вас все сегодня.
Вы нюхали розы? Вы выпили чая?
Полили две грядки на огороде?

А Никсон, что Ричард, играет в «бамако» с шанхайским торговцем бамбуком и мылом, им не мешает тянуться, однако, под юбку к соседке с улыбкою милой.

Он потной рукой пожимает коленку и выше ползет по ноге волосатой. Вот-вот доберется до лакомых «пенок», что скрыты под платьем принцессы носатой.

Принцесса косится на Ричарда глазом то правым, то левым, хрипит и трясется, и дрыгает, дрыгает в сторону тазом и прямо о бок императора трется.

Жена императора смотрит на это и думает: «Боже, вот старая шлюха, сама пострашнее любого скелета, а водит плечами и двигает брюхом».

А сам император, багровый и тучный, толчков старой дурочки не замечает. Сейчас он глотает бекасов поштучно, о собачатине втайне мечтая.

Оркестр скрипачей и альтистов играет о сказках волшебного венского леса. У клумбы, дошедший в остротах до края, с японками шутит какой-то повеса.

А бедные девочки что-то лепечут, острот и намерений не понимая, и, улыбаясь учтиво, за плечи друг друга обняв, ловеласу внимают.

Повеса, мечтающий уединиться с какой-то из женщин в укромное место, то на одну, то другую девицу глядит как на блядь, то как на невесту.

Повсюду шампанское в тонких бокалах разносят лакеи в зеленых ливреях, а рядом красотка, играя овалом пониже спины, завлекает еврея.

Еврей из израильских крупных магнатов глядит в зад, как кролик завороженный, а женщина из куртизанок- «пиратов» на плату рассчитывает из миллионов.

...В качалке сидит человек одиноко, и, кажется, дремлет, а может мечтает, однако его неподвижное око все видит, все знает и все замечает.

ОБЛАКО

Белое облако с горной вершины спускалось, к морю тянулось оно к голубому. Ты уходила. Вершина в закате купалась. Ты потянулась... К мужчине другому.

Как просто взять и полюбить, как трудно быть все время рядом, и музыкальным звукорядом в душе любимой вечно жить.

Как бесконечно далеко ночные звезды друг от друга, как встретить друга нелегко, а в десять раз трудней подругу.

Любой ничтожнейший пустяк разъединит случайно встречу и, все заветное калеча, опустит пониманья стяг.

Ведь было счастье, а затем мы позабыли это чудо, и ради принципов и схем закончили битьем посуды.

И опечален и растерян смотрю я уходящим вслед. Мне жаль весны, которой нет, Любви, которой спед потерян.

АЭРОПОРТ

Волнуется в порту народ. В буфете гам и толчея. Опять закрыт аэропорт, Видать, Творцу не до меня.

Мой рейс до самого утра задержан кем-то в небесах, а мне домой давно пора, жена, наверное, в слезах.

Огни на взлетной полосе обманчиво удач сулят. Куда ты, новый Одиссей, Нектар из странствий - сподкий яд. Махнул рукой, курю «Пегас». О, дискомфорт и непокой. Они опять при мне сейчас, как чемоданы под рукой.

Но оторвал от суши зад мой долгожданный самолет. Лечу к семье, домой, назад. А, может быть, опять вперед?

Как заведенная игрушка, танцую танец роковой. Избушка, старая подружка, куриной топает ногой.

Принцесса спит, хоть пуд гороха ей под перину положи...
Острят над нею скоморохи,
И корчат рожи ей пажи.

Огни шопеновского вальса как звезды тают в облаках, и трогают клавиатуру пальцы, и звуки плещутся в стихах.

Жизнь мне в окно пускает стрелы и вызывает на войну! И, как перчатку в знак дуэли, я утром штору подниму.

Там, где в доме светло и нарядно, Льется на пол вода из-под крана. В доме, где отчего-то неладно, Плачет дама в платок на диване.

Может быть, бросил муж иль любовник, Может, трешку в метро потеряла, Может, просто ей грустно и томно, Может, мяса она не достала.

Или зависти черная птица Неожиданно в дом залетела, Иль в духовке обуглилась пицца, Или все ей осточертело. Но никто не узнает об этом. Эти слезы неведомой драмы Пусть останутся вечным секретом Одинокой и плачущей дамы.

ВИШНИ И КРОЛИКИ

Режут в сарае маленьких кроликов. Винные вишни невинны и сладостны. Красные вишни, как капельки крови. Глазки у кролика чудны и радостны.

Капли на ветках засохнут коростою. Круглые рожи сожмутся гримасами, Если на ужин им вишню не подали. Вишен и кроликов, маленьких кроликов.

Сколько еще будет вишен и кроликов, Капелек красных, бордовых и розовых! Скоро осыплются красные вишенки. Скоро ударят морозы трескучие.

Будут еще у крольчих дети глупые. Будут капуста, морковка и яблоки. Только у мертвого красного кролика Больше не будет уже ничегошеньки.

Вот предснежником черным ноябрь распустился, Гложет белую кость декабря одичавший лесок. Корабли со среды не отходят от пирса. Тусклым глазом покойника в утро сереет восток.

Я стою на ветру, словно перст одинокий, Ветер шалые мысли сбивает в осенний коктейль. И дождинками кружатся буквы и строки, И стучатся мне в лоб, как в закрытую дверь.

Как мишени, на лоб ветер листья налепит. Жизнь стреляет по ним. Улыбаясь в платок, То кривляется глупо, как клоун нелепа, То прекрасна, как этот ноябрьский цветок.

BFCHA

Весной так много глупых морд сияют словно луны. И белый бог, и черный черт насмешливы и юны.

Линяет шкура у козла, меняет еж прическу, и девочка, как стрекоза, порхает над березкой.

. Сползают с крыши ледники. Петух игрив и важен, и сушат рыбы плавники на отмелях и пляжах.

Гнездо вьет дятел на сучке носатый Буратино. И уплывает по реке на юг зима на льдине.

БРЕВНО

Плывет по реке одиноко бревно.
Куда и откуда? - Бревну все равно.
Плывет и плывет без причины и цели.
То мчит по стремнине, то сядет на мели.
Бесстрастно бревно, и плывет равнодушно.
На теле его поселились ракушки.
Живет под корою поганая нечисть.
Бревну все «до фени» - не хуже, не легче.
Не чувствуя боли, не зная печали,
Бревно по теченью реки проплывает.
Покрытое скользкой, вонючею слизью,
Довольно умершее дерево - жизнью.

ХАНДРА

У меня хандра, у меня беда. У порога мать тихо крестится. Жизнь застыла как в полынье вода и кисейный гроб мне мерещится.

Крест нательный жжет кожу у соска, Освещает край ширмы вечности. Ах, бездомная, свечная тоска, Ты невеста мне подвенечная. Я ушел от дел, от друзей и лег в тот кисейный гроб, что в углу стоит. С головой накрыт саваном дорог, рядом не свеча - крест Христа горит.

Ты появилась средь корзин мадонной с квасом. Пустел притихший магазин и закрывался. Я прокричал из-за конфет и карамели, что мы не виделись сто лет и две недели. Обоим было все равно и с миной милой сказала, - что уже давно про все забыла. Ты говорила: «Не плошай, тебя ждет слава». Подспудно думая: «Прощай и сгинь, отрава». А я смотрел в проем витрин, на колокольни не ощущая ни вины, ни зла, ни боли.

POMAHC BECHE

Я написал романс весне.
Весна ступала при луне
по клумбам голой ножкой.
Трава лежала на спине.
И муха плавала в вине,
влюбленная немножко.

У цирка пели соловьи. В траве сновали муравьи. В кустах любились пары. Ночь истекала от любви с березы капелькой воды и соловьям внимала.

Чернели грядки, как гробы. Болтали ножками грибы и дергались букашки. В столе беспечны и глупы, почувствовав толчки грозы, чуть дребезжали чашки.

И светлячок тлел над столом, свет лунный разрезал углом полночный черный бархат. Разведчиком весны ползком туман просачивался в дом, влезая под рубаху.

Как альпинист, лез вверх балкон. Делился в атоме протон. Двоилась мысль' в затылке. Вдыхала грудь хмельной озон. Сворачивался небосклон в отверстие бутылки. Смычок ласкал виолончель и, увлекая на постель, ей обещал соблазны. Влюбляясь в золотой апрель, безвинно плакала капель, а отчего, не важно.

Наверно лезла неспроста из чрева дерева листва и перла к небу, перла. Чуть сладким запахом костра и испареньями листа во всю дышало горло.

Червь, словно пес, вилял хвостом. Столб телеграфный встал торчком, смущенный, пред канавой. Дела оставив на потом, весна бродила босяком по червякам и травам.

ВЕТРЕНЫЙ ДЕНЬ

Ветреный день и горяч, и смел, мнет на лугах цветы. В поле ромашек нырну, как в метель, тайну узнать красоты. Как необычен и очень знаком ветреный этот день. Ветер, поешь расскажи, о чем полночью дзень-дребедень.

Ветер кидает мне тайну в лицо пестрой охапкой снов. Ветер потягивает дрянь-винцо из дождевых облаков.

И я над книгой, потупив взор, не постигаю зла. Словно живые, с листа в упор смотрят в меня глаза.

BO CHE

Броская внешность, нет только короны. Присмотришься ближе - святая мадонна. К тебе подступиться - особая виза. А вечером просто глядишь в телевизор.

С утра провожаю, ступая поодаль, до самой конторы небесного свода. Сиренью расцвел книжный шкаф по весне. Живую мадонну я вижу во сне.

Июльский дождь втекал в окно из сада темного ночного, дышала ночь начальным сном невидимого неба золотого.

Я тихо подошел к реке из золотых волос и листьев, прозрачной, сладостной и чистой, журчавшей тихо по руке.

Гори огонь любви последней Холодной трепетной свечой. Куда повозка жизни едет Дорогой мглистой и ночной?

Уже казалось - снег засыпал, Уже казалось - лист завял, Но флюгер повернул со скрипом К началу всех моих начал. Театр трагедий и комедий поставил пьесу про любовь. О безнадежной и последней, Без декораций и без слов.

Когда уже лет тридцать минуло и не кружится голова, меня избранница покинула, сказав прощальные слова: -Дверь заперта, пути закончены. Хотя все ясно без того: пойду, поем горячих пончиков из сна и детства моего.

Будь что будет, а жизнь суеверна перед глупой людской простотой. И меня беззастенчиво стерва Обзывает: «Придурок такой». Я - придурок и это почетно, и придурком стать может не всяк потому, что скажу вам шепотно: - Да, при ДУРЕ, но все ж не ДУРАК.

Под вечер опустеют магазины, Прохладный бриз со стороны реки повеет. В глаза глядят усатые мужчины. Глаза пустеют, стекленеют и наглеют.

Пустая бочка из-под пива зеленеет Округлым пузом в закоулке у акаций. Кто не имел - возможно поимеет. Вот только что? Давайте целоваться!

От радости, что день в болото канул Вонючей жижи под названием «море». Бежит босая дама, полупьяна, По пьяной улице, к мужчине - выпить с горя.

Бредет по фиолетовым проулкам Печальный мальчик, не наевшийся досыта, И отдаются по дорогам гулко его шаги и дамы - «за пол-литра».

Привет тебе, беспечнейшее племя, Бредущих и плюющих в морду ночи. Как говорил поэт в иное время:
- Люблю, мол, но люблю тебя не очень.

Привет дома - суровы и надменны -Как человечек мелок, скуден, жалок. Идут, идут и пляшут перемены. Летят, летят и стонут стаи галок.

И так проходят годы за годами. Пивная бочка по проулкам колобродит. Тоскуют дамы и бегут за мужиками. Но как-то жаль, что ничего не происходит.

МАДОННА

Ах, ты, стерва золотая, ненаглядная моя. Как с иконы, не мигая, что так смотришь на меня?

Что задумалась, паскуда, ведь тебе - сам черт не брат. Ты - дитя ночного блуда, ресторанный бриллиант.

У тебя на шее крестик, а на пальце перстенек. Хочешь, мы сегодня вместе скоротаем вечерок?

А на завтра утром рвотным без печали и стыда выйдешь ты из подворотни и исчезнешь. Навсегда.

СКОРЫЙ ПОЕЗД

Скорый поезд нашей жизни, Остановка - пивной бар. Алкоголем встречу вспрыснем, Пиво в кружках как янтарь.

Этикетка на бутылке, За душою ни гроша И селедочка на вилке -До чего ж жизнь хороша! Скорый поезд, перелески, На пригорке, в тишине От души по банке треснем -Хорошо тебе и мне.

Благодать с друзьями вместе Пить вино и сердцем петь. И к березке, как к невесте, Прислонившись, забалдеть.

Ходят пьяненькие киски, валерьянку пьют из миски, не лакают молочко, смачно режутся в «очко».

Похмелившись валерьянкой, кошка встанет спозаранку и пойдет, поднявши хвост, промышлять мышей под мост.

Если близко нос собаки, значит, быть кровавой драке, но кошачий рай земной псы обходят стороной.

Каждый вечер на охоту киски бегают охотно. Острых, как кинжал, когтей берегись, друг воробей.

Если дует ветер с юга, киска повстречает друга и милуется потом с рыжим молодым котом.

Рыжий котик ее встретит, приласкает и приветит, и любовный визг и гам сладок кошкам и котам.

Так живут коты и кошки. И у них есть детки-крошки. И они, как люди, любят, Валерьянкой душу губят. ***

А в Индонезии жара стоит под сорок, И люди бегают в чем мама родила, А я страдаю от поноса и запора, И с похмелуги разболелась голова.

А в Индонезии мужчины спят под пальмой С красавицами знойными, как юг, А я не сплю - бессонница напала, А если сплю - один и не снимая брюк.

А в Индонезии пьют виски и коронный Коктейль из манго и Мартиники для дам. Я похмеляюсь по утрам одеколоном, А «Золотистое» глушу по вечерам.

А в Индонезии миллионеров куча. Не вкалывают гады не шиша. Я до Байкала весь Союз АСУчил, А получал, как безработный в США.

А в Индонезии жизнь, словно мятный пряник, Там поклоняются бананам и вину. А я хлобыстну пива возле бани И поднимать уеду рогом целину.

ПРИМЕТЫ

Билеты с наскока купили мы в кассе, бежим на перрон, скоро поезд отходит. Старуха везет инвалида в коляске. Давай, поплывем лучше на пароходе.

Давай поплывем! Мы на пристань приходим веселой гурьбой, с настроеньем прекрасным, и видим, что мимо оранжевых сходен старуха везет инвалида в коляске.

О господи! Снова примета дурная. Зачем инвалид и в коляске к тому же? Быть может, болезнь одолеет морская? Что может страшнее? Что может быть хуже?

Бежим поскорее, автобус отходит. Билет достаем, как жар-птицу из сказки и видим, что мимо киоска, напротив, старуха везет инвалида в коляске.

С приметами шутки шутить мы не будем, скорей в самолет и взлетаем. О, счастье! В иллюминатор взглянули - по тучке старуха везет инвалида в коляске.

Себя ущипнули. Вдруг грохот раздался, началась ужасная страшная тряска. Аэроплан развалился на части и мы в инвалидных очнулись колясках.

Мы в дом сумасшедших, наверно, попали, Какие гримасы судьбы, духов пляски! Посмотримся в зеркало: там в Зазеркалье старухи везут инвалидов в колясках.

УЖИН

Из сна интимности глаза ее пронзительно глядели. А может быть они меня хотели лишить невинности? И я сробел.

На стол заставленный наливками, закусками и пивом метнула взор и голосом блудливым сказала сдавлено: - Картофель пригорел.

Она придвинулась. «Сокровища» под кофточкой играли, как дети, что не ведают печали. И кровь отхлынула. Лицо, как мел.

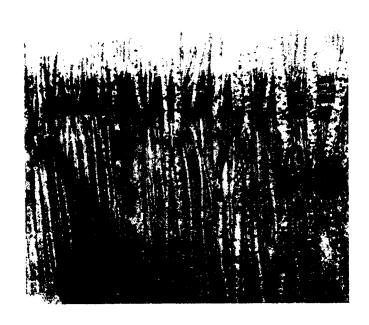
О, ужас, мамочка. Что делает со мной бесстыдница? И я хотел уже обидеться на эту самочку, но не сумел.

ЭРА МИЛОСЕРДИЯ

Пройдут поспедние года эпохи схорби. Прольется кровь безвинных жертв и монстров злобных. Но претерпевших за Любовь беда минует, И милосердие в душе восторжествует. И расцветет в сердцах людей розарий счастья, Надежд, казалось бы, давным-давно увядших. И воплотятся те мечты в высоком слоге Любви, которая живет в тебе и в Боге.

Мир не исчезнет, но изменит свою сущность, Где был ледник, там будет лес и сад цветущий. Не станет распрей и измен, обид и сплетен, И править миром будет Бог, который вечен.

И солнце новое взойдет, как светоч Бога, Злость и добро разъединят свои дороги. Мир справедливости сгорит чадящей свечкой, Бог милосердия свечу зажжет навечно.

Новая книга тольяттинца

«ИЩИ СВОЙ ДОМ...»

Дом -это я, это ты, Ласка, любовь и цветы. Дом мой пусть будет таким -Светлым, веселым, родным

Л.Соснов

Пусть будет таким дом каждого маленького человека. Дом, где ты можешь посидеть с друзьями, близкими или родными, отдохнуть душой. Дом-твой надежный оплот и тихая пристань.

Но для подростка, у которого нет родителей, все его детство и отрочество - сплошная трагедия. А если детство пришлось на то страшное время, в котором жили люди, «утомленные солнцем», если это детство, опаленное войной...

Десятилетний подросток-детдомовец Ромка - герой новой автобиографической книги Александра Лаврентьевича Соснова «Ищу свой дом». От его имени (от первого лица) идет повествование, в которое вложил автор мечты и надежды своих сверстников, взрослевших в те «сороковые роковые» не по возрасту, а в силу жизненных обстоятельств. Его глазами мы видим начало войны в зареве пожарищ, бомбежек, артобстрелов, мы видим беженцев, раненых, панику, горящие самолеты и поезда, ночное дымящееся небо, пересеченное сигнальными ракетами...

Мы видим, как чудом успел проскочить в лес поезд, увозивший детдомовцев. Их вагоны расстреляли почти в упор, а последний вагон загорелся...

Когда-то молодой Пушкин задавал себе вопрос, что такое война: «праздник мести», «слепая славы страсть», «жажда гибели» или «свирепый жар героев»? И то, и другое, и третье, - отвечает А.Соснов. Но еще слезы отчаяния мальчика-подростка, горечь непонимания, что же происходит? Где правда, где ложь?

Сквозь завесу памяти выплывает осенний Днепр, по которому стелется туман. По низкому левому берегу ползет огромная колонна фашистских танков. Гористый правый берег, оцепленный несколькими рядами колючей проволоки, с заминированным ограждением. Сюда должны совершить бросок тысячи почти безоружных наших солдат, брошенных под обоюдные ливни свинцового дождя - со стороны своих (заградотряды) и со стороны немцев. А с Днепра были убраны все плавсредства. Все. До последней доски.

Всей правды о той войне мы до сих пор еще не сказали. Не объяснили себе и миру, почему, несмотря на героизм и мужество армии, всего народа, потеряли убитыми в пять раз больше, чем противник. Тысяча четыреста восемнадцать дней... Миллионы непрожитых жизней.

Хочется сказать, в конце только одно: спасибо. Спасибо человеку, написавшему и подарившему нам книгу, которая, по словам учительницы, должна стать настольной книгой в каждой семье.

В преддверии юбилея Великой Победы во все филиалы Библиотеки Автограда в ближайшее время поступает новая книга Александра Соснова «Ищи свой дом». Ее нельзя читать без волнения. В ней - все еще неизвестная война.

Рассказ в конце номера

Геннадий ГЕНЕРАЛЕНКО ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК

 - Билли, Билли, - раздавалось в дачном поселке под славным городом Калининградом, здесь это имя не звучало странно и не вызывало излишних

эмоций у бабушек и участкового.

У калитки стоял бородатый мужчина, лет сорока, в джинсовой куртке и тренировочных штанах. Куртка была измазана краской, что выдавало его принадлежность к деятелям изящных искусств. Лицо его обозначало озабоченность и желание видеть своего друга.

Билли появился из-за пленочной теплицы, и лицо зовущего просияло. Бешенный Билли тоже обрадовался пришедшему, и около минуты мужики обнимались и хлопали друг друга по спинам. Хозяин повел гостя показывать свою гордость - теплицу. В теплице буйно цвел опийный мак и воздух был удиви-

тельно свеж и приятен. В дальнем конце - колосилась конопля.

- Вот, моя золотая «индийка». Семена кришнаиты приперли из самого Тибету, для просветления, зело помогает уходить в нирвану и посещать отдаленные места астрала. Меняю срок вегетации: двенадцать часов света, восемь тьмы, растет, паскуда, с божьей помощью. Рядом с посевами ставлю брагу, для повышения азота в воздухе. Подкормка, прополка, пасынкование, одним словом - метода. Научно обоснованное производство, можно сказать, исконного российского продукта. Хочу написать книжицу о происхождении видов и поступательном движении растениеводства...

- Соседи не «продадут»? - озаботился гость.

- Не, я дурак, могу и дачу спалить, грешным делом, - улыбался Билли, нарезая хлеб и колбасу, появившиеся невесть откуда. - Как твои картинки?

- Нету теперь картинок, - глухо произнес популярный в прошлом график и

акварелист Иван Туров.

- Утонули нетленные произведения, царство им небесное. Дом старый, сам знаешь, мастерская в подвале. Лопнула труба ночью и кипяток залил все под потолок. Графика накрылась, бумага, ручной отлив. Акварель, пастель голландская три ящика, гуаши коллекционные! Все. Даже подрамники выгнулись, что твой пропеллер. Рамки тоже...
 - Будешь виски? участливо спросил Билли.

- Надо, - ответил Иван.

Билли принес из дома самогон, настоянный на кореньях и дубовой коре. Продукт был лишен запаха сивухи и напоминал вкусом благородный «Чивас Региал».

- Угольный фильтр, двойная перегонка, корни сам собирал, пользуясь гербарием, лазил на пузе самолично по поляне, как кот по валерьянке.

Бешенный Билли обменял по случаю академический гербарий на несколько доз плохого кокаина и теперь использовал его в повседневном труде.

- Семья о потопе знает?

- Ольга в Лондоне танцует, дитя при ней. Приедут через три месяца. Не знаю даже, что делать. Выставка в Берлине через полгода, все пропало. У меня башка свернулось и денег нет. Уехать что ли?

Билли почесал в затылке и, внимательно оглядев свое поле, снял неведомо-

го Ивану вредителя со стебля. Вредитель погиб под пальцами Билли, и в этот трагический момент в его извращенном пьянством и предпринимательством мозгу возникло предложение совершенно запредельного плана. Выдумать такое в трезвом уме и здравой памяти обыкновенному человеку было не возможно.

- Пбезжай в Калужскую губернию. Там мой единоутробный братец командует теперешним комсомолом, или как его там... Шашлыки, рыбалка, внимание прессы - обеспеченны. Братец любит живопись. Отдохнешь, и всяких впечатлений наберешься по уши. Бабу тебе выдадут, «комсомолку». Будет тебе в рот глядеть и за пивом бегать, и краски растирать, и палитру чистить...

Иван пожевал стебель конопли и после некоторого раздумья согласился. Отвлечься от неприятностей и посетить пленер - дело обещало если не доходов, то развлечений. Слабых мест в предложении не было. Потому они весело пошли на станцию покупать билет до Калуги. Билли помахивал прутиком и заговаривал

со всеми прохожими.

Билли снабдил художника деньгами, харчами и золотым колечком в подарок для братовой жены. Иван вечером того же дня сел в поезд и утром приехал в Калугу безо всяких приключений. Комсомольцев Туров не видел уже давно и ему представлялся этакий борец за идею победы коммунизма в отдельной взятой области. Он ожидал, что его встретит «Павка Корчагин», если не на лошади, высокий и худой юноша, то коммунист на битой «копейке». Однако он ошибся в своих предположениях.

Расталкивая обступивших Ивана таксистов, к нему приблизился крепкий и невысокий мужчина, в котором проступали фамильные черты Бешенного Билли. После мгновенного опознания Ивана проводили к джипу «Гранд-Чероки». В лобовом стекле против водителя аккуратно заклеенная скотчем зияла круглая дырка и от нее отходили мелкие трещины.

- Покойного машина? - поинтересовался Иван.

- Не, в меня стреляли, скоты, весело отозвался братец.
- По комсомольским делам? изумился Туров.

- Считай так.

И джип полетел по колдобинам в районный центр, известный только большим знатокам географии.

- Для начала в баню, затем обед по случаю приезда высокого гостя, потом рыбалка с шашлыками и ухой... Возражения есть?

- А что за высокий гость? - полюбопытствовал Иван, озирая живописные окрестности.

- Чудак человек, искусство должно тоже ублажаться, как говаривал классик.

Андрей Беляев, носивший, как и брат, кличку «Бешенный» уже веселился предвкушая удовольствие предстоявшего отдыха:

- К нам добрые люди заезжают нечасто, значит, ты и есть самый большой гость, тебя и будем ублажать.

Они приехали за разговорами к большому кирпичному дому с вымощенны-

ми дорожками и небольшим фонтаном.

Навстречу приехавшим метнулись поочередно: борзая, две девочки-близняшки лет двенадцати и миловидная женщина в простом английском платье, купленном в Лондоне. Не хватало только девушки в кокошнике, подающей хлебсоль.

- Как мило, что вы к нам приехали! У нас ужасная глушь, дайте слово, что не сбежите через пару дней.

- Я постараюсь, - пообещал Иван.

Финская баня, оборудованная с любовью, была достойна стоять в любом месте земного шара. Ковшики резал сам хозяин и очень гордился этим обстоятельством. Напарившись и облачившись в халаты с монограммами «Савой», они прошли обозревать дом. Халаты не были украдены, просто они полюбились Андрею, так что он купил их в том отеле для семьи и гостей.

На обеде в честь прибывшего «гения современной графики» собрался весь бомонд. Прибывшие были разного роста и телосложения, однако они все при-

надлежали к высшему обществу районного центра.

Беседа к концу разбилась на отдельные фрагменты, и на террасе подали апперетивы и сигары. Иван сидел в плетенном кресле и смотрел за резвившейся во дворе борзой. Рядом с собакой прыгал ручной кролик-переросток. Одна из близняшек принесла мэтру свои акварельки, и Иван дал несколько советов, сдержанно похвалив юное дарование, и попросил себе бумагу и карандаши.

«Дарование» принесло просимое моментально и устроилось за спиной художника, жадно «растопырив» глазенки. Пропустить момент прикосновения к

искусству было не простительно.

Иван критически посмотрел на бумагу и удивился хорошим английским карандашам. Одним черным цветом, быстрыми и резкими движениями он набросал контур, мягкими линиями обозначил развевающуюся шерсть животного. Собака казалась летящей по воздуху, и каждая шерстинка была наполнена этим восхитительным чувством молодости, здоровья и восторга перед окружающим миром.

Иван велел девочке принести кролика и посадил его на стол перед собой. Пока тот жевал листок сельдерея, Иван сделал быстрый рисунок в стиле Дюрера. Кролик, жмуривший глаза от удовольствия, не знал, что входит своими кончиками ушей и несколько великоватыми лапками в историю изобразительного

искусства.

Рисунки обошли гостей и возникла пауза, которая отделяет повседневность от исторического события. Андрей открыл портмоне и достал, секунду поколебавшись, сто долларов, которые протянул Ивану.

Не надо, - пытался возразить художник.

Надо, - мягко, но с уверенностью в голосе поддержала мужа супруга.

Второй рисунок Иван надписал ребенку и подарил, игнорируяпротесты родителей.

К Ивану подсел мрачноватый мужчина, страдавший одышкой, и попросил сделать на его конезаводе шестнадцать рисунков породистых лошадей по объявленной хозяином цене.

- Платить буду комбикормом, - поднял палец заказчик.

 Почему не отрубями? - попробовал обидеться Иван, представив себя на штабеле с комбикормом на полторы тысячи долларов. Конезаводчик зашелся в хохоте, а Андрей пнул по столом Ивана ногой.

- Гость шутит, - объявил Андрей, - он возьмет комбикормом, - и потянул

Ивана из-за стола на пару слов.

- Ты бы еще попросил порошковым молоком, жить, что ли, надоело. Отруби! За отруби тебе горло перегрызут два миллиона человек и я в том числе.

- На кой ляд мне комбикорм?

- Темнота, комбикорм - это лучше золота. Ликвидность, как у валюты, а спрос не в пример выше. Бери комбиком, его меняем на лес, лес - на стеклобанку, стеклобанку - на консервы, консервы - в армию. Армия даст сертификат, а губернатор за армейский сертификат даст чего хочешь.

- А деньги на каком этапе?

- Художник, а дело знаешь туго, Андрей явно был доволен развитием событий.
- Когда хочешь, только чем дальше схема обмена, тем больше денег. Недельки две поживешь, а я пока крутану комбикорм и себе чего-нибудь выкру-

Закончив переговоры, высокие договаривающиеся стороны вернулись к столу. Гости уже начали расходиться, чтобы ближе к вечеру встретиться в услов-

ленном месте на рыбалке.

Рыбалку и весь следующий день провели на природе. Иван лежал в густой 152 траве и смотрел на облака. В окружении добродушных и заботливых людей его проблемы превратились в мыльный пузырь и вскоре исчезли в глубинах без-

донного воздушного океана.

Через пару дней они все же добрались до районного Союза молодежи и поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж старого бревенчатого дома. Спартанская обстановка напоминала о тяжелом положении трудящихся и интеллигенции.

В комнате, увешанной плакатами и списками мероприятий, сидела девица лет двадцати пяти с косой и веснушками. Этакий прелестный пластовский типаж.

- Вот, Ленок, принимай светило русского искусства и во всех отношениях многогранного творца. Будешь помогать товарищу по партии, краски растирать, палитру чистить и...

- За пивом бегать, - добавил Иван, вспомнив Бешенного Билли.

- И за пивом бегать, - подтвердил Андрей.

Елена охотно взяла на себя опеку над художником и делала это с удовольствием. Они съездили в канцелярский магазин, но кроме залежалой с давних пор плотной финской бумаги и чешского ластика купить ничего не смогли. Китайские фломастеры и пачка карандашей не годились.

Иван послал девицу в типографию за типографской краской, а сам изловил прямо около райкома гуся и ободрал ему перья. Девица принесла трехлитровую банку краски и художник покачал головой. Этого количества краски хвати-

ло бы на все Суриковское училище и грековский институт.

Для начала Иван начал со сцен рыбалки и отдыха на природе. Давно уже из под его пера не выходили радостные и оптимистичные картинки. Елена смотрела на мастера с обожанием и убедившись, что ее помощь не требуется, замерла в ожидании этой надобности.

На машине Елены они посетили конезавод и давешний мужчина встретил их так, как встречают долгожданных гостей и боевых товарищей. Иван смотрел на лошадей, жокеев и делал бесконечное количество скетчей. Женщины и кони

восхищали Бабеля, Тулуз-Лотрека и... Ивана Турова.

Если бы не плохие дороги, облупившаяся краска на старых домах, попадающиеся навстречу нетрезвые мужики и усталые бабы, Иван мог подумать, что живет в стране со счастливым народом. Но сейчас не это было важно. Старый райком, в котором Иван устроил себе мастерскую, наполнялся рисунками, запахом женского восторга и тем особым чувством, которое возникает, когда входишь в мастерскую действующего художника. Дом, милый дом!

Через несколько дней потребовалось оформить сделанное, и Елена повела художника на чердак, где сотнями хранились портреты бывших вождей в добротных рамках. Сурово смотрящий Ильич не возражал против выселения его из рам. За брежневским Политбюро обнаружились портреты Хрущева, а еще дальше стояли фотопортреты отца и учителя, друга советских пионеров и погранич-

ников.

Пыль, поднятая Еленой и Иваном, клубилась столбом, и лучи солнца высвечивали диковинный хоровод пылинок в утробе чердака старого купеческого дома. Ивану в помощь выделили плотника, который и привел рамы в надлежащий вид. Супруга Андрея по делам благотворительности срочно побывала в

Бонне, откуда привезла по списку Ивану все необходимое для работы.

На рисунки пришел посмотреть директор дома охотников. Увидев сцены рыбалки, сделанные в первые дни пребывания на калужской земле, он приобрел дюжину рисунков и, против ожидания, не стал морочить художнику голову конскими харчами, а оплатил немедленно и английскими фунтами. Его охотничье хозяйство процветало за счет англичан, немцев и швейцарцев, которые считали за счастье завалить кабана или лося. В Швейцарии охота запрещена совсем, а почувствовать себя мужчиной хочется многим. Тем более, что оружия в их национальной гвардии много...

Директор правильно ориентировался и держал в означенных странах офи-

сы на паях с Аэрофлотом. Его рубленные коттеджи, привезенные из Финляндии, были знакомы сотням охотников, и существовала даже предварительная запись на крупную дичь.

В местной художественной школе Иван провел показательный урок и был тронут полевыми цветами, домашними пирожками и парным молоком.

Посещение музея современной графики районного центра повергло Ивана в состояние близкое к нокауту. В небольшой комнате районного краеведческого музея, где собственно и размещалась графика, – хранился рисунок Матисса. Госпожа Делекторская, будучи на могилке матери, уроженки этих мест, забыла книгу, в которой между страниц остался маленький лист бумаги с почеркушками этого мастера. Еще музей обладал двадцатью рисунками и письмами немецких экспрессионистов-дегенератов. Кирхтнер, Нольде, Кокошка, Кейц - имена, сделавшие бы честь любому музею. Один из художников-дегенератов был призван в армию и послан на Восточный фронт, где был пленен и трудился на восстановлении разрушенного хозяйства России. За время пребывания на стройке он переписывался со своими отторгнутыми рейхом приятелями и получал от них вместе с продовольственными посылками рисунки.

Еще были хамдамовские рисунки, который в этих местах снимал свой знаменитый и уничтоженный фильм. Шемякинские шелкографии, который в этом

музее пил горькую с Высоцким, также были хороши.

Директор музея настоял на покупке нескольких рисунков, и Иван долго торговался, пытаясь отдать свои рисунки бесплатно. В конце концов Ивану торжественно вручили тридцать пять рублей, которые они с директором немедленно пропили за процветание музея.

Иван оформил около пятидесяти работ и по линии Союза молодежи выставку торжественно открыли сначала в районном кинотеатре, а затем она начала кочевать по всем районам области.

Везде его ждали хлеб-соль и радушный прием местного более или менее

образованного народа.

Художник заучил небольшую приветственную речь и декламировал ее с большим чувством. Выставку посетил губернатор и расточал в туровский адрес добрые слова без меры. Челядь и свита приобрели несколько рисунков для предводителя, которому предстояло праздновать свои именины.

За три месяца, проведенных в провинции, Иван заработал денег на новую мастерскую, сделал более сотни работ для немецкой выставки и познакомил-

ся с массой интересных людей.

...На вокзал провожать Ивана собралось много народу. Дочь Андреярыдала навзрыд, а другая близняшка ковыряла ногой асфальт, чтобы никто не заметил как она тоже роняет слезки. Комсомолка Елена посылала воздушные поцелуи, а супруга директора конезавода толковала в десятый раз о том, что она будет в Калининграде и зайдет обязательно. Иван стоял у окна вагона и долго махал рукой этим людям. Людям, с которыми он провел три фантастических месяца своей жизни. Людям, которые искренне любят искусство и мочат друг друга из-за отрубей и порошкового молока.

- Поезжай в Рязань. Там у меня есть хороший приятель, директор рыбозавода. Большой любитель скульптуры, между прочим, - говорил Бешенный Билли скульптору Пряхину. - Рыбки поешь, на охоту сходишь, церковь посетишь, найдут тебе полтонны бронзы и заводик литейно-механический. Или мрамора достанут. Даст, дружок мой, рыбачку, будет тебе молотки и зубила подавать и за водкой бегать...

Пряхин жевал стебель мака и не находил в предложении слабых мест. Через сорок минут он созреет, и они пойдут вдвоем на станцию покупать билет

до Рязани.

Ротоистории из мелекесского альбома

Отрадно, что наши земляки откликнулись на приглашение редакции «Черемшана» представить нам для публикации архивные снимки из своих семейных фотоальбомов. Сегодня мы открываем фотовернисаж семей Тимофеевых и Иголкиных, коренных мелекессцев. Эти фотографии бережно сохранила и любезно предоставила нам НИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЧУКАНОВА.

На верхнем фото запечатлена свадьба ее бабушки Евдокии Павловой (Тимофеевой) и Алексея Тимофеева (приблизительно 1908-1909 гг.).

На снимке внизу: Евдокия Семеновна Тимофеева (слева) фотографировалась несколько позже со своей подругой.

Приблизительно в 1910-1915 гг. фотографировались купец Иван Федорович Иголкин и его жена Меланья, работавшая учительницей. Снимок сделан в Самарской губернии.

На снимке, сделанном до революции в фотосалоне В.И. Ельцова из села Абдулино, мы вновь видим Евдокию Семеновну Тимофееву (сидит) и ее детей: сына Георгия Алексеевича, 1910 г.р. и дочь Зою Алексеевну 1914 г.р. (ныне Коломина, проживает в нашем городе).

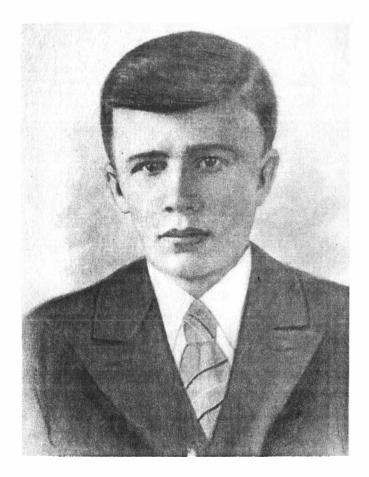
Снимок сделан приблизительно в 1915 году.

На обороте (стр. 158) мама, тетка и дядя Нины Александровны: Вера Алексеевна Иголкина (в центре), Клавдия Алексеевна Тимофеева и Георгий Алексеевич Тимофеев. Снимок сделан приблизительно в 1937-1938 гг.

23 августа 1944 года сестры Тимофеевы сфотографировались на память о суровых днях Великой Отечественной войны. Слева направо: Зоя, Клавдия, Валентина и Вера.

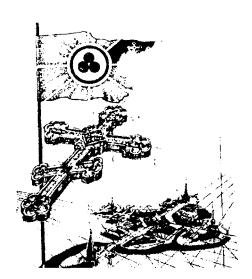
Николай Алексеевич Тимофеев (1922 г.р.), дядя Нины Александровны Чукановой, попал в нашу фотогалерею в преддверии 55-летия Победы советского народа над гитлеровской Германией. Он, как и многие его сверстники-мелекессцы, был призван на фронт в 1941 году. Участвовал в боевых действиях на Юго-Западном фронте под Киевом. Его родным пришло сообщение, что Николай пропал без вести. Возможно, пал на поле боя или позднее погиб в фашистских концлагерях...

Мы надеемся, что это не последние фотоистории и з семейных альбомов наших земляков.

На фотоснимке В.Пчелинцева очередная «мелекесская дива» Катя. Молодость, красота, задор и раскрепощенность позволили ей так эффектно позировать на черемшанском пляже.

Храни нас сень Святого эславного Креста